

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СЕБЕ?

Город на досуге.

МОЛОДЕЖЬ
И КУЛЬТУРА.

№ 14 (1420) ИЮЛЬ 1986

ISSN 0131-4656

СМЕНА

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

Некоторые читатели полагают, что анкета должна была быть много больше и шире, охватывать, в частности, разнообразные молодежные увлечения, содержать вопросы о любимых певцах и актерах и т. д. Однако нельзя объять необъятного. Анкета и без того получилась чрезвычайно большой и громоздкой. Некоторые вопросы были включены в нее для того, чтобы можно было сопоставить полученные результаты с результатами других обследований молодежи, регулярно ведущихся научными учреждениями, чтобы можно было судить о том, что и в каких направлениях меняется.

Читатели не статистики и не социологи. И вполне понятно, что не всем ясны возможности анкеты, их пределы, сущность получаемых в конечном счете данных. Один из читателей пишет: «С нетерпением жду результатов моей анкеты». — предполагая, как можно понять из письма, нечто вроде разгадки его характера и личной жизни.

Массовые анкетные данные могут дать только общую картину, показать определенные тенденции развития; разного рода частные отклонения от средних здесь неизбежно взаимопогашаются. Выявляются характерные черты именно массы, а не отдельных составляющих ее лиц.

Журнальное анкетирование по самой своей природе не может быть репрезентативным, то есть представлять разные группы анкетированных в тех же соотношениях, в каких они находятся в живой жизни, в реальности. Анкеты поступают преимущественно отсюда, где больше подписчиков журнала. Их заполняют наиболее социально активные люди.

Одним словом, анкеты дают несколько завышенное, «приподнятое» представление о нашей молодежи. И если, скажем, подавляющее большинство заполнивших анкеты десятиклассников желает во что бы то ни стало получить высшее образование, а многие — стать кандидатами и докторами наук, то это еще отнюдь не означает, что так настроено и «молчаливое большинство» десятиклассников, анкет которых мы не получили.

Перед началом публикации результатов анкетного обследования стоит кратко напомнить об особенностях нынешнего положения молодежи в обществе и тенденциях его развития.

Три главные функции выполняет молодежь в обществе: учится, работает, рождает и воспитывает детей. И во всех этих отношениях объективно обусловленные требования к молодежи повышаются.

Давно ли ушло время, когда подавляющее большинство молодежи ограничивалось неполным средним образованием! С середины 70-х годов всеобщим обязательным стало среднее образование. Проводимая ныне реформа общеобразовательной и профессиональной школы вновь увеличивает продолжительность образования: оно становится одиннадцатилетним в общеобразовательной школе и двенадцатилетним для тех, кто после восьмого класса поступит в училища профтехобразования. Кроме того, у нас 4,5 миллиона учащихся средних специальных учебных заведений и 5,1 миллиона студентов вузов. Их доля среди молодежи резко поднимается в связи с уменьшением ее численности. Число студентов в 1985/86 учебном году равнялось 25 процентам от числа родившихся в 1966—1970 годах.

Теперь образование — как основной вид деятельности — занимает уже треть всего времени молодости — 5 лет из пятнадцати. А кроме того, теперь большинству людей требуется учиться всю жизнь.

Но общество заинтересовано и в том, чтобы молодежь как можно больше работала в народном хозяйстве.

В ближайшие годы из возрастов, для которых характерна наивысшая рождаемость, будет выходить многолюдное поколение, родившееся в пятидесятые годы и начале 60-х, а входить в этот возраст будет малолюдное поколение рождения второй половины 60-х и начала 70-х годов. При сохранении нынешней по возрастной рождаемости число ежегодных рождений упадет примерно так же, как в 60-е годы. Напомним, что в 1960 году родилось 5 миллионов 341 тысяча детей, а в 1967-м — всего 4 миллиона 93 тысячи. Повторение такого спада имело бы очень неприятные последствия.

Нужно, следовательно, повышение рождаемости. А сделать это может лишь молодежь. Теперь у матерей в возрасте до 30 лет родится три четверти всех детей (до войны — только половина).

Как видим, молодежь теперь должна и больше учиться, и больше работать, и больше детей рожать. А эти три главных дела молодежи в обществе конкурируют между собой, взаимно ограничивают друг друга.

Следовательно, нужно найти методы оптимального сочетания этих одинаково важных и не взаимозаменяемых функций молодежи так, чтобы все они выполнялись на необходимом уровне.

Границей между детством и юностью обычно — и вполне справедливо — считают пятнадцать лет. Раньше между ними выделяли еще отрочество, но теперь это понятие, кажется, забыто.

Разумеется, грань эта условна и подвижна, ибо бывают, к сожалению, и двадцатилетние, и еще более взрослые «дети».

К пятнадцати годам происходят общеизвестные физиологические и психологические изменения, на которых мы здесь останавливаться не будем. Но, кроме того, это возраст, когда приходится принимать первые важные личные решения, прежде всего о будущем своем месте в обществе, о том, кем стать.

Именно в пятнадцать лет происходит первое «генеральное» разделение общего до того потока школьни-

На публикацию под таким заголовком в первом номере журнала редакция получила 4 тысячи заполненных анкет. Они содержат громадный фактический материал, позволяющий судить о том, как и чем живет советская молодежь, каковы ее планы, стремления, надежды. Настоящей статьей мы начинаем публикацию результатов анкетирования. Но перед этим нужно сделать кое-какие необходимые пояснения.

ков на три главных: одни продолжают образование в общеобразовательной школе, другие поступают в средние специальные учебные заведения, третьи — в училища системы профессионально-технического образования.

Выбор одного из этих путей многое предопределяет во всей будущей жизни нынешних восьмиклассников. К сожалению, именно они прислали сравнительно немного заполненных анкет, оказавшись несравненно пассивнее десятиклассников, не говоря уж о студентах. То ли мало их выписывает «Смену», то ли их еще мало интересуют те вопросы, которым посвящена наша анкета. Вероятно, и то, и другое вместе.

Кроме того, анкеты заполнил почти сплошь школьный актив: комсорги, старосты классов, редакторы школьных стенгазет и т. д. Вполне вероятно, что это сильно сказалось на ответах, приподняв средние показатели анкетированных сравнительно со средними школьниками. Несмотря на это, ответы на анкеты свидетельствуют о серьезных проблемах самих школьников и проблемах общества в целом.

Пойдем в той же последовательности, в которой ставились вопросы в анкетах.

Подавляющее большинство восьмиклассников желает окончить среднюю общеобразовательную школу и вуз. Около двадцати процентов хотят поступить в средние специальные учебные заведения, но половина из них планирует после этого получить высшее образование. И всего несколько процентов собираются после восьмого класса поступить в училища профтехобразования.

Намерения пятнадцатилетних не соответствуют объективным потребностям народного хозяйства, которому рабочие нужны не меньше, чем специалисты, то есть люди с дипломами высших и средних специальных учебных заведений. Если даже позиции «молчаливого большинства» и отличаются от позиций школьного актива, проблема все равно остается. Ответы на анкету показывают, «что нынче модно». Другие обследования, в которых охват школьников был репрезентативным, то есть доля актива и рядовых школьников соответствовала их доле в школьной реальности, показывают сходную с нашим обследованием картину: подавляющее большинство школьников намерено учиться, а не работать.

Под чьим решающим воздействием формируются желания и намерения пятнадцатилетних?

На первом, безраздельно господствующем месте стоит родительская семья. Более четверти всех школьников приняли решение о своем будущем, по их мнению, под воздействием только семьи. В некоторых случаях семья просто «заставляет» (цитата из анкеты) восьмиклассника принять то или иное решение. Если же учесть все случаи, когда в принятии решений было важно воздействие семьи (вместе с кино, телевидением, печатью, товарищами...), то их набирается более двух третей от всех ответов. Кроме того,

ТВОИ

4 ТЫСЯЧИ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТ

АВТО

некоторые отвечают, что приняли решение сами. Наиболее вероятно, что в этих случаях влияние семьи тоже велико.

На втором месте — влияние средств массовой информации. Заметно и воздействие товарищей.

Школа же, к сожалению, занимает, по мнению самих учащихся, очень незначительное место в будущем их самоопределении, просто несравнимое с влиянием семьи и даже средств массовой информации. Причем одна школа называется чрезвычайно редко; обычно — в сочетаниях «школа и семья», «школа и кино» и т. д.

Почему же так мало влияние школы на выбор жизненного пути?

Да потому, что у нас до сих пор нет серьезной системы социально-профессиональной ориентации. Профессиональную ориентацию должны, по существующему положению, вести школьные учителя — предметники и классные руководители, которые к этому важному делу не подготовлены, в частности не знают мира труда, требований, которые та или иная профессия предъявляет к человеку, возможностей, которые профессия дает для удовлетворения тех или иных потребностей, и т. д.

А ведь восьмиклассник, выбирая ПТУ или техникум, должен одновременно выбрать и профессию. А к этому он совершенно не подготовлен. Ни себя он еще в нужной для этого мере не знает, ни профессии, да и общий его жизненный опыт скуден. Влияние семьи при таком положении неизбежно. У родителей все же есть и профессиональный, и житейский опыт. Однако и при этом выборы слишком часто бывают совсем неудачными и полуудачными. Из-за этого потом молодые люди нередко меняют — многие неоднократно — профессии и места работы. Неудачный первоначальный выбор профессии — одна из важнейших причин высокой текучести молодежи в народном хозяйстве (а это наносит стране большой экономический ущерб), важная причина невысокой удовлетворенно-

людям, обществу» (половина опрошенных) и «возможность создавать что-то новое, творчество» (44 процента), на следующем — «материальная обеспеченность» (31 процент). Такие пункты, как «общественное признание, престиж», «добросовестное выполнение своих обязанностей» и «возможность постоянно расширять свой кругозор», отметили по 15—18 процентов опрошенных, «многообразие впечатлений» — всего несколько процентов, а «возможность руководить людьми» — почти никто. Последнее странно в свете того, что большая доля заполнивших анкеты занята в школе общественной работой.

Отметим, что у более взрослой молодежи, уже работающей в народном хозяйстве, пункт «радость от выполняемой работы», продолжая оставаться важным, занимает все же значительно более скромное место, в то время как роль «материальной обеспеченности» сильно поднимается. Дело в том, что восьмиклассники оценивают проективную ситуацию, в то время как работающие — реальную.

Вопросы будущей работы у большинства пятнадцатилетних остаются еще на периферии интересов, не очень для них важны.

Для подавляющего большинства пятнадцатилетних мир профессий (да, видимо, и мир вообще) представляется контрастно, в черно-белом свете. Одним профессиям щедро ставят десятки, то есть оценивают их предельно высоко, другим единицы, хотя у разных людей это могут быть разные профессии. Эта контрастность еще раз свидетельствует об очень плохом знании мира профессий, о необходимости резкого улучшения профессиональной ориентации выпускников неполной средней школы.

Некоторые так же контрастно оценивают и «основные требования» к будущей работе: одним ставят пятерки, другим — единицы, совершенно не используя промежуточные оценки. В то же время другие восьмиклассники, оценивая всего девять условий, исполь-

ная обеспеченность близка к средней по городам страны.

Вот какие средние оценки при десятибалльной системе (самая высокая — 10, самая низкая оценка — 1) получили некоторые профессии:

артист	— 6,6	журналист	— 7,4
врач	— 7,3	каменщик	— 2,6
инженер	— 5,2	летчик	— 7,5
лесоруб	— 2,7	милиционер	— 4,8
моряк	— 8,0	математик	— 4,8
медсестра	— 6,6	повар	— 4,5
официант	— 2,5	преподаватель	
почтальон	— 2,5	вуза	— 6,6
продавец	— 3,9	учитель	
бухгалтер	— 2,1	средней школы	— 4,6

Пятнадцать лет — возраст романтический. Прекрасно, что на вершине престижа — профессия моряка. Но вот низкий престиж профессии учителя уже не может не тревожить так же, как и чрезвычайно низкий престиж некоторых профессий физического труда (каменщик и т. д.). И можем ли мы ждать скорых и решительных перемен в нашей сфере обслуживания, если одна из самых непопулярных — профессия официанта? Дело тут не в ее сущности. В Венгрии, например, это очень престижная профессия.

Каков быт семей, в которых проживают восьмиклассники?

Известно, что одна из острых проблем нынешней семьи — распределение домашнего труда между ее членами. В семьях восьмиклассников мы находим все виды и разновидности этого распределения: от ведения дома только женщинами и полного самоустранения от домашних дел мужчин до примерного равенства в распределении домашних дел между взрослыми членами семьи и отдельных случаев преимущественно мужского домашнего труда. А как помогают семье сами пятнадцатилетние?

Многие восьмиклассники не приучены считать время, и потому ответы нередко слишком неопределенны, а то и просто отсутствуют. По анкетам с полноценными ответами выходит, что в будни восьмиклассники занимаются домашними делами примерно по полтора часа, в воскресенье — около трех часов, юноши заметно меньше девушек. Это позволяет думать, что бытовое неравенство полов, от которого страдает современная семья, будет изживаться медленно. Да и девушки помогают матерям сравнительно слабо. Возможно, поэтому они так болезненно переносят резкое возрастание времени и тяжести домашнего труда после образования собственной семьи.

И дело совсем не в том, что у них нет времени. Чуть больше половины пятнадцатилетних считает, что свободного времени у них достаточно. Затраты времени на телевидение несравненно больше, чем на домашний труд: в среднем 2 часа 40 минут в будни и 5 часов 25 минут — в воскресенье. Есть завзятые телеманы, проводящие в воскресенье у телевизора по 10—11 часов. В таких случаях обычно очень мало читают, и своеобразен подбор литературы: это детективы и фантастика невысокого уровня.

Есть очень усердные читатели, одолевшие за месяц по пять и более художественных книг (возможно, потому, что в этот месяц попали школьные каникулы), есть любители театра — в больших городах... Но попадаются и странные исключения. Вот очень тщательно заполненная анкета юноши из Новосибирска. Художественную литературу за последний месяц не читал, в театре не был, ни журналов, ни газет семья не выписывает. Юноша собирается получить высшее образование, наиболее высоко ценит профессии офицера и летчика (только им выставлено по 10 баллов) и ни во что не ставит профессии артиста, учителя, преподавателя вуза и писателя — всем по единице. Жизнью доволен. Политинформатор в школе. Свободного времени хватает, не знает, на что его использовать, если бы появилось дополнительное.

С алкоголем к 15 годам познакомилась примерно четверть школьников, причем знакомство произошло: в семье, на встрече Нового года; на встрече с товарищами. Самое раннее практическое знакомство с алкоголем — в восемь-девять лет, чаще — в четырнадцать-пятнадцать.

В целом довольно и очень довольно жизнью около половины восьмиклассников; очень недовольно — около пятой части; остальные затрудняются оценить общую удовлетворенность (3 балла).

Самые выдающиеся черты молодежи на границе с детством, «на заре туманной юности» — это преимущественный настрой на получение высшего образования, приятной умственной работы, очень низкая оценка профессий физического труда; профессиональные склонности молодежи перед окончанием неполной средней школы не соответствуют объективным потребностям народного хозяйства.

В следующий раз мы рассмотрим изменение фактического положения и настроений учащейся молодежи по мере ее взросления.

КЛИКНУЛИСЬ НА АНКЕТУ «СМЕНЫ»

ПОРТРЕТ

сти своей профессией и работой (а это сказывается на производительности труда и его качестве) и даже жизнью вообще.

Ненормальное положение с профессиональной ориентацией школьников осознано в общем-то обществом. В принятом и уже два года осуществляемом законе о реформе средней общеобразовательной и профессиональной школы намечено всем студентам педвузов давать знания по основам труда и профессиональной ориентации. Однако один учебный предмет не сделает из них специалистов этого важного и достаточно сложного и тонкого дела. Так же, как, скажем, курс истории не делает из слушателя историка. Нужна массовая подготовка специалистов-профориентаторов, имеющих фундаментальные знания в области физиологии и психологии человека (в том числе возрастных, половых и т. д.) и достаточно хорошо знающих мир труда. Если даже иметь всего по одному специалисту на каждую среднюю и неполную среднюю школу, то их понадобится около ста тысяч человек. Чтобы подготовить их, нужно открыть специальные факультеты во многих вузах.

Отсутствие хорошей профориентации — одна из важных причин, по которым семья обычно не желает, чтобы ее ребенок пошел в ПТУ. Она справедливо полагает, что после десятого класса сделать самостоятельный выбор все же легче и надежнее.

Что хотели бы нынешние восьмиклассники получить прежде всего от своей будущей работы?

При ответе на вопрос «Что, по вашему мнению, является самым важным, чего может достичь человек в своей профессии?» можно было отметить не более трех пунктов из девяти «подсказанных». Именно по три пункта и отметили почти все.

На первом месте с громадным отрывом от других оказалась «радость от выполняемой работы», которую отметили более 90 процентов опрошенных восьмиклассников. На втором и третьем местах оказались: «возможность приносить максимальную пользу

зуют все пять оценок. Средние оценки восьмиклассников таковы:

Работа должна быть:	Оценки
интересной для меня	— 4,7
оставлять много времени для других занятий	— 2,7
способствовать всестороннему развитию способностей	— 4,4
характеризоваться гигиеничными условиями труда	— 2,5
обеспечивать возможность творческой деятельности	— 3,2
быть престижной, авторитетной	— 2,9
хорошо оплачиваться	— 3,0
обеспечивать возможность повышения профессиональных знаний и умений	— 4,2
давать возможность общаться со многими людьми	— 3,9

Интересно, что именно такие и похожие оценки получают социологи при обследовании рабочих на промышленных предприятиях, за исключением оплаты труда, оценка которой несколько выше.

Исключительно высокая оценка «интересности» работы еще раз говорит о важности хорошей профориентации. Работа, не подходящая человеку по его психофизиологическим данным, едва ли может быть интересной, а неудовлетворенность этой стороной неизбежно будет толкать молодого работника к перемене занятий и места работы.

Почти все восьмиклассники, заполнившие анкеты, живут с родителями, подавляющее большинство — в благоустроенном государственном жилье, жилищ-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1420) ИЮЛЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
летние радости.

Фото
Нины СВИРИДОВОЙ.

- 1 Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. «ТВОЙ АВТОПОРТРЕТ».
- 2 БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ.
Александр БОЙКО. «КУРИТЬ ИЛИ ЖИТЬ?»
- 4 XXVII СЪЕЗД КПСС ТРЕБУЕТ ОТ НАС...
Валерий ОРЛОВ. «ПОЛЮС ВЗАИМНОСТИ».
- 8 НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Татьяна БРАТКОВА. «ОСТАЛЬНЫЕ НЕ В СЧЕТ».
- 10 МИР КАПИТАЛА: ПОКРОВИТЕЛИ УБИЙЦ.
Александр КАРМЕН. «ЧЕРНЫЕ СЛЕДЫ».
- 12 МОЛОДЕЖЬ И КУЛЬТУРА.
- 14 ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ.
Наталья КОЛЕСОВА. «СОЛО ДЛЯ БОЛЬШОГО ГОРОДА».
- 16 ОТЕЧЕСТВО.
«И СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК ВОЗМОЖНО...»
Фотоочерк Владимира ПОРУДОМИНСКОГО и
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 19 Стихи Ларисы ВАСИЛЬЕВОЙ.
- 20 Рассказ Жана Поля САРТРА «СТЕНА».
- 23 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
«МАШИНА ВРЕМЕНИ»: НОВЫЙ ПОВОРОТ».
- 24 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
Повесть Юрия ВИЗБОРА «АРКТИКА, ДОМ ДВА».
- 28 Стихи Михаила ЛЬВОВА.
- 29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Агата КРИСТИ. «ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАРОМ ЗАМКЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда», «Смена», 1986 г.

Письмо пятое — ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ

Что такое перекур? Казалось бы, дело ясное. Но я все же решил свериться с авторитетным словарем В. Даля, изданным чуть более ста лет назад, в 1882 году. Оказалось, что нет там такого слова в привычном для нас значении! А я-то был уверен, что слову этому сотни лет! Так и видится картина — в поте лица валяя мужики лес, притомилась артель, командует старшой: «Кончай! Перекур!» Остановились, скрутили по сигарке, подымили, затоптали в землю окурки и — за топоры...

Но нет, не существовало в былые времена такого слова, как не было и таких потерь, какие наносит нам сегодня затянувшийся «всесоюзный перекур».

К сожалению, пример, который хочу привести, опять же «не наш» и появился лет десять назад в «Смене» в разделе зарубежных курьезов.

Говорят, что курильщик курит на свои и никого не должна волновать сумма его расходов. Но вот один бизнесмен произвел соответствующие подсчеты и... перестал принимать на работу курильщиков. Через некоторое время в его фирме резко сократилось общее число дней, пропущенных по болезни, уменьшились страховые взносы за сотрудников и расходы по уборке помещений, а в бывшей курилке, сэкономив производственную площадь, устроили склад запасных частей. Теперь никто не прожигал ковры и мебель (это тоже вошло в калькуляцию). Оказалось, что, если не принимать на работу курильщиков, можно сэкономить в расходах на мебель 50 процентов, на уборке помещений — 50 процентов и 75 процентов — на пособиях по временной нетрудоспособности.

Одно из старейших издательств Англии, «Кембридж Университи Пресс», установило новые порядки. Как только работник войдет в курительную комнату, прибор регистрирует это, и в конце месяца «курильные» часы вычтут. И служащий получит деньги только за «бездымное» время! Как сообщает печать, даже самые отъявленные курильщики предпочли получать реальные деньги, нежели сомнительное удовольствие.

100 директоров американских фирм весьма однозначно выразили свое отношение к курению. Только трое сказали, что при приеме людей на работу они предпочитают курящих. 97 директоров (из которых 24 сами курильщики!) высказались за некурящих.

Чтобы стало ясно, к чему именно я это рассказываю, замечу: если 25 лет назад в США курило 52 процента мужчин, то сейчас этот показатель снизился до 35 процентов.

По данным, полученным исследователями Е. Стежневской и Ю. Силенко, отказ от курения только работников управленческого аппарата привел бы к снижению их заболеваемости на 10 процентов.

КУРИТЬ

По данным США, убытки от курения исчисляются в стране 65 миллиардами долларов ежегодно (!). Каждая проданная пачка сигарет приносит стране убытков на 2,17 доллара. Думаю, эта цифра должна бы привлечь внимание и наших экономистов.

Специалисты Европейского экономического сообщества, изучив влияние курения на экономику своих стран, пришли к выводу, что расходы, связанные с потерями рабочего времени и выплатами на лечение курильщиков, в два с лишним раза превышают доходы от продажи табачных изделий.

К сожалению, таким подходом к оценке курения мы похвастать не можем. Зато весьма часто пишем о цене одной минуты в масштабах страны.

К счастью, кое-какие сдвиги наметились и в нашем сознании. Как-то в рубрике «Литературной газеты» «Если бы я был директором...» было предложено увеличивать трудовой день курильщиков на 30 минут, при этом утверждалось: даже эта мера не компенсировала бы всех потерь рабочего времени, улетающего вместе с сигаретным дымом во время перекуров.

Но разве дело только в потерях времени? Курение снижает мышечную реакцию в среднем на 23,5 процента. Установлена зависимость между курением и производственным травматизмом.

Курение снижает уровень работоспособности, сокращает объем качественно выполняемой работы. По данным исследователя Л. Воробьева, среди студентов-отличников некурящих в 7 раз больше, чем курящих...

Давний пример, какой уже и не вспоминает наш санпросвет: стрелок, выбивающий 96 очков из 100, после того, как выкурил несколько сигарет, смог выбить только 40 очков. К чему я это пишу? Да уж не

Александр БОЙКО,
кандидат педагогических наук

Береги
здоровье
смолоду

ДЕСЯТЬ ПИСЕМ
О ТАБАКЕ

К читателям.
Публикуя
эти материалы,
мы хотим заставить
задуматься тех,
кто еще курит,
помочь тем,
кто хочет расстаться
с сигаретой,
протянуть руку
помощи тем,
кто борется
с курением.

Продолжение. Начало в № 13.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

ранения СССР «По усилению борьбы с курением среди населения в медицинских учреждениях...». Согласно письму, на первом этапе мероприятия носят разъяснительный и ограничительный характер. В частности, медперсоналу запрещается курить при больных, профессорам и преподавателям — при студентах. На втором этапе, через 2—3 года, намечено повести борьбу за то, чтобы медицинские работники прекратили курить вообще, поскольку эта привычка несовместима со званием и профессией медика.

В одном из пособий, изданном в 1979 году, написано: «Надо надеяться, что медики принципиально и профессионально будут вести борьбу с этим злом». Прошло семь лет. Побывал недавно в трех московских мединститутах, находящихся, образно говоря, под окнами Минздрава СССР и РСФСР и Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома, и удивляюсь: как можно всерьез писать приведенное выше и не видеть «разгул курения» в среде будущих врачей?

Письмо шестое — ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

«А так ли все страшно?» — спросит благодущный читатель.

Пытаюсь отыскать курильщиков среди своих друзей и не могу. Я вырос в атмосфере спорта, точнее — легкой атлетики, еще точнее — бега. Оглядываясь назад, вспоминая своих тренеров, готов им поклониться: не запрещая курить, они никогда не подавали нам пример. Не могу сказать, что мир спорта безоблачен, но с полной ответственностью советую родителям: отдавайте детей в спорт, если не хотите, чтобы они курили. Отдавайте пораньше, предварительно убедившись, правда, что тренер, которому вы вручаете свое чадо, сам не курит.

Недавно с интересом прочитал книгу Эдуарда Стрельцова, выпущенную издательством «Советская Россия» в 1984 году. Для нынешних молодых любителей спорта он — один из легендарных футболистов прошлого, для тех же, кто видел его в игре, — любимый футболист. На обложке книги он сам, постаревший и... весь в дыму, с сигаретой в руке. Книгу готовили к печати, рассматривали массу снимков, выбирали, советовались, утверждали. О чем же думали автор, редактор и художник книги, выпуская в свет, по сути дела, рекламу курения?

Несколько месяцев назад в газете появилась короткая заметка об олимпийском чемпионе по прыжкам в воду Греге Луганисе. По словам спортсмена, он принял решение бросить курить, когда «поймал» в бассейне десятилетнего мальчишку с сигаретой. В ответ на замечание Луганиса тот заявил: «А я хочу во всем походить на тебя».

Люди большого спорта остаются примером огром-

курящих подростков. Общенациональная кампания в Швеции, названная «Некурящее поколение» (имеются в виду те, кто родился после 1975 года), ведется десять лет. Основная идея — пропаганда некурения как современного, даже модного образа жизни.

В Исландии, в этой маленькой островной стране, провели Общенациональный день борьбы с курением. Несмотря на протесты зарубежных табачных фирм, на пачках сделаны надписи: «Каждый год сотни исландцев гибнут от курения», «Курение усиливает риск сердечного приступа», «Курение угрожает здоровью матери и ребенка».

Английские врачи пишут: если бы 20 процентов курильщиков бросили курить, то через определенное время в Великобритании случилось бы ежегодно на 8000 смертей меньше.

Власти японского города Ваки приняли решение каждый месяц проводить «три дня без курения». В такие дни ограничивается продажа табачных изделий.

Аналогичная борьба развернулась и в Сингапуре. Здесь не редкость надпись: «Курить запрещается! Штраф — 500 долларов». Сначала отказались от рекламы табачных изделий, затем запретили курить в общественных местах. Запретили курить служащим в присутствии посетителей, а врачам — в присутствии пациентов. Шофер такси, закуривший за рулем, штрафуется на 500 долларов.

Американское агентство «Ассошиэйтед пресс» сообщило: за последние двадцать лет 30 миллионов американцев бросили курить. Подтвердила опубликованная статистика: ежегодно 350 тысяч жителей страны умирали в результате сердечно-сосудистых заболеваний, вызванных курением...

«Но сколько же можно?! — возмутится читатель. — До каких пор автор будет ссылаться только на иностранную статистику? Или у нас своей нет?..»

Письмо седьмое — НЕДОУМЕННОЕ

Когда слышишь, что каждый третий умирает до срока, отпущенного природой, от болезней, связанных с курением, — так и хочется выстроить эту курящую часть человечества и скомандовать: «На первый, второй, третий — рассчитайся!» Как бы они засуетились: «Неужто я?..»

Неужто только в такой ситуации курильщик схватит доктора за рукав и закричит: «Спасите!..» Легко сказать... А если спасать нечего? Если все прокурено?

Сегодня в школе герой тот, кто не курит.

Сегодня наши студентки — будущие матери — дымят, как фабричные трубы!

Сегодня здоровье нашей молодежи — под маскаранным «артобстрелом» никотина!

Мы расходуем краску на печатание стыдливых предупреждений о вреде курения на каждой пачке сигарет, а молодежь курит, не читая этого. Убедителен ли разговор о вреде табака на страницах печати, если в киосках рядом с пачками газет и журналов, где все это написано, лежат пачки сигарет?

В стране создан Межведомственный совет по анти-табачной пропаганде, возглавляемый некурящим заместителем министра здравоохранения СССР А. Г. Сафоновым. Как-то читал его ответы на вопросы читателей «Советской России» и особо обратил внимание на такие слова: «Я бросил курить на фронте в 1943 году. Только люди, прошедшие войну, знают, что это такое — бросить курить в ту пору. Это было в тысячу раз сложнее, чем в мирное время...» Но вот, знакомясь с планом работы совета, я не нашел в нем мер, достаточно решительных и эффективных, ведущих к успеху, хотя время сейчас мирное. Да и о каких успехах может идти речь, если у нас параллельно развиваются по нарастающей два процесса: с одной стороны, табакотовары перевыполняют обязательства по выращиванию табака, получают премии и награды, торговля же с успехом их продукцию реализует, а с другой — врачи не покладая рук борются за снижение смертности больных раком, вызванной курением!

Минздрав зафиксировал понижение возрастной границы начала курения... Минпищепром увеличил план выпуска сигарет... Бесконечная цепь. Но в этой цепи есть важное, никому не видимое звено: наша статистика. Она, стыдливо умалчивая количество потребляемых сигарет, терпеливо ожидает развития событий. Мы же берем иностранную статистику и прикидываем ее для себя: а) возможное количество биолетеней в ближайшие годы; б) стоимость и число больничных коек, какие понесутся; в) «списание» еще вчера здоровых людей на инвалидность; г) численность работоспособного населения, умершего от курения...

Так с каким же «статистическим курильщиком» мы хотим бороться: со своим или с зарубежным?

ОКОНЧАНИЕ РАЗГОВОРА —
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ИЛИ ЖИТЬ?

для того, чтобы позабавить любителей стрельбы в тире из пневматического ружья! Современная армия требует от солдат отличной физической подготовки, особенно в стремительных бросках, когда, оставляя технические средства передвижения, они должны демонстрировать выносливость — качество, наиболее страдающее от курения.

У авиаторов на этот счет есть точные цифры: курящий летчик на высоте 3000 метров чувствует себя, как на высоте 4500.

Есть категория людей, которым, по их профессии, должна принадлежать ведущая роль в борьбе с курением. Это врачи. Как же обстоят дела с курением у медицинских работников?

Читаю один из циркуляров Минздрава: «В учебные программы подготовки студентов медицинских вузов включить курс по борьбе с курением (психиатрия)». Нахожу свое интервью с профессором Л. Антоновой («Смена» № 1, 1985 год), где черным по белому написано: «Согласно обследованиям, проведенным в 1-м медицинском институте Москвы, курят 1980 студентов, обучающихся на I—II курсах». Беру данные В. Киселева (1983 год), полученные при обследовании студентов-медиков: на IV курсе мединститута курят 42 процента учащихся, причем 37,5 процента впервые закурили уже в институте...

Итак, дипломированные медики, покуривая, разрабатывают планы борьбы с курением, а еще не дипломированные студенты — будущие врачи курят больше, нежели студенты технических вузов. Исследователями НИИ профилактической кардиологии установлено, что в Первом и Втором московских медицинских институтах курят 31,9 процента студентов, в то время как в МВТУ имени Баумана — 21,8 процента.

Есть директивное письмо Министерства здравоохранения

ной силы. Но что поделаешь, если газетчики не бичуют курящих тренеров, глядя на которых покуривают футболисты, а, равняясь на последних, тянутся к сигарете и миллионы мальчишек... А ведь спорт — это прекраснейшая среда, где борьбу с курением можно вести наиболее эффективным методом — от обратного, то есть от положительного: что дает человеку «некурящий» образ жизни. Мне нравится позиция молодого врача НИИ профилактической кардиологии А. Прохорова. Работая со школьниками, он доказывает преимущества «некурения», демонстрируя убедительные факты.

К сожалению, у нас пока еще в моде позиция, которой придерживается ряд исследователей: производство сигарет с низким содержанием никотина — это, мол, тоже шаг вперед. Но ведь во всем мире уже доказано, что такие сигареты способны только увеличить число курильщиков, поскольку объявляются «почти безвредными»!

УСТАНОВЛЕНО: «легкие» сигареты с фильтром практически так же вредны, как и любые другие; решающую роль играет глубина ингаляции (вдыхания) дыма.

Да, только полный отказ от курения дает эффект. Спустя 10 лет после того, как курильщик расстался с сигаретой, здоровье его восстанавливается. Организм, если в нем еще остались силы, сам ликвидирует негативные изменения в бронхах и трахеях.

Пишу это потому, что хочу подчеркнуть: курильщик мало пугать, их надо и обнадеживать.

Как и в антиалкогольной пропаганде, основные усилия в борьбе с курением следует считать специалистами, сосредоточить на молодежи, а не на задымленных курильщиках «со стажем». Отлично взялся за это дело скандинавские страны (Норвегия и Швеция) и добились значительного успеха в снижении процента

ПОЛЮС

Для начала представим сам город. Сумгаит — второй, после столицы, промышленный центр Азербайджана. Думаю, что по крайней мере с одним из видов производимой здесь продукции знакомы практически все в нашей стране — с сумгайтским стиральным порошком. Это, конечно, далеко не главный продукт городской индустрии, зато он позволяет точно назвать важнейшую профессию города — химия. Еще — металлургия. Есть в Сумгаите предприятия и других отраслей, но именно эти две в основном определяют рабочее лицо города.

А то, что город рабочий, видно, что называется, невооруженным глазом: днем на улицах почти не встретишь праздно прогуливающихся, зато вечером... Сейчас в Сумгаите почти четверть миллиона жителей, средний их возраст — 24,5 года. Итак, Сумга-

ит — город рабочий, большой и молодежный. Это нам очень важно помнить.

Возраст самого города тоже далеко не преклонный — ему нет и сорока. Возник он после войны на месте маленького селения на побережье Апшеронского полуострова. Рос довольно бурно. В одну сторону вдоль Каспия шагала промышленная зона, в другую — жилые кварталы. Нынешний городской центр — уже второй по счету, но, как считают, не последний: со временем он, видимо, перейдет в новые микрорайоны, тянущиеся к небу многоэтажными современными корпусами. Но это со временем, а пока...

Пока это, по сути, два разных города — сложившийся на сегодня центр и довольно удаленные от него новые районы, как мы нынче говорим, массовой застройки. Разные не только архитектурным обликом. Я бы эту разницу определил так: обжитая и

ВЗАИМ

В ПРОФОРИЕНТАЦИОННОМ ЦЕНТРЕ «ПРОМЕТЕЙ» ХОЗЯИНИЧАЮТ САМИ РЕБЯТА.

АТТРАКЦИОНЫ НА ЛЮБОЙ ВОЗРАСТ.

ВЫЕЗДНЫЕ КОНЦЕРТЫ В МИКРОРАЙОНАХ ГОРОДА СТАЛИ ТРАДИЦИЕЙ.

В САМОДЕЯТЕЛЬНОМ АНСАМБЛЕ — МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ ГОРОДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ.

обживаемая зоны города. Если его центральная (на сегодняшний день) часть с зеленью улиц, цветами, фонтанами, приморским парком производит впечатление курорта, то, попав в новые микрорайоны, украшенные лишь тонкими прутиками саженцев вдоль домов и дорог, понимаешь, как нелегко дался этот «курортный» вид центру. Да, теплое море, песчаные пляжи — все это от природы. Но от природы и то, что ни один кустик, ни одна веточка здесь не вырастут сами по себе — все посажено человеком, все взлелеяно и выхажено его трудом. Нет сомнения, пройдет время — зашелестят листвою парки и в новых микрорайонах, но пока не только зеленью обделены они по сравнению с центром...

Быстро развивающемуся Сумгаиту не удалось избежать болезни многих наших городов, болезни, диагноз ко-

торой точно поставлен XXVII съездом партии — «остаточный» принцип выделения ресурсов на социально-культурную сферу.

Вообще по количеству культурно-спортивных учреждений Сумгаит нельзя отнести к наиболее неблагоприятным в этом отношении городам. Тут есть дворцы и дома культуры, клубы, кинотеатры, свой драматический театр (хотя и без собственного помещения). Есть стадионы и спортивные площадки, музыкальные школы и школы искусств... Перечень можно и продолжить, но беда в том, что практически все эти «точки» находятся в старой, центральной части города. Правда, в этом году открылся построенный в одном из микрорайонов прекрасный Дворец культуры химиков. Но, как говорится, одна ласточка, даже самая голосистая, весны не делает.

ЛНОСТИ

Адрес интересного опыта

Валерий ОРЛОВ

А ведь именно в микрорайонах живет значительная часть сумгаитцев, причем по большей мере именно та часть, которая прежде всего нуждается в «культурном охвате», — новое пополнение рабочего класса, парни и девушки, приехавшие в город из села. Можно, конечно, сказать: ну что за проблема, не такой уж Сумгаит громадный город, чтобы тянувшийся к культуре или спорту молодой человек не нашел сил добраться из своего микрорайона до ближайшего клуба или стадиона! Можно так сказать. И, наверное, это будет справедливо в отношении «тянущегося» молодого человека. А в отношении «нетянущегося»? Оставить такого в покое? Ограничиться объявлениями и призывами: посещайте наш клуб, записывайтесь в кружки художественной самодеятельности и спортивные секции? Или ждать, когда изменится социаль-

ная инфраструктура города, когда в каждом микрорайоне появятся свои клубы и стадионы?

В Сумгаите решили по-другому. ...Однажды среди корпусов нового микрорайона зазвучала музыка. Ребята тут же окружила нежданная толпа. Жители постарше недоуменно выглядывали в окна, свешивались с балконов: что такое, вроде не праздник?.. А музыканты меж тем настраивали инструменты, расставляли реквизит. Понемногу вокруг собралась целая толпа. И начался концерт самодеятельных артистов.

«Браво! — слышу ироничные возгласы оппонентов. — Америку открыли, про выездные концерты вспомнили. Вот уж действительно решение всех проблем!»

Америку в Сумгаите не открыли, да и задачи такой не ставили, и проблем всех той нехитрой придумкой, конеч-

но, не решили. Но первый шаг на этом пути сделали. А он заставил задуматься о многом.

Один концерт в микрорайоне, кроме галочки в отчете, ничего не добавит. Чтобы добиться желаемого, нужна система — консолидация всех «культурных сил» независимо от их ведомственной подчиненности, нужен и новый принцип руководства этими силами. То есть нужна определенная ломка стереотипов. Дело не легкое. И, прежде чем приступить к нему, требовалось решить главное: какого результата ждут сами организаторы? Занять свободное время жителей микрорайонов? Привнести культуру в массы?

Нет, сумгаитские энтузиасты были не настолько простодушны. Они прекрасно понимали, что даже еженедельные выступления во дворах проблемы свободного времени не ре-

шат, а самодеятельности, какого бы высокого уровня она ни была, трудненько тягаться с тем, что — поверни только ручку — предлагает телевидение. Рассчитывали на другое. На то, что удастся взбудоражить, а взбудоражив, сплотить подчас незнакомых между собой новых жителей новых городских окраин. Удалось ли это?

Мы были свидетелями очередного выездного концерта в 17-м, самом дальнем микрорайоне Сумгаита. Выступал там молодежный народный агиттеатр, прописанный при ДК «Октябрь». Представление шло напористо, с настроением. Острые сатирические скетчи имели несомненный успех у зрителей. Но, честно сказать, наибольшее впечатление лично на меня произвела не игра актеров. И даже не количество собравшихся возле импровизированной сцены. Больше всего запомнилась неболь-

фото Сергея ВЕТРОВА

шая группа почтенного вида людей, восседавших за столиками прямо у сцены и степенно попивающих чай. Кто это? Президиум? Жюри? «Старейшины микрорайона, наши ветераны!» — пояснили мне. Восточные обычаи почитания старших общеизвестны, но здесь, на пустыре между пятиэтажными коробками, картина чаепития во время выступления агиттеатра производила особенно трогательное впечатление. «Однажды на таком же концерте кто-то из стариков захотел пить. Ему принесли из дома чаю. С тех пор накрывать для ветеранов чайный стол стало у нас традицией».

Вот, мне кажется, зримый ответ на вопрос: удалось ли энтузиастам сплотить жителей новых районов. Группа людей, в которой существуют свои традиции, — уже не просто группа, а коллектив. И ему уже можно доверить многое. Например, школьные помещения, как правило, пустующие по вечерам и в воскресные дни. Пока на городских окраинах (да и не только на окраинах!) вырастут клубы и стадионы, школьные залы — прекрасный выход для организации культурного и спортивного досуга взрослого населения. Выход прекрасный, но тоже не открытие Америки. Об этом говорят давно и повсеместно, но чаще всего безрезультатно. Потому что директора школ опасаются (порой не без оснований) распахнуть двери... неизвестно перед кем. И в Сумгаите поначалу опасались. Но сегодня лед недоверия растаял или по крайней мере бурно тает. Что же заставило дрогнуть директор-

ские сердца? Не хочется упрощать, но кажется мне, что и картина чаепития (заметим, чаепития, не запланированного «сверху») сыграла свою роль тоже.

Впрочем, не слишком ли круто свернули мы в нашем рассказе на явно лирическую тропку, не пора ли вернуться на столбовую дорогу прозаической орботы? И так, для обеспечения успеха «культурной бомбардировки» окраин нужно было обеспечить ее регулярность. Обычными шефскими связями здесь уже не обойтись. Одно предприятие закреплено за общежитием, другое — за детским садом, третье — за спортплощадкой... Клуб подчинен одному ведомству, стадион — другому... У каждого свои задачи и планы... Все эту картючку следовало переплавить в единое ядро. Иными словами, объединить возможности и усилия всех промышленных предприятий города, всех его культурных и спортивных учреждений.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Тем не менее в пересказе все выглядит просто: собрались заинтересованные лица — городские руководители, комсомольские активисты, культ- и спортработники, — наметили общую программу действий, создали инициативный совет для ее координации. Первым шагом, как уже говорилось, стали концертные выезды в микрорайоны, которые обеспечивались всем культурно-просветительным потенциалом города. Дальше — больше. Консолидация сил позволила провести такие мероприятия, о которых раньше и не

мечтали. Например, день молодой семьи «Будьте счастливы!», по своим масштабам ставший поистине общегородским событием. Или праздник улицы Мира. Или выплеснувшиеся за рамки протокольных заседаний торжества и гулянья, посвященные профессиональным праздникам. Все было здесь: концерты и спортивные соревнования, в которых ты и зритель, и участник, конкурсы и консультации... Одним словом, массивное наступление на скуку и ничегонеделание.

Впрочем, все это было несколько позже. До этого произошло одно знаменательное событие. Где-то в самом начале работы по переплавке «картечи» в «ядро» получили в Сумгаите типовое положение о КСК — культурно-спортивном комплексе. Прочитали внимательно и руками развели: ведь у нас примерно то же самое и получилось. Конечно, примерно. Многое пришлось да и сейчас приходится доделывать, додумывать и усовершенствовать. И в соответствии с типовыми рекомендациями, и в согласии с собственным опытом.

Официально городской культурно-спортивный комплекс Сумгаита был создан решением горисполкома в апреле 1984 года. Сегодняшний КСК — это довольно сложный механизм, затрагивающий не только организационные, но и хозяйственные, и финансовые стороны деятельности городских предприятий и их культурно-просветительных и спортивных учреждений и организаций. Одно положение о КСК занимает несколько страниц книжного текста. И я далек

от мысли изложить в журнальных заметках методическую основу сумгаитского опыта, одобренного Министерством культуры СССР. Единственное, что мне хотелось, — на примере этого во многом типичного города показать, что создание КСК — это нововведение не надуманное, а вызванное самой жизнью. Только объединив усилия, только сломав ведомственные перегородки, можно добиться того, чего добились в Сумгаите.

Попробуем подвести итоги. Новые, оставшие пока в плане соцкультбыта микрорайоны худо ли, бедно ли, но вовлечены в орбиту культурной жизни города. Двери большинства школ открыты для проведения в них клубов выходного дня, занятий спортом для всех желающих. Режим работы спортивных учреждений перестроен с учетом сменной работы промышленных предприятий — в какую бы смену люди ни трудились, «окно» в ближайшем спортзале для них предусмотрено. Объединились не только культура со спортом, шаг навстречу им сделали торговля и сфера услуг. Сейчас посетитель массовых культурно-спортивных мероприятий и необходимые покупки для дома попутно делает: продажа их организована тут же. Не осталось в стороне и здравоохранение. Известно, что призыв проконсультироваться у врача, прежде чем начинать занятия спортом, часто так и остается неосуществленным — к врачу без особой нужды нам идти некогда и неохота. А в Сумгаите медики сами пришли к физкультурникам. «Зона здоровья», в ко

торой с утра до позднего вечера дежурят квалифицированные специалисты, обосновалась прямо на излюбленной городской трассе любителей бега. И давление измерить можно, и консультацию получить...

За время действия КСК в Сумгаите появилось 18 новых коллективов самодеятельного художественного творчества, количество занимающихся физкультурой и спортом увеличилось на треть. И закономерный результат — на промышленных предприятиях города потери рабочего времени в прошлом году по сравнению с 1984 годом уменьшились наполовину. Число правонарушений среди подростков снизилось почти на 20 процентов, а в ряде микрорайонов их и вовсе нет.

Да, Америк в Сумгаите не открывали. Каждая из названных выше придумок наверняка известна многим. Но вот заставить их «работать» всем вместе, работать бесперебойно — в этом и заключается, на мой взгляд, главный эффект сумгаитского КСК.

Мы не раз в этих заметках употребляли слово «энтузиасты». Кто они такие? Их много, перечислять фамилии — список получится необъятный. Обратил внимание хочется на другое: хорошо, что среди этих энтузиастов оказались и люди, облеченные определенными полномочиями. — работники горкома комсомола, отдела культуры горисполкома, спорткомитета... Городской КСК с первых же его дней возглавила Мялякь Кулиева Байрамова, заместитель председателя горисполкома. Всемирную поддержку новому делу оказывал и ока-

ВЕЧЕРОМ
НА БУЛЬВАРАХ
МОЖНО
ПОСМОТРЕТЬ ТЕЛЕВИЗОР.

БИЛЛИАРД—
МУЖСКАЯ ИГРА.

зывает горком партии. Членов его бюро порою в полном составе можно увидеть на массовых мероприятиях. Небольшой штрих, но как много добавляет он к авторитету КСК.

Джангир Мовсумович Муслим-заде, до недавнего времени возглавлявший республиканскую комсомольскую организацию, а в прошлом году избранный первым секретарем Сумгаитского горкома партии, о планах по изменению социальной инфраструктуры города рассказывает увлеченно. О создании курортной зоны города. Об открытии катка с искусственным льдом («Это для юга экзотика, а без нее нельзя»). О строительстве спорткомплексов для каждого микрорайона... О таком вот лозунге: «Ни одного детского

сада без бассейна!» «На первый взгляд он может показаться даже смешным, — комментирует секретарь. — Ведь в год мы строим только один детсад. Но этим лозунгом мы закладываем психологию».

«Закладываем психологию...» Пожалуй, к этому устремлено все, что сейчас делается в Сумгаите — молодом и молодежном городе, где требование партии о необходимости безбоязненного отхода от всего того, что отжило свой век, от инерции мышления, от привычных схем и подходов к решению насущных дел воспринято с комсомольским энтузиазмом и весьма конкретной деловитостью.

Есть ли просчеты и упущения в работе сумгаитского КСК? Конечно. По-моему, порой в пылу всеобщего

наступления на культурно-спортивном фронте остается обделенным предметным вниманием тот или иной его участок. Пример.

...Спустимся в один из сумгаитских подвалов. Многие городские подвалы за неимением пока другого места используются для встреч и занятий различных самодеятельных клубов. В этом обосновался детский центр по профориентации «Прометей». Своими силами под руководством методиста Дома пионеров и школьников Тамары Егоровны Насировой ребята расчищают помещения, готовят будущие кабинеты для освоения профессий химика, электрика, столяра, токаря... Это хорошо. Плохо только то, что в стороне от необходимого для города дела остались комсомольские организации промышленных предприятий, которм, по сути, и собирается помогать «Прометей». Заводские комитеты комсомола при желании могли бы существенно помочь делу профориентации молодежи, возьми они на себя оснащение этих кабинетов необходимыми станками, инструментом. Пока же кабинеты богаты лишь тем, что находят мальчишки на «мусорке»...

Городской профориентационный центр. Он мог бы стать средоточием многих интересных и масштабных дел. Пока не стал...

Сказано это не для того, чтобы добавить обязательную критическую ноту в рассказ о делах сумгаитского КСК. Главным образом для того, что-

АРТИСТЫ УЕХАЛИ — ПРАЗДНИК
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

И НА ГОРОДСКИХ ОКРАИНАХ
РЕБЯТИШКИ НЕ СКУЧАЮТ.

бы напомнить комсомольцам: вы не только помощники старших, но и люди, способные самостоятельно решать многие проблемы, проявлять собственную инициативу. Без дополнительных указаний и рекомендаций.

— ...На одной из стен в подвале «Прометей» висит любопытный стенд. На нем написаны фамилии ребят, а под ними кармашки со спрятанными флажками цветной бумаги. Уходишь из клуба домой — выставь флажок того цвета, который соответствует настроению. Красный — восторженное настроение. Оранжевый — радостное. Зеленый — спокойное. Фиолетовый — тревожное. Черный — полное уныние...

Уезжая из Сумгаита, нам хотелось выставить оранжевый флажок.

Кому я теперь нужна?

Уважаемая редакция!

Еще совсем недавно, читая письма о любви и семейной жизни, которые вы печатаете, я удивлялась: как это люди решаются во всеуслышание высказать свое, личное? Никогда не думала, что самой как воздух будут нужны чье-то сочувствие, чей-то совет.

Мне 22 года, заканчиваю пединститут. Как говорится, жить бы да радоваться, но, поверьте, сейчас я не просто морально разбита, а убита. Не человек, а труп, равнодушный ко всему. Трудно поверить, что полгода назад я была беззаботной хохотушкой, любила танцы, веселую компанию. На новогоднем маскараде в Доме культуры ко мне подошел стройный молодой человек в плаще, как у мушкетера, в маске. Пригласил на танец, а потом уже не отходил от меня ни на шаг. «Кто вы, рыцарь, д'Артаньян?» — спросила я его. Он засмеялся: «Нет, я Дон-Жуан».

В тот вечер Сергей, так его зовут, был неотразим. Шутил, пел, читал стихи, откуда-то раздобыл живой тюльпан. Мне льстило такое внимание, и сама не пойму, как оказалась в его квартире. Тогда это и произошло...

Сначала все было хорошо. Я даже почувствовала себя невестой и ждала предложения. А тем временем в институте подошла пора госэкзаменов. Меня могли распределить в сельскую школу, а значит, нам пришлось бы расстаться. Когда я сказала об этом Сергею, он успокоил меня: «Не горюй, вот вернусь из командировки, тогда и решим».

Я считала не только дни — часы до нашей встречи. Наконец он приехал — какой-то молчаливый, чужой. Ничего не отвечал на мои расспросы, а потом сказал: «Прости меня, я полюбил другую».

Тут я просто окаменела. Кому я теперь нужна? Ведь у меня скоро появится ребенок... Стыдно смотреть в глаза подругам, маме. Я-то уверяла всех, что Сергей настоящий рыцарь, а он оказался подлым обманщиком, мелким донжуаном. Что же мне теперь делать?..

Оксана М.,
Ростовская область

Прочитав письмо Оксаны, я вспомнила фразу, на которую натолкнулась в одном журнале. Начинаясь она так: «Незамужняя женщина, родившая ребенка в результате совершенной ошибки или выбравшая безмужнее материнство сознательно...»

Итак, сделана попытка провести некую «классификацию» матерей-одиночек. Берутся две ситуации. Вторая всем понятна: это, как правило, женщины, отчаявшиеся найти спутника жизни, но решившие тем не менее осуществить свое святое право — право на материнство. И хотя каждому ясно, что без мужчины в таком деле не обойтись, роль его как бы затухает. Сама захотела — сама родила. Эти женщины обычно в суды не обращаются, отцовства не доказывают, обманутыми себя не чувствуют, несут нелегкую ношу, никому не жалуясь и никого не обвиняя. И общественное мнение вслед за ними проявляет большую терпимость к неведомому папаше. Впрочем, он, может, и знает не знает, что отцом стал. Всякое в жизни бывает. Вполне вероятно, что у женщины-то и в мыслях не было, чтоб замуж, может быть, знала наверняка, что невозможно это. Ребенка хотела. Ре-бен-ка! И все! И никакой ошибки.

А вот в первом случае...

В последнее время много говорят и пишут о личных, интимных сторонах жизни людей: дают советы молодым, исследуют причины разводов, наставляют родителей в нелегком деле воспитания детей. То есть разговор идет об отношениях людей, состоящих в браке. Но мы по-прежнему привычно зажимаемся перед необходимостью признать, что сегодня большая часть молодежи — не только юноши, но и девушки — вовсе не связывает познание, так сказать, семейных радостей жизни со штампом в паспорте. Общественное мнение стало весьма терпимым к добрым связям. Никаким позором девушке это не грозит, никому не придет в голову мазать ей дегтем ворота, то бишь дверь кооперативной квартиры. Меньше стали придавать значения тем условностям, которые понуждали прежде девушку «блюсти себя», что называется, «до венца».

Не буду притворяться — мне сложно принять такой «облегченный» подход к интимным отношениям, особенно со стороны женщины. Я воспитана другим временем — строгими и даже суровыми пятидесятью годами, когда во всей своей первозданности суще-

ствовало еще понятие «порядочная девушка». Нравственные ориентиры были жестки, а общественное мнение в достаточной степени беспощадно. Мы записывали в свои тетрадки для афоризмов, которые были среди нас очень распространены, слова Чернышевского: «Умри, но не давай поцелуя без любви».

Но я вовсе не собираюсь по-стариковски воротач в тему «вот в наше время». Времена меняются.

То, что матери не всегда оказываются морально готовы к известию, что их дочери спокойно принимают приглашение полузнакомых молодых людей «послушать музыку», — это полбеды. Вопрос в другом: всегда ли готовы в глубине души сами современные эмансипированные девочки к этим легким, ни к чему не обязывающим отношениям, которые сегодня именуют то «сексуальным партнерством», то «сексуальным дуэтом», оставив, слава богу, в покое высокое слово «любовь»?

«Мы встречались полгода, теперь должен быть ребенок, а он не хочет на мне жениться...»

«Я надеялась, он предложит мне выйти за него замуж, а он сказал, что нужно побыстрее обратиться к врачу...»

Это строки из женских писем, которых предостаточно в почте каждой редакции, особенно молодежной. Один журналист, процитировав подобные письма, заключает: это пишут обманутые в своей любви девушки.

Вот тут мне хочется возразить.

Несчастливая любовь, обманутое чувство — перед этими опасностями, подстерегающими человеческую душу, мужчина и женщина равны. Глубина переживаний зависит не от половой принадлежности, а от душевной организации. И искренне страдающий от любовной неудачи мужчина встречается ничуть не реже, чем легко утешившаяся женщина.

Дело в том, что, чрезмерно увлекшись идеей полного равенства в поведении, несколько даже бравируя своей свободой, девушки как-то забывают о том, что есть «неравенство», заложенное самой природой: у женщины — от любви ли, от случайной ли связи — появляются дети. Так что обмануты девушки оказываются не столько в любви, сколько в легкомысленной установке «на авось».

Большинство авторов подобных писем — это поборницы «сближения норм сексуального поведения», согласные на равную ответственность, вернее, на равную безответственность с мужчиной, но лишь до

определенного момента. До возникновения «нежелательных последствий». Оказаться с ними, что называется, один на один эти молодые женщины морально не готовы.

Настал критический момент, и стало ясно, что все «сближение норм» — это так, фронт, напускное. В больницу обращаться страшно: вдруг правда больше детей не будет? А одной с ребенком как? Трудно, стыдно... Да и замуж выйти сложнее... А хочется не только ребенка, хочется мужа, нормальной семьи, любви, наконец.

В старые времена на страже стояла семья. Появлялся возле дочки молодой человек — и маменька немедленно задавалась вопросом: с серьезными ли он намерениями? Отношения контролировались «извне».

Жесткая узда нравственных запретов в последние годы тоже в значительной мере ослабла. Сегодняшним молодым трудно даже представить себе, насколько либерализовалось отношение общества к проблеме «он и она» за последние 20—30 лет. Но оказалось, что свобода, которой так жаждали многие поколения женщин, — это вовсе не упрощение жизни, а, наоборот, усложнение ее. Эмансипация — это не только права, но и обязанности. И главная из них — это умение отвечать за себя, за свои поступки.

В одном письме из редакционной почты я споткнулась о фразу, в которой звучит просто вопль души, души, не осилившей дарованной ей свободы и самостоятельности: «Кто же нас оградит от таких мужчин?!» Вероятно, имелись в виду мужчины, которые не пожелали, чтобы связь завершилась браком.

Встречаются в почте и предложения женщин о том, как надлежит, по их мнению, поступать с мужчинами, не оправдавшими их надежд.

«...Таких мужчин надо отдавать под суд и лишать свободы».

«...Их надо метить клеймом, чтоб за версту было видно, что это негодяй и мерзавец».

Полна сочувствия к женщинам, которым пришлось в одиночку, как поется в песне, «есть горькую ягоду». Но знаю случай, когда мужчина не женился на молодой и прелестной, которая хотела этого «вплоть до заявлений в различные инстанции», а потом взял в жены женщину старше себя, не очень крепкого здоровья, к тому же с двумя детьми. И любил их, как родных, и вырастил, и поставил на ноги, когда жена умерла. Вот такой специфический оказался «подлец». И вообще при таком подходе не слишком ли много окажется мужчин, рискующих увидеть на своем челе клеймо «негодяй» и «мерзавец», даже среди тех, кто вполне справедливо пользуется репутацией образцового мужа или отца семейства?

Мы подошли к вопросу крайне щепетильному, и разговор не получится, если не отбросить в сторону бытующее до сих пор «об этом вслух не принято».

Давайте попробуем назвать вещи своими именами.

Если откровенно — много ли найдется мужчин, что «пошли под венец» с теми женщинами, с которыми они впервые вкусили «запретного плода»? Наверное, в жизни каждого мужчины, даже самого достойного семьянина, окажется женщина, на которой он не женился.

Думаю, что девочки, которые в свои 18—20 лет приходят к твердой уверенности, что все мужчины — подлецы, виноваты в этом сами.

...Утром, в понедельник, в час пик, еду в метро. Слева ко мне притиснута милостивая модничья девушка. Рядом — высокий парень с бледным, помятым лицом.

— Ого! — поводит девушка носиком. — Тяжело не-бось после вчерашнего?

Парень криво улыбается:

— Малость погорячились!

— Поправить здоровье надо, — игриво продолжает девушка.

— Не мешало бы. — Парень окидывает ее откровенно оценивающим взглядом. — Составишь вечерком компанию?

Нравственная норма

Татьяна
БРАТКОВА

ОСТАЛЫН НЕ В СЧЕТ

— Это можно, — хихикает та, нимало не смущенная его предложением. — Позвони на работу. Телефон заломнишь?..

Поезд вылетает из тоннеля. Девушка торопливо повторяет номер телефона и, уже подхваченная толпой, кричит от дверей:

— Людмилу спроси. Люд-ми-лу!

...Сажу в гостях. В соседней комнате на телефоне уже битый час висит дочь моей знакомой — Нина. Ей 21 год, она окончила училище и работает в ателье. Сейчас она делится с кем-то впечатлениями о том, как «гуляли» на свадьбе у подруги. Оказывается, полночи Нина провела на лестнице, целуясь поочередно с двумя товарищами жениха, с которыми она познакомилась тут же, за столом. Обоим она дала свой телефон, и один из них уже звонил, она назначила ему свидание. Вот только так и не разобралась, кто это был: тот, что повыше, или тот, что с усиками. Сказал: Гена, а какой из них Гена, она — ха-ха! — забыла.

Все эти Нины-Людмилы полны уверенности, что любовь, еще так недавно слышную чувством не только прекрасным, но и грозным, можно безнаказанно низвести до уровня простого развлечения, времяпрепровождения. И расплата наступает, когда в критический момент выясняется, что Гены — и те, что с усиками, и те, что без, — вовсе не спешат принять на себя ответственность за судьбу девицы, которая так откровенно безответственна по отношению к себе самой.

Да и есть ли у нее моральное основание ждать от него иного отношения? Истины часто становятся банальными именно из-за своей неоспоримости: мужчина относится к женщине так, как она позволяет к себе относиться. «Негодяй», не пожелавший связать свою жизнь с одной женщиной, полюбив другую, может проявить совершенные чудеса самоотверженности и самопожертвования.

Мы сетуем, что исчезают рыцари, а, может быть, дело в том, что катастрофически тают ряды «прекрасных дам»?

Опорой нравственности, охранительницей морали всегда была женщина — уже одним тем, что пробуждала в мужчине любовь. Если угодно, мужчина становится нравственным, лишь полюбив. Именно полюбив, а не просто возжелав женщину. Так что в первую очередь от женщины зависит, становятся ли мужчины рыцарями или среди них множится тот тип, который М. Горький еще на заре нашего века ядовито окрестил «вертикальным козлом в брюках».

Мы часто — иногда даже совершенно бездумно — повторяем слова о великих социальных переменах в нашем обществе. И вот, кстати, одна из бесспорных социальных перемен у нас перед глазами. Уничтожен социальный предрассудок, по которому на девушке «своего круга» можно было жениться, а на той, что стоит на более низкой ступени социальной лестницы, — вовсе не обязательно. Сегодня это из сферы социальной целиком перешло в сферу нравственную. Моральный облик девушки, ее поведение «ориентируют» мужчину в его притязаниях.

«Научить любить, научить узнавать любовь, научить быть счастливым — это значит научить уважать самого себя, научить человеческому достоинству», — писал замечательный педагог А. С. Макаренко.

Узнавать любовь... Вот мы и вернулись к началу этой статьи. Помните слова о женщине, родившей

ребенка «в результате совершенной ошибки»? Вот это и была ее ошибка: она не узнала, не сумела или просто не успела отличить примитивный «мужской интерес» от любви, но с беспечной поспешностью ринулась навстречу.

В самом деле, «соблазнить» сегодня в старом понимании этого слова никого нельзя: наивных инстинктов сегодня нет, все знают, отчего рождаются дети. Вынудить, заставить вступить в связь, угрожая лишиться куска хлеба или крыши над головой, — это тоже, слава богу, не из нашей жизни. Обмануть? Да, конечно, бывает. Но злостных обманщиков, готовых подать заявление в загс, а на регистрацию не явиться, не так уж много. Да и есть ли, честно говоря, у мужчины необходимость так «напрягаться»? Он и обманщиком себя не чувствует: в любви не клялся, замуж не звал, ничего не обещал...

Вот и Оксана пишет в своем письме в редакцию: «Сначала все было хорошо...» А что было хорошо, если не было главного — любви?

Но даже если все завершилось благополучно: если были и Дворец бракосочетаний, и марш Мендельсона, и кольца, и белое платье (достаточно, кстати сказать, двусмысленно выглядящее на слегка беременной невесте) — обещает ли такой союз семейное счастье? Не потому ли так участились разводы, что слишком много стало браков, которые иначе, как вынужденными, не назовешь? Жест благородства со стороны мужчины. Или боязнь скандала. Или эдакое залихватское: «А-а, черт с ним, все в конце концов женятся!» Жизнь длинная, а без любви тоскливо...

А сколько подобных семей балансируют на грани развода! Муж пьет... Муж гуляет... Муж тащится домой через силу, сбегает под любыми предлогами, задерживается на работе, у приятеля...

Скольким людям нравственное невежество изуродовало жизнь!

Чаще всего завершаются катастрофой именно ранние связи: у 16—17-летней девушки инстинкты уже поднимают голову, а нравственные представления еще зыбки, не оформлены, опыта — жизненного, человеческого, женского — никакого.

Когда-то на вопрос разбитого репортера: «Сколько у Вас было женщин?» — Александр Блок ответил: «Две. Любовь Дмитриевна и все остальные».

Сумеешь ли стать Любовью Дмитриевной для мужчины, которого судьба послала тебе навстречу? Хочешь ли ты этого? Или тебя вполне удовлетворяет роль одной из «остальных»? Тогда и об «ошибке» говорить нечего, ты сама определила свою судьбу.

Много ли на свете женщин, которые добровольно откажутся от величайшего счастья — быть любимой? Конечно, бывает, что любовь не встречает ответа. Или проходит. Но когда умирает, отторгает любовь, в душе остается пепел, из которого, как сказочная птица Феникс, может родиться новое чувство, а не грязь, которая бесплодна.

Фото
Сергея
Львова

ые

ЧЕРНЫЕ СЛЕДЫ

Александр КАРМЕН

Снимаю телефонную трубку, набираю номер. Гудок следует за гудком. Терпеливо жду. Наконец, в трубке раздался щелчок.

— Слушаю,— ответил женский голос с интонацией, типичной для жителей перуанских гор. Стало быть, служанка.

— Здравствуйте, могу я поговорить с сэньором Гербертом Ионом?

— Кто его просит?

Представился. Меня попросили подождать.

Хобби Герберта Иона

История разговора, который мне предстоял, была такова. Копаюсь в деталях бытия Клауса Альтмана-Барби в Латинской Америке, я обнаружил в его истории одно «белое пятно». Было неясно, кто же обнаружил его на континенте. Следы привели меня к уже упомянутым в первой части очерка французским журналистам Альберту Бруну и Николь Боннэ. Действительно, в начале 70-х годов благодаря их поиску мир узнал, где, под каким именем и под чьим покровительством скрывается «лионский палач». Но, как рассказали мне оба журналиста, настоящим «первооткрывателем» Барби все-таки были не они, а западногерманский журналист Герберт Ион. Года за два до их «открытия» он благодаря особым отношениям с экс-нацистом Фридрихом Швендом сумел установить личность Барби. В те годы Ион был внештатным корреспондентом журнала «Квик», жил в Перу, вошел в доверие Швенда и таким образом стал в известной степени экспертом по проблеме скрывающихся в Латинской Америке беглых нацистов. Швенд во время второй мировой войны прославился тем, что возглавлял и осуществлял так называемую «операцию Бернхард». С ее помощью гитлеровцы внедряли в обращение фальшивые фунты стерлингов, скупали на них по всему миру золото и драгоценности. После войны Швенд бежал в западное полушарие, пробрался в Перу. Последние годы жизни (он умер 29 марта 1980 года) провел в пригороде Лимы, где у него была шикарная вилла.

Ион был вхож в этот дом и много знал как о его обитателях, так и об их грязных делах. Однако, рекомендуя мне

встретиться с ним, Николь Боннэ предупредила:

— Об этом человеке здесь разные слухи ходили. Хочешь — верь этим слухам, хочешь — нет. Одни говорили, что он чей только не шпион, другие — что он провокатор, третьи — что он просто авантюрист. В общем, всякое, в зависимости от того, кому он больше насолил своими статьями и разоблачениями. Но одно абсолютно неоспоримо: экс-нацисты — его «хобби», его работа. И здесь, правда, тоже кроется ловушка. Как все одержимые люди, он, на мой взгляд, немного мифоман.

Прежде чем приступить к рассказу о встрече с Гербертом Ионом, считаю своим долгом сделать необходимое отступление...

Предупреждение Николь Боннэ о характере Иона, о его чуть ли не фанатической, граничащей с мифоманией увлеченности темой беглых нацистов постоянно довлело над мной, хотя, признаюсь, внешне я старался не обнаруживать ни тени сомнения в достоверности услышанного. Многие и в самом деле были неожиданным. Что-то нуждалось в уточнении, а возможно, позволило себе и такое слово, в опровержении. Тем не менее постараюсь изложить нашу беседу так, как она происходила.

...Ион вошел в кафе «Тьендесита» ровно в три часа пятнадцать минут. Его силуэт, как мираж, возник в светлом прямоугольнике дверей кафе. На мгновение замер, увидел меня, тотчас махнул рукой и двинулся к столику.

Ион сел, снял очки, положил их на стол, соединил лодочкой ладони и сощурился:

— С чего начнем?

— С кофе?

— Согласен, а потом?

— С Барби. А вообще-то меня интересует все, что касается беглых нацистов,— ответил я и, достав магнитофон, вопросительно посмотрел на него. Он покачал головой.

— Сначала обговорим параметры нашей беседы и установим правила игры. Поясню: я работаю над большой книгой о Швенде и его послевоенных «проделках». В нее, естественно, войдет и Барби. Поэтому любая преждевременная публикация того, что известно только мне одному, может повредить этой работе, и, вы меня поймете, я хотел бы избежать этого.

— Не беспокойтесь, вашу работу я не нарушу. К тому же хозяин этих «параметров» и «правил игры» вы.

— Валайте, записывайте. Но не обижайтесь, если заметите, что я кое-что утаиваю.

Я развел руками и включил магнитофон.

— Итак, вас интересует Барби... Да, нашел его я. Если, конечно, не считать

ЦРУ, которое его никогда не теряло. Ха-ха! Как все это было, рассказ долгий. У вас есть время?— Я кивнул.— Что ж, попробую изложить конспективно и, предупреждаю, с «купюрами»...

Махинации Швенда

— В Латинскую Америку я впервые прибыл лет 30 назад,— начал Ион.— Молодой немецкий журналист с авантюрной жилкой. Сразу попал в поле зрения Швенда. Ему нужен был такой человек. Для чего, я понял позже. Дело в том, что Швенд располагал богатейшей и, видимо, единственной в своем роде информацией о местонахождении бывших нацистов. В его руках были их адреса, переписка с ними, квитанции банковских переводов и многое другое. Он знал, где скрываются его единомышленники, торговал этой информацией и неплохо на том наживался. В те годы я сотрудничал на правах внештатного корреспондента с западногерманским журналом «Квик», имел связи с американскими изданиями и, стало быть, мог служить для Швенда своего рода каналом для распространения нужной ему информации.

— Простите,— прервал я его,— если я правильно понял, Швенд торговал тем, что, по идее, должен был хранить в строжайшей тайне и оберегать как зеницу ока?

Ион искоса посмотрел на меня, вздохнул. В этот момент принесли кофе, и он нарочито медленно стал заправлять его сахаром, молча покачивая головой, как бы подчеркивая свое разочарование моей наивностью.

— Что ж, объясню, как он работал. Например, Швенд знал, где в данный момент находится Менгеле. Так вот, в удобный для обоих момент он сообщал тому (разумеется, не бесплатно), что на его след напал такой-то журнал. Потом связывался с этим журналом и за сведения о местопребывании Менгеле тоже сдирал солидную сумму. Журналист являлся по указанному адресу и в самом деле узнавал, что Менгеле там был... да сплыл. Таким образом Швенд, располагая соответствующей информацией, торговал и так называемой «защитой» своих дружков. Поначалу и я попался на его удочку, но ненадолго. До тех пор, пока однажды он таким же образом не подстроил мне ловушку в Боливии. То ли он почувствовал, что я уже слишком много знаю и не питаю к нему особой любви, то ли сделал это в силу своего мерзкого характера. Он ведь, как скорпион в знаменитой восточной притче, кусал даже черепаху, перевозившую его через ручей. Похоже, что делать другим гадость доставляло ему удовольствие.

Как-то продает он мне, вернее, моему журналу, фото Мартина Бормана и сообщает, через кого я смог бы на него выйти. Местом действия должен был стать боливийский город Санта-Крус. Надо ли говорить, что за такую информацию стоило заплатить, и немало!

Я тотчас вылетел в Ла-Пас, где должен был пересечь на самолет до Санта-Круса и уже там встретиться с неким Гансом Штраузенем, по словам Швенда, другом Бормана. На мою удачу, в Ла-Пасе я столкнулся с одним знакомым из министерства внутренних дел, и он предупредил, что Штраузен, которого я ищу, оказался замешанным в одном из первых, самых крупных по тем временам — это было в 60-е годы, — скандалов с торговлей кокаином и уже сидит в тюрьме. Кроме того, он же сообщил, что из перуанской сысковой полиции в Ла-Пас пришел телекс о том, будто по Латинской Америке, прикрываясь именами Кольта, Иона, Кампа и т. д., разъезжает опасный агент израильской разведки с намерением внедриться в наркобизнес. Вот так-то. Швенд получил деньги от «Квика» за информацию о Бормане, от Бормана, если тот находился здесь, наверняка за то, что предупредил его об «опасности», и еще собирался отхватить кусок за вызволение меня потом из тюрьмы (связей и влияния для этого у него хватило бы). При этом, как я вскоре узнал, журнал «Штерн», вечный соперник моего еженедельника, получил сведения о том, что репортер «Квика» замешан в деле с наркотиками. То есть я мог быть продан им раза четыре!

— Занятно,— согласился я,— и мне бы хотелось еще раз вернуться к этой теме, особенно к Борману и Менгеле. Но мы начали с Барби.

Ион рассказал, как в середине 60-х годов в доме Швенда познакомился с боливийским коммерсантом Клаусом Альтманом, стал следить за ним и постепенно шаг за шагом сопоставляя различные факты и сведения, пришел к выводу, что этот с виду добропорядочный, интеллигентный бизнесмен — не кто иной, как «палач Лиона». Он даже начал расставлять вокруг него сети, но в решающий момент Клауса Барби сплунули. Гестаповец бежал в Боливию, где спрятался за спиной тогдашнего диктатора Бансера как за каменной стеной. Единственное, что удалось сделать Иону,— это навести полицию на дом Швенда. Да и это случилось после того, как вскрылась крупная афера с валютой и контрабандой, в которой тот был замешан вместе с Барби.

Тайна записной книжки

Ион замолчал. Воспоминания о провале планов поимки Барби смахнули с его лица улыбку. Он сидел и мрачно крутил в пальцах пустую кофейную чашку.

— Герберт,— нарушил я его молчание.— Но ведь вы помогли арестовать Швенда. Разве это не было определенной компенсацией за неудачу с Барби?

— Это разные вещи. И Швенд тоже попал за решетку совсем не за то, за что он заслуживал. Да и не так, как должен был. У него в доме, в тайнике, спрятанном под кухонной плитой, было столько документов обо всех нацистах, скрывавшихся здесь, на латиноамериканском континенте! Их связи с местными и европейскими магнатами, с тем же Ватиканом, переписка, квитанции денежных переводов, адреса...

— И где же эти документы?

— Спросите у тех, кто его арестовал. Кое-что потом всплыло, но это была всего лишь капля в море.

— А может быть, самое ценное он хранил где-нибудь в другом месте?

— Лично я после обыска в его доме видел только одну записную книжку. Человек, умыкнувший ее из швендовского архива, просил за нее пять миллионов долларов. Наверное, она того стоила, но он не знал, как и кому продать ее. А дело это, сами понимаете, было опасное. Я пообещал ему провентилировать вопрос о ее покупке. Связался с «Нью-Йорк таймс». Месяца через два сюда прибыл их представитель для переговоров. Но владелец книжки развернулся на 180 градусов и сделал вид, будто даже понятия не имел, о чем шла речь. Уверен, что продать свое «сокро-

вище» он так и не смог. Я встретил его не так давно, он очень беден. Значит, думаю я, его попросту запугали, а книжку отняли или похитили. Такие случаи здесь бывали: устрашающие звонки, шантаж, прямые угрозы расправой. Арсенал средств богатый... А жаль, что книжка исчезла. В ней, уверен, наверняка можно было бы найти много интересного.

— Например, где находится Менгеле?
— Менгеле? Его тайна существует только для тех, кто в ее существовании заинтересован.

— Вы хотите сказать, что его местонахождение известно?— спросил я.

— Менгеле постоянно менял адреса и фамилии— это факт. Я уже отмечал, что сведениями о нем торгуют, и весьма прибыльно. Но если бы кто-то всерьез захотел «взять» Менгеле... Я мог бы не раз назвать вам точное место, привести вас туда, и вы бы убедились, что я прав.

— Извините, но это хорошо говорить здесь, сидя в «Тьендесите» и зная, что я не смогу проверить, так ли все оно на самом деле. Все-таки обещанные суммы наверняка привлекли бы немало охотников.

Герберт только рукой махнул:
— Делайте! Захотели бы, так давно нашли, поймали и приговорили. Говорю так, потому что знаю. Я слишком хорошо знаком со всеми их трюками, и то, что для многих в США и Европе кажется страшным секретом, здесь, в Латинской Америке, для заинтересованных лиц— всего лишь детские сказки. Конечно, Менгеле очень хитрый и коварный тип, но его «неуловимость»— миф, созданный искусственно, для поддержания интереса к его персоне и как следствие— для выкачивания денег. Я несколько не удивлюсь, если в один прекрасный день прочту в газетах о том, что Менгеле умер или убит¹, а потом он объявится вновь. Он ведь однажды уже инсценировал свои похороны в Парагвае.

— А вы сами встречались с Менгеле?
— Да, в доме Швенда. И тоже, как было с Барби, не зная сначала, кто он на самом деле.

Мюллер в Перу?

— Это было во второй половине 50-х годов. Я только-только стал появляться у Швенда. Там жил тогда некто Оскар Лидке, потом я узнал, что это Генрих Мюллер...

— Постойте, но ведь Мюллер похоронен в Западном Берлине...

— Так считалось до 1963 года. А когда вскрыли его могилу, она оказалась пустой. Ха-ха! Мюллер жил несколько лет в Перу под именем своего адъютанта Оскара Лидке. Сам-то Лидке умер еще в 1942 году.

— Мы уходим в сторону,— обреченно констатировал я, не в силах преодолеть интерес к еще одной главе тайной истории нацистских оборотней.

— Ничего,— успокоил Ион.— К Менгеле мы еще вернемся... Так вот,— продолжил он свой рассказ,— в доме Швенда, надо отметить, Мюллер—Лидке большим уважением не пользовался. Он был жутким трусом, боялся собственной тени... Когда в 60-м году поймали Эйхмана, обитатели дома Швенда стали над ним подшучивать, дескать, «ты— следирующий на очереди». И он тотчас убрался из Лимы.

Здесь следует сделать несколько замечаний. История с могилой начальника гестапо Генриха Мюллера действительно верна. Что же касается «перуанского» Мюллера, то версия Иона нуждается в комментариях. В 1972 году в июльском номере перуанского журнала «Каретас» слова Иона опроверглись. «Оскар Лидке», утверждалось в статье, известный в Лиме как друг Швенда, и в самом деле

имел сходство с Мюллером, но, как пишет журнал, был выше ростом и скорее всего по внешним данным больше отвечал описанию Рихарда Глюкса, бывшего начальника управления концлагерей, тоже разыскиваемого по всему миру военного преступника. Ион же утверждал, что Глюкс умер от рака в мае 1944 года в госпитале города Фленсбурга. «Каретас» пишет и о том, что псевдо-Лидке был женат на перуанке уже в «лимский период» и сбежал вместе с ней действительно сразу же после поимки Эйхмана. Кто знает, может быть, и эта версия— о Лидке-Глюксе— тоже была кем-то инсценирована, чтобы направить поиск шефа гестапо по ложному следу...

Под крыльшком у Стресснера

— Вернемся к Менгеле,— попросил я.

— Да. Когда я появился у Швенда, там, помимо Менгеле, которого все звали «маленький доктор», был еще профессор Джузеппе Паччи, известный как один из личных врачей Муссолини. Оба были заняты лечением кого-то, кто был скрыт от посторонних глаз в дальней части дома. По тому, как подобострастно они вели себя, можно было догадаться, что речь шла об очень важной птице. Позже я узнал, что там якобы был Борман. Он поправлялся после операции на поджелудочной железе. Потом, уже в начале 60-х годов, по заданию журнала «Шпигель» я вылетел в Парагвай. Прошел слух о том, что кто-то (уж не Швенд ли?) продал «Штерну» информацию о том, что Менгеле якобы хочет дать интервью. Схема была такова: журналисты являлись в Асунсьон, устраиваются в отеле «Гуарани» и несколько дней между 5 и 6 часами вечера ждут в баре человека с определенными приметами. Он-то и должен свести их с Менгеле. И так, я тоже поселился в «Гуарани» и каждый вечер, проходя мимо бара, видел этих болванов, напивающихся до безделья. Никто, конечно, к ним не явился. Я же поступил иначе.

Первым делом отправился в иммиграционное управление. Надо было выяснить, живет ли Менгеле в этой стране. Представившись дальним родственником, разыскивающим сеньора Иозефа Менгеле по вопросам наследства, я попросил выяснить, не числится ли таковой в их книгах. В каком году «мой родственник» мог получить парагвайское гражданство, я не знал, и пришлось заплатить чиновнику 50 долларов за поиск. Тот остался в офисе на ночь, и к утру моя просьба была выполнена. Передо мной лежала книга 1959 года, открытая на странице с нужной мне записью. Тогда я сунул чиновнику еще 50 долларов и сказал: «Отвернитесь». Он отвернулся. Я достал бритву, вырезал эту страницу и ушел.

— Забавно. А ведь сколько лет парагвайские власти отрицали факт предоставления Менгеле гражданства!

— А потом сами же его и аннулировали.

— Да, я помню, это случилось летом 1978 года. Стало быть, в Парагвае теперь и записи о предоставлении Менгеле гражданства тоже не существуют?

— Разумеется. Она у меня. Знай я заранее ваш интерес, привез бы вам хотя бы копию. Оригинал я храню у себя, далеко отсюда. Кстати, из этого листка я узнал еще кое-что весьма любопытное. Ведь для того, чтобы получить в Парагвае гражданство, необходимо иметь двух свидетелей-гарантов и прожить в стране не менее пяти лет. Менгеле получил гражданство через несколько месяцев после прибытия в Парагвай. Гарантами же его стали некто Юнг и Александр фон Экштайн. Первым мне был известен: вплоть до конца войны он был одним из главнейших местных нацистов. А вот когда я спросил о втором, мне сказали, что он не кто иной, как... личный секретарь президента Стресснера. Как вы знаете, сведения такого рода нуждаются в проверке. Я пошел во

дворец и попросил интервью у президента. Тот согласился, а я при этом познакомился со вторым гарантом Менгеле. Так в прессе появилась статья, подтверждавшая факт присутствия Менгеле в Парагвае, да к тому же под прикрытием правительства и президента. В Асунсьон Менгеле прибыл из Аргентины, но жил там лишь до второй половины 60-х годов. Потом переехал в Перу, оттуда в Мексику, потом в Уругвай. Несколько раз бывал в США и даже в ФРГ, жил в Бразилии, возвращался в Парагвай.

Зубы Бормана и трюки фон Ланга

— Ну, а Борман? Вы утверждаете, что он был здесь, в Перу, но, не говоря уже об официальной версии о его смерти в мае 1945 года, я помню, что в 1972 году были разговоры о том, что в Западном Берлине найдены его останки. Об этом писал журнал «Штерн».

— Во-первых, это вариант, аналогичный истории с могилой Мюллера и «похоронами» Менгеле в Парагвае. А, во-вторых, в Западном Берлине было найдено то, что хотели найти. Видите ли, франкфуртская прокуратура, которая занялась расследованием, увы, не обладала ни воображением, ни чувством реальности и, что самое главное, не имела желания докопаться до сути дела. Поэтому они там с удовольствием ухватились за версию, подsunутую им журналистом «Штерна» Йохеном фон Лангом, и с радостью поставили в «деле Бормана» жирную точку. Но это же чужь!

— Да, но скелет, челюсти...
Ион, подняв руку, нетерпеливо прервал меня:

— В Западном Берлине произошло следующее. Сначала действительно нашли чьи-то скелеты, потом разыскали некоего Эхтмана, зубного техника, работавшего вместе с Блашке, ныне умершим личным дантистом чуть ли не всей нацистской верхушки. И он, этот Эхтман, по памяти «определил», что зубы на найденном черепе якобы имеют сделанный его рукой протез. А протез этот он будто бы изготовил для Бормана. Также мне свидетель! Фон Ланг же тотчас растрюбил на весь мир, что сведения о смерти Бормана «подтвердились».

— Но ведь версия уязвима...
— Ну, конечно!— Герберт снова откинулся на спинку стула и от души рассмеялся.— Как видите, в этих историях точки ставятся только на трупах.

— Да и то не всегда. Помните историю с Рошманом? Кто выкрал его труп из морга? Так что здесь точкой не пахнет, скорее...

— Многоотчием!— перехватил мою мысль Ион.

— Именно. Да и вся история беглых нацистов— сплошное многоотчие, длинная цепь задачек со многими неизвестными.— сказал я и, чувствуя, что пора завершать наш разговор, решил задать последний вопрос:

— Герберт, что же все-таки, по вашему мнению, препятствует их поиску, является главным щитом, охраняющим этих недобитков от справедливого возмездия за совершенные преступления?

Сколько стоит правда?

Он ответил:
— Ну, прежде всего «крупные рыбы» нацизма неплохо защищены. Им оберегают центральный и местные власти стран, где они обитают. Ведь они же не святятся, где попадо, а только в определенных местах с благоприятным климатом. Я имею в виду климат политический. Защита их достигается либо политическими симпатиями к ним, как, например, в Парагвае, Чили и других странах, либо ценой подкупа полицейских чинов, судей, парламентариев. И, конечно же,— личная охрана, телохранители, отличная система оповещения. Все это дорого обходится. Но денег у них хвата-

ет. Ведь речь идет об их жизни и смерти. Я, например, убежден, что большинство «таинственных сокровищ» «третьего рейха» пошло не столько на цели возрождения нацизма (неонацисты могут существовать и без этих денег, покровителей у них сегодня достаточно), сколько на создание надежной финансово-экономической платформы существования таких, как Борман, Эйхман, Швенд, Штангль, Менгеле, Барби и т. п., на обеспечение им прочного и безопасного благополучия.

— Но как же увязываются с этим истории с их «похоронами», с обнаружением их трупов, скелетов?

— Очень просто. Их хотят всеми силами сохранить, так сказать, «для истории», превратить в идолов, в символ живучести, или, по их собственным понятиям,— «вечности» нацизма. И, как бы парадоксально такое ни звучало, ради этой цели их даже предпочитают объявлять «умершими». Да, да, их «хоронят» с тем, чтобы на самом деле оградить от назойливых преследований и таким образом продлить их век.

Дело Барби пролило свет еще на одну сторону этой проблемы. Оно вскрыло такие пласты, которые далеко не всем их покровителям приятно видеть на поверхности. Стало ясно, что тут замешаны и разведки, и дипломаты, и Ватикан, и государственные мужи вплоть до президентов. Выходит, опыт вчерашних нацистов пригодился, они нужны для достижения определенных политических целей. Так что для многих сегодня правда о них весьма неудобна и неприятна. Представляете, что будет, если их поймают, и они заговорят! Одним «простите нас», как это сделали США, извинившись перед Францией за укравательство Барби, тут уже не отделаешься. Борман и Менгеле— не Барби. А избавиться от них, «убрать» их тоже не решаются. Поэтому-то их предпочитают скрывать, даже «хоронить», но не искать вовсе.

— Неужели же их мир настолько непроницаем и в их лагере не находятся людишки, готовые нажать на разоблачение своих господ?

— Такое случается. Но, как вы говорите, эти «людишки», с одной стороны, сами боятся разоблачений и мести, а с другой стороны, они настолько коррумпированы, что требуют за такие услуги деньги совершенно немислимые. Информация, я имею в виду подлинную, а не фиктивную, с каждым годом растет в цене, а верят ей все меньше: слишком много было обманов и неудач. Помните случай с записной книжкой из архива Швенда? Я считаю, что такие случаи уникальны, и такие записи стоят запрашиваемых за них денег. Но покупателей найти практически невозможно. Однажды я мог бы, например, приобрести солидный фоллант, где собрана чуть ли не вся послевоенная история Бормана с множеством фотографий, документов, скрепленных его подлинными, с его отпечатками пальцев. И вдобавок к этому мне бы указали и его местонахождение.

— Но это тоже могла быть фальшивка.

Ион глубоко вздохнул, склонил голову.

— К сожалению, это был подлинник. Его предлагали люди Бормана, и я это знал.

— Почему же «к сожалению» и что удержало вас от покупки?

Герберт ухмыльнулся:
— Денег, которые просили за это «дело», я, наверное, не заработаю за всю мою жизнь. Соблазнить же на такую сделку мне тоже ничего не удалось.

Герберт Ион замолчал, надел очки и, наклонившись вперед, положил обе ладони на стол в знак того, что беседа подошла к концу. Потом улыбнулся, резко встал, быстро пожал мне руку. Через мгновение его силуэт растялся в солнечном прямоугольнике дверей «Тьендеситы». Так же, как и возник в нем два часа назад. Растаял вместе со своим незавершенным мифом, полным тайн, намеков и недомолвок.

¹ Разговор с Ионом происходил за полтора года до того, как появилась версия— тоже не лишняя противоречив— о смерти Менгеле в Бразилии. Согласно этой версии, он утонул во время купания.

В эпоху научно-технической революции иному молодому человеку техника, наука, экономика представляются более серьезными и необходимыми, нежели искусство. Однако сейчас, в век компьютеров и ЭВМ, когда даже роботы способны рифмовать стихи и сочинять музыку, стало особенно очевидным, что приобретение различных знаний и умений опережает нравственное совершенствование человечества. А ведь именно литература и искусство, поднимая и разрешая нравственные проблемы, воспитывают в каждом из нас эстетическое отношение к действительности, формируют личность. В нашем специальном выпуске «Молодежь и культура» мы постарались осветить самые разнообразные сферы наших общих духовных интересов. Читатели смогут: познакомиться с прозой Жана Поля Сартра и Юрия Визбора; поразмышлять над стихами Ларисы Васильевой и Михаила Львова; «перелистать» страницы жизни Александра Сергеевича Пушкина, побывав в его доме-музее на Арбате; понять, что заставило молодых москвичей самых различных профессий собраться однажды вместе и создать свой театр, популярность которого велика,— речь пойдет о театре-студии на Юго-Западе; узнать о новых творческих поисках известного музыкального коллектива «Машина времени».

МОЛОДЕЖЬ

**ПОЧТА ЖУРНАЛА ПОДТВЕРЖДАЕТ,
ЧТО ЧИТАТЕЛЕЙ ВОЛНУЕТ:**

...Я не хочу давать советы, тем более, что у меня их нет. Просто мне кажется, что всем, кто делает театр, надо почаще задумываться: а что же вы делаете? Для кого? А сами-то вы верите, что нужна честь, совесть, порядочность, когда говорите про все это со сцены?.. Ведь без этой веры самые высокие слова не в счет. И зритель это понимает.

Сергей ЛЫСЕНКОВ,
Ленинград

Только и слышишь — искусство, культурные ценности. А кому все это нужно? Культурные традиции? Духовное богатство? А меня все это не волнует. И я говорю: «Двести рублей». Будут они — будет и духовное богатство, и «на» духовное богатство. Кто не согласен — пусть поспорит. Мне, извините, скучно, когда я слышу высокие слова про культурные ценности, культурное наследие.

Алексей В.,
Смоленск

Я часто спорю со своими друзьями, когда они утверждают, что видеомэгафоны заменят в будущем и кино, и театр, и литературу. Но тем не менее в чем-то они правы: кинодетектив, например, захватывает своим сюжетом, «закрученностью», а вот большинство повестей, которые мне попадались, читать действительно трудно — скучно. Неужели литературное произведение не может совместить увлекательность и моральный, нравственный смысл, который оно должно нести?..

В. ВОЙЛОКОВА,
Куйбышев

У нас много пишут о классической музыке, о фольклорных коллективах. Их часто показывают по ТВ, а классику ежедневно «гоняют» по радио. Но мне кажется, что молодому человеку сегодня нужны иные ритмы, новые музыкальные идеи. Классика классикой, но в меру же! Жизнь убыстряется — это факт. И может быть, молодежная музыка пытается отразить этот процесс? Может, потому столько молодых людей хотят сегодня слушать СВОЮ. БЛИЗКУЮ им музыку? Или я не права?..

Л. СТРОКОВА,
Саратов

...А недавно я попыталась в нашем классе почитать стихи. Слышали бы вы, как надо мной смеялись. Мне сказали, что ничего, кроме «В понедельник до второго я уеду в Комарово», сегодня уже не требуется. Я-то понимаю, что это не так. Но как доказать это моим одноклассникам?

Наташа К.,
Воронеж

И КУЛЬТУРА

**МОСКОВСКИЙ
ТЕАТР-СТУДИЯ
НА ЮГО-ЗАПАДЕ:**
образован в 1977 году;
из 60 студийцев —
всего двое
профессионалы;
средний возраст
артистов — 26 лет;
за 9 лет су-
ществования —
более 20
спектаклей;
ежегодно —
4 премь-
еры;
расположен
театр в
Гагаринском
районе
Москвы.

Наталья КОЛЕСОВА

СОЛО ДА ДА БОЛ

ВНАЧАЛЕ БЫЛО ДЕЛО

Театр построили своими руками. Когда Валерий Белякович (основатель и руководитель театра) с друзьями, одноклассниками своего брата Сергея и ребятами из Театра юного москвича при Московском Дворце пионеров и школьников, где Валерий вел группу, решили создать театр, пришлось начинать с нуля. Сначала появилось помещение: полуподвал жилого дома переоборудовали в зрительный зал из семи рядов, со сценой и небольшим коридором-фойе. Костюмы к первым спектаклям, мебель, музыкальные инструменты дарили отзывчивые местные жители: физически сильному Сергею Беляковичу подарили, например, маленькую шкатулку с «драгоценностями», а миниатюрной и хрупкой Гале Галкиной — большое старое пианино. Шкаф, вокруг которого разворачивается действие спектакля «Женитьба» Гоголя, был найден на свалке старой мебели, и не только шкаф... Пока помещение принимало вполне законченные театральные очертания, шли занятия по основам актерского мастерства: сценическая речь, движение, этюды, упражнения на развитие воображения.

Только собственноручно выстроенные актерами стены театра знают, как интересно и трудно было учиться начинающим актерам, как мучительно, но и весело проходили уроки. И сколько понадобилось упрямства и выдумки, чтобы выпустить премьеру — вечер старинных русских водевилей «Уроки дочкам»! Готовясь к премьере, нарисовали огромные рекламные афиши, обклеили их всеми имеющимися фотографиями и вывесили у метро «Юго-Западная». В афишах говорилось, что театр-студия на Юго-Западе приглашает на спектакль всех желающих, а билеты можно получить в театре по адресу проспект Вернадского, 125. К началу спектакля пришло человек пятнадцать. Ощущение, что премьеру придется играть при пустом зале, было не из приятных. И тогда молодые актеры в разноцветных руба-

хах, сарафанах, лаптях высыпали на улицу. «Хотите посмотреть спектакль?» И в ответ на удивленные взгляды местных жителей, которые не помнили, чтобы в их районе когда-нибудь был театр, отвечали, что теперь театр есть.

ЛИДЕР

Валерий Белякович — руководитель молодого театра. Он имеет два диплома о высшем образовании: учителя русского языка и литературы и режиссера. Педагог и художник сочетаются в нем органично, дополняя друг друга и формируя оригинальный стиль работы. Постановки театра-студии отличает предельная выявленность и заостренность основной идеи, которая целенаправленно развивается, а все лишнее сводится на нет. Спектакли Беляковича очень динамичны и «пропитаны» музыкой. В них почти нет декораций, а фигура актера всегда выводится на «крупный план». В спектакле ощущается упругая внутренняя сила, которой, надо сказать, отмечена и личность режиссера. Естественность лидерства Беляковича в театре заложена в самой природе его отношения к делу. Для всех он непререкаемый авторитет, ему **верят**, потому что знают: театр — это единственное, что есть у него в жизни.

Помимо основного занятия — режиссуры, Валерий Белякович выступает и в качестве актера, и администратора, и художника по свету, он даже воспитывает **свою** труппу, заботится о духовном, нравственном воспитании своих ребят.

Режиссура Беляковича рельефна, резка. Световыми лучами из полумрака сцены выхватываются герои спектакля. Но ни о каком однообразии говорить не приходится. Просто у театра нет возможности (да и желания) поставить декорации, отделить сцену от зрителя занавесом. Свет выполняет множество функций: освещает актера, акцентирует на нем внимание,

обозначает место действия, способствует смене картин и создает определенный эмоциональный настрой. Свет и звук поддерживают внутренний мир спектакля, мы ощущаем его нерв. Зрителю всегда **интересно** на спектаклях Беляковича. Каждая постановка театра дополняется точно найденным музыкальным оформлением. Но было бы неправильно считать музыку фоном, она действующее лицо любой постановки. Стремительные мелодии Ж.-М. Жарра сопровождают Мольера, колдовские звуки ансамбля «Крафтверк» стущают тревожную атмосферу «Игроков» Гоголя, страстная труба Эдди Кэлверта рассказывает печальную историю любви героев «Трех цилиндров» М. Миура. И сейчас от музыкального оформления спектакля режиссер сделал шаг к музыкальному построению спектакля.

В чем причина успеха этого молодого театра-студии? Сам Белякович называет несколько равнозначных компонентов: полная отдача в работе («у нас никто никогда не халтурит»), по-настоящему талантливые, увлеченные актеры, принципиальность в отборе репертуара. На мой же взгляд, самое главное здесь — режиссура. Белякович-режиссер остро чувствует время, его запросы и «болевы точки», его спектакли будят любопытство, будоражат. Кстати сказать, мы уже привыкли к тому, что главных режиссеров назначают. В данном случае произошло «самоназначение» лидера, его **естественное** возникновение.

Но вернемся к вопросу о репертуаре, он заслуживает, чтобы о нем сказали особо: сейчас в афише театра более 20 спектаклей. Каждый зритель может найти здесь постановку «для себя» (диапазон от фарса до трагедии, от бытовой драмы до диско-спектакля). Основной творческий принцип, которого тут придерживаются, — разнообразие. Белякович поставил всю драматургию Гоголя — «Женитьбу», «Ревизора», «Игроков», «Владимира III степени»; 40-летию Победы он посвятил спектакль «Русские люди» К. Симонова;

«Мольер» по «Кабале святош» М. Булгакова может быть признан пока что единственной в Москве удачной постановкой пьесы; «Театр Аллы Пугачевой» и «Встреча с песней» — шоу, на которых вы, смеясь над пародиями, стопроцентно поднимаете настроение; «Дракон» Е. Шварца и «Носороги» Э. Ионеску суровы и тревожны; «Гамлет» не только первая встреча со стихотворным текстом, но и попытка осуществления нового стиля постановки, акцентирующей внимание на трагической коллизии. И это только часть, а в афише — имена В. Шукшина и Ж. Ануя, А. Казанцева и Э. Олби, М. де Гельдерода, Э. Ветемаа, К. Гольдони, М. Миура, Л. Корсунского и Г. Боровика.

Каждую неделю приходят в молодежный коллектив люди с просьбой «записать в театр» — кем угодно. Актерский состав труппы, которую режиссер увеличивает очень придирчиво, включает мастеров на все руки. Женщины шьют костюмы и работают осветителями, мужчины монтируют спектакли, дежурят на входе морозной зимой. Порядок в театре поддерживают все. С чего начинается работа над спектаклем и как она проходит, знают только режиссер и занятые актеры, посторонним присутствовать на репетициях нельзя. То, что называется в профессиональном театре «застольным периодом» (разбор пьесы, чтение по ролям), Белякович вообще не включает в процесс подготовки: сразу — на сцену, под луч прожектора, сразу — в «шкуру» своего персонажа. И когда уж работа началась, никто не будет знать отдыха: репетиции до ночи, чтобы успеть на последний автобус, а сам режиссер может вообще жить в театре неделями.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Режиссер театра-студии имеет свою установку на взаимоотношения в труппе: здесь все равны, нет «звезд» в театральном смысле слова. Все дежурят, следят за чистотой. Как правило, от ролей никто не отказывается, будь то выход на «Кушать подано!» или изображение народа, который толпится и безмолвствует. У Беляковича актеры редко мечтают о какой-либо роли, хотя некоторые, так и не дождавшись своего часа, из студии уходили. Валерий Белякович умеет опережать актерскую мечту. Почти каждому из своих ребят он предоставляет возможность выступить соло, каждый имеет спектакль, роль в котором становится для него «звездным» часом: «Школа любви» Э. Ветемаа для Ирины Бочоришвили, «Трактирщица» К. Гольдони для Ольги Авилловой, «Самозванец» Л. Корсунского для Сергея Беляковича и

нимаются лично. И когда вы слышите финальный монолог первого действия: «Это можно — не обижать вдов и сирот. Жалеть друг друга тоже можно. Не бойтесь! Жалейте друг друга. Жалейте — и вы будете счастливы!» — у вас сжимается горло.

Он играет героев ярких, комедийно-ослепляющих или драматически-поражающих, всегда обаятельных, всегда цельных. Мольер из одноименного спектакля по пьесе Михаила Булгакова «Кабала святош» стал первой действительно драматической ролью Авилова и началом его творческого роста. Мольер многолик, многозначен: он и директор театра Пале-Рояль, и актер, и драматург, но главное — он человек гениальный. Он Мастер театра и поэзии. Актер играет Мольера на таком накале, о котором трудно рассказать, — это надо видеть, этому надо сопереживать. Отдаваясь велению своего театрального гения, Мольер Авилова не мыслит жизни без театра. Театр — его судьба и страсть, актеры — его семья. И жить он может только в атмосфере дружной актерской братии, она поддерживает его в трудные моменты, понимает и прощает. Мольер велик, потому что он отстоял, как мог, свое достоинство человека и писателя, не изменил товарищам и делу. Смерть настала его на сцене, и когда оборвалась музыка, сопровождавшая его последнее выступление, и он упал, вы поняли: умер гений.

Мольер стал для Авилова школой постижения драматического характера и ступенью к самому важному пока свершению театра-студии — главной роли в спектакле «Гамлет». Постановка «Гамлета» на Юго-Западе была невиданной дерзостью: казалось, что и режиссер, и театр слишком молоды для осуществления этого замысла. Но дерзость (или бесстрашие) — в характере Беляковича. И хотя постановка во многом спорная, на данном этапе «Гамлет» — самое значительное, на мой взгляд, достижение режиссуры Беляковича и актерского таланта Авилова.

Он узнаваем во всех своих ролях (играет без грима) и каждый раз поразительно похож на изображаемого персонажа: Мольера, Кочкарева, Броньку Пулково или Князева (персонажей рассказов В. Шукшина). Каждая роль Авилова наполняется собственным внутренним содержанием, и это придает ей особую убедительность.

Он имеет право играть своих героев.

Вячеслав Гришечкин.

Он единственный, кроме самого Валерия Беляковича, человек в театре, имеющий профессиональное образование, окончил актерский факультет ГИТИСа. Но после четырех курсов института для него не

собеседников. Но кто знает, может быть, скоро мы увидим Вячеслава Гришечкина в абсолютно новом для него амплуа?

Галина Галкина.

Когда Саша Глебова, героиня драмы А. Казанцева «Старый дом», шла на последний школьный экзамен, она не подозревала, что этот день станет последним днем ее детства и первым днем взрослой жизни. В этот день она сделала выбор — бесповоротно решила стать актрисой — и потеряла самое дорогое на свете — первую юношескую любовь. Любовь к Олегу оказалась первой и последней в ее жизни.

Галина Галкина проживает судьбу своей героини: ее трудные взаимоотношения с пьяницей-отцом и забитой матерью, ее первую любовь, распотанную местными «блюстителем нравственности», ее отказ простить предательство любимого человека, равный отказу от счастья на всю жизнь. Спектакль «Старый дом» и его главная героиня достоверны. Люди, пережившие время коммуналок, соседских склок и великодушных примирений, узнают свое прошлое иногда с улыбкой умиления, иногда с внутренним содроганием. А другие, ощущая по реакции соседей правдивость происходящих событий, понимают, что перед ними развернулся кусок нашей жизни, уже уходящей в прошлое...

Галина — одна из самых молодых актрис театра и одновременно его ветеран, она находится здесь со дня основания студии. Она же — первая исполнительница многих ролей: Арманда в «Мольере» М. Булгакова, Эльзы в «Драконе» Е. Шварца, Жанны д'Арк в «Жаворонке» Ж. Ануя.

Жанна д'Арк — жаворонок Франции, воплощение простоты и величия подвига. Миниатюрная девушка с низким, мягким голосом заволаговала скрытой в ней огромной силой и верой. Она шла к своей цели — получить войско и броситься во главе его в битву за родину, — твердо зная, что в этом ее предназначение. С каждым новым препятствием, казалось, силы ее крепили, а воля сокрушала все преграды. Фигура Жанны в исполнении Галины Галкиной — не ожившая легенда, она воплощение гения.

А после спектакля Галина Галкина быстро исчезает. Куда? Домой. Там ждут ее две маленькие дочки, Аня и Оля, — более трудная часть ее жизни.

ИХ ЗРИТЕЛЬ

Это особая категория в театре — «свой» зритель. Он был у молодого МХАТа, у начинающего «Совре-

ЫШНОГО ГОРОДА

Олега Задорина, «Три цилиндра» М. Миура для Надежды Бадаковой и Алексея Ванана. И тогда названия спектаклей вызывают у всегдашнего театра ассоциации с определенным исполнителем.

Трудностей немало, но театр молод, а режиссер, актеры и зрители знают: многое — впереди.

А теперь давайте познакомимся с несколькими молодыми актерами, которые формируют лицо этого театра.

Виктор Авиллов.

Встреча Авилова с Беляковичем произошла давно. Виктор Авиллов учился в одном классе с младшим братом Валерия Беляковича — Сергеем (сейчас одним из ведущих актеров театра). Эта встреча для Авилова стала началом жизни в театре, обретения призвания и привела к роли Гамлета: вряд ли нужно пояснять, что означает эта роль для любого артиста.

Для Беляковича встреча с Авилловым во многом определила его дальнейшее творческое развитие и режиссерский диапазон — он нашел **своего** актера.

Авиллов — актер редкого дарования. Это без преувеличений. От природы ему дана необычная, задерживающая внимание внешность, которая сама по себе обладает каким-то даже гипнотическим воздействием на зрителя. Он очень работоспособен и не жалеет себя, играя, если нужно, по два спектакля в вечер. Когда Авиллов на сцене, его персонажам нельзя не верить, он верит им сам, отдавая им часть своей души.

«Ланцелот — моя любимая роль. Нужно иметь право играть ее», — говорит Авиллов о своем герое из сказки Евгения Шварца «Дракон». Ланцелот — странствующий рыцарь, спасший жителей сказочного города от злобного дракона, а потом избавивший их от всего дурного, что осталось в человеческих душах после сотен лет жизни под гнетом коварного чудовища. Герой Авилова очень прост, добр, бескомпромиссен. Актеру удается сконцентрировать в словах Ланцелота такую убежденность, что они каждым воспри-

стояло вопроса, где работать, — конечно, в студии, конечно, на Юго-Западе. Гришечкин занимался в группе Беляковича еще в Театре юного москвича. Он не мыслит себя в ином театре и с другим режиссером, так как твердо убежден, что его режиссер — «самый-самый»: самый интересный, самый необходимый ему как актеру.

Режиссер сразу нашел, как и где использовать выразительный голос актера, его ярко выраженное стремление к гротеску и великолепную контактность, которой тот никогда не терял на сцене. Спектакль по пьесе Евгения Шварца «Дракон» поставлен Беляковичем как сказка-памфлет. В нем сплетаются лирические волшебные мотивы и сатирические нападки на приспособленчество, скрывающее циничное попрание свободы личности. Гришечкин исполняет в «Драконе» роль Бургомистра: карьериста, достигшего высот на несчастье своих сограждан, умелого актера, прикидывающегося сумасшедшим, и жестокого тирана, чувствующего свою безнаказанность.

В некоторых спектаклях студии состав исполнителей поддается варьированию, заменам. Но в «Драконе» постоянно трио: Бургомистр — В. Гришечкин, Ланцелот — В. Авиллов, Генрих — А. Ванин. Поэтому, когда Вячеслав ушел служить в армию, спектакль пришлось временно снять — молодой актер оказался незаменимым. А как, наверное, памятен ему осенний день, когда его друзья приехали в часть с представлением «Театр Аллы Пугачевой» — подарком другу и его товарищам по службе.

Обаяние — главная, пожалуй, черта персонажей, исполняемых Гришечкиным. Молодежная, самая отзывчивая часть зрителей всегда найдет в его героях живое зерно — постоянно движущийся блестящий характер. Няня Василиса из старинного русского водевиля, персонажи композиции по рассказам А. Чехова, дофин Карл («Жаворонок» Ж. Ануя), — все они не просто живут рядом, зал воспринимает их не как действующих лиц представления, а как остроумных

менника» и уже зрелой «Таганки». «Свой» зритель есть у конкретных режиссеров, актеров. На Юго-Западе «свой» зритель — это почти весь зал (кстати, совсем не так много — всего 125 человек). Кто эти люди? Местные школьники — они готовы ходить сюда каждый день — живут в соседних домах и выросли рядом с этим театром. Студенты — часто они приезжают со всех концов Москвы. Молодежи в зрительном зале много, но и взрослые люди не обходят вниманием молодой театр.

Что же дает театр молодому зрителю? Ребята не просто ходят на спектакли, они начинают интересоваться театром вообще. Если у Беляковича идет одноактная пьеса М. де Гельдерода «Эскориал», они достанут сборник пьес и прочтут все; если здесь поставили «Мольера» М. Булгакова, они пойдут в «Современник» смотреть «Кабалу святош», а заодно и во МХАТ на «Дни Турбиных» и «Бал при свечах» (инсценировка по мотивам «Мастера и Маргариты»). Театр формирует их эстетические взгляды, заставляет трудиться их души, воспитывает интеллект.

К зрителю в Театре-студии на Юго-Западе относятся бережно. Его уважают: Откроется дверь, и дежурный по входу обязательно произнесет: «Добрый вечер! Пожалуйста, проходите». Вас встретят, дадут программку, помогут отыскать свое место. Для безбилетных поклонников — а они есть всегда — подставят сбоку раскладные стульчики и расстелят по полу перед первым рядом ковер. Вы гость в этом маленьком зале. А когда начнется спектакль, вы можете заметить девушку-дежурную, которая стоит в проходе и, прижавшись к стене, напряженно следит за действием, хотя наверняка знает все наизусть. А закончится спектакль, и, оставшая в книге отрывов добрые слова, зрители обязательно интересуются, какой спектакль будет завтра. Словом, театр воспитал **своего** зрителя, он его **создал**, и есть надежда, что никому его не отдаст. А зритель говорит только одно: «У нас один театр в районе, но зато какой!»

Отечество

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

И СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК ВОЗМОЖНО...

Сегодня дом Пушкина на Арбате выглядит так же, как полтора столетия назад.

Болдино — Арбат

Пушкин — Плетневу, 9 декабря 1830 года:

«Скажу тебе (за тайну), что я в Болдино писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы «Онегина»... совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами («Домик в Коломне».— В. П.)... Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Салиери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан». Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все... Написал я прозою 5 повестей («Повести Белкина».— В. П.)...»

Тремя месяцами раньше, 31 августа Пушкин писал тому же Плетневу, другу, поэту, издателю его сочинений:

«Сейчас еду в Нижний, т. е. в Лукоянов, в село Болдино... Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска... Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда... Черт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан...»

Нежданым счастьем явилась в жизнь Пушкина знаменитая Болдинская осень 1830 года. Уставший от неволи, в которой живет, от царской опеки, от денежных долгов, от неведения будущего — женитьба на Наталии Николаевне назначалась, откладывалась, а то и будто вовсе расстраивалась, убежденный, что не создан для счастья, отправился поэт в дальнюю свою вотчину, где, шутил он, водятся курицы, петухи и медведи, чтобы хотя немного привести в порядок свои дела. И внезапно на три месяца застрял в одиночестве, без пра-

ва выезда, окруженный карантинными, — эпидемия холеры. Но — как часто такое случается с Пушкиным! — в дни горестей, тревог, невзгод, вопреки обстоятельствам явилась поэзия — и утешила, спасла, принесла самую высокую радость — радость созидания, творчества... И уже для всех нас как имя нарицательное — образ чуда, невиданного творческого подъема: Болдинская осень!

7 сентября — первое болдинское стихотворение: «Бесы». На дворе погода солнечная, а на душе тревога, тоска. И в стихах — выюга, ночь, бездорожье: «Сбились мы. Что делать нам! Но назавтра, 8 сентября, — «Элегия»: «... Не хочу, о други, умирать; // Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» Не создан для счастья, но возможно ли не мечтать о нем? — И ведаю...»

*Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат
печальный
Блеснет любовь улыбкою
прощальной...*

А вымысел, гармония уже на пороге... На следующий день, 9 сентября, пишется рассказ «Гробовщик» и к тому же письма (день почтовый). Настроение решительно исправляется: «мрачные мысли мои порассеялись». Он пишет Плетневу: «Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы, и стихов». Это Плетневу. И тут же: «Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать». В этот же день — Наталии Николаевне: «Верьте, что я счастлив, только будучи вместе с вами...» Здесь ни противоречия, ни неправды. В самом деле — счастье быть вместе с той, которую вот уже два года называешь в мечтах своей женой. Но когда

вокруг «степь да степь; соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает», — разве это не счастье!..

В последних числах ноября, погрузив в коляску дорожный сундучок, потяжелевший от «всячины», Пушкин наконец устремляется сквозь еще не снятые оцепления в Москву. Его встречают то же безденежье, житейские неурядицы, ссоры с будущей тещей, ее угрозы отложить или вовсе отменить свадьбу. И московский полицмейстер (о чем поэт, конечно, понятия не имеет) исправно докладывает по начальству, что «оставной чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин» прибыл в древнюю столицу и что за ним «надлежащий надзор учрежден».

В ЭТОМ ЗАЛЕ — ДУХ И ПРИМЕТЫ ПУШКИНСКОЙ МОСКВЫ...

ЗДЕСЬ НИКТО НЕ ОСТАЕТСЯ РАВНОДУШНЫМ...

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

**И ВСЕГДА У ПУШКИНА
ЖИВЫЕ ЦВЕТЫ
РУКОПИСИ ПОЭТА, ЕГО
ПРОЗА, ПОРТРЕТЫ НА
ПОДАРОК**

В эти дни — накануне женитьбы — ему еще предстоит пережить непонимание, которым встретило большинство читателей и критиков вышедшего наконец из печати «Бориса Годунова» («любимое мое сочинение»). Ему предстоит пережить неожиданную смерть друга Дельвига («Вот первая смерть, мною оплаканная... Никто на свете не был мне ближе Дельвига...»). Но: «Меня не так-то легко с ног свалить... Постараемся быть живы».

Дело, хоть с задержками и осложнениями, движется к развязке: он должен заблаговременно позаботиться о доме, куда привезет молодую жену. Пушкин выбирает двухэтажный каменный особняк на Арбате, построенный еще до войны 1812 года. «Пиши мне на Арбат в дом Хитровой», — сообщает друзьям новый адрес. В доме господ Хитрово, «состоящем в Пречистенской части второго квартала под № 204 в приходе Троицы что на Арбате», он нанимает пять комнат во втором этаже, или «ярус», как тогда говорили...

Инженер-физик С. К. Романюк, кро-

потливо и плодотворно изучающий прошлое Москвы и открывший немало достопримечательных ее мест, связанных с биографиями наших великих соотечественников, первым прочитал маклерскую книгу некоего Анисима Хлебникова, в которой под № 10 значилась запись о найме квартиры. И здесь же, хоть не стихи и не проза — шутка ли! — прежде неизвестный автограф поэта: «К сей записке 10-го класса Александръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ руку приложить».

Лучший университет

18 февраля 1831 года Пушкин с Наталией Николаевной после венчания приезжает в свой арбатский дом.

Накануне он пригласил сюда человека десять близких приятелей на «мальчишник» (среди гостей — Нащокин, поэты Баратынский, Языков, Денис Давыдов, Иван Киреевский, публицист, критик, Левушка Пушкин). Годы спустя участники обеда свидетельствовали: «Пушкин был необыкновенно грустен... Он читал

свои стихи — прощание с молодостью...» (стихи не сохранились или, быть может, пока не найдены). Но, по свидетельству тех же современников, «на другой день он был... очень весел, смеялся, был счастлив, любезен с друзьями...».

Вместе со взрослыми молодую чету, приехавшую по совершению обряда бракосочетания, встречал на новой квартире десятилетний мальчик Павел Вяземский, сын Петра Андреевича, одного из ближайших друзей поэта. «В щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками,—будет он потом вспоминать,—я нашел на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана, никогда мною не виданное и неслыханное собрание стихотворений Кириши Данилова...»

Запомним лиловый бархат с цветочками, диван с полочками — это единственное дошедшее до нас описание московской квартиры Пушкиных. Но и на Киришу Данилова обратим внимание. Павел Вяземский рассказывает, что во время большого свадебного ужина (наверно, добавим, к немалому удивлению иных сидевших за столом) Пушкин говорил об этом сборнике древних русских стихотворений, высказывал «мнение о прелести и значении богатырских сказок и звучности народного русского стиха».

Через неделю после свадьбы у Пушкиных снова гости. «Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось...» — сообщает в письме к брату небезызвестный московский почт-директор А. Я. Булгаков. Дважды неделей раньше он же писал брату о женитьбе поэта: «Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась». Спустя три года тот же Булгаков вскрыл на московском почтамте письмо Пушкина к жене, прочитает в нем, что поэт не намерен являться к наследнику с поздравлениями по случаю его присяги и сказывается больным, прочитает знаменитые слова поэта про трех царей («первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няню; второй меня не жаловал; третий... упек меня в камер-пажи под старость лет...»), прочитает... и переправит письмо к Бенкендорфу. Но пока: «Ужин был славный; всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство».

Пушкин — Плетневу, 24 февраля 1831 года:

«Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

Слишком умен, понимает, конечно, что желание несбыточно, но не в силах не пожелать — счастлив!

В «Каменном госте», завершнном три с половиной месяца назад в Болдине, Дон Гуан говорит Донне Анне о своей любви: «Мне кажется, я весь переродился». И еще: «...Только с той поры // И понял я, что значит слово счастье». «Каменный гость» — единственная из маленьких трагедий, не напечатанная Пушкиным при жизни. Странно: традиционный сюжет! А. А. Ахматова, объясняя причину этой странности, писала, что поэт вложил в трагедию «слишком много самого себя».

О счастье Пушкин много размышляет в жизни, может быть, оттого, что самому не так-то часто выпадает испытать его. Через три года после счастливой арбатской поры он напишет: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к добру и прекрасному...»

Всего неделя, как Пушкины поселились на Арбате, — в одном из альманахов впервые напечатаны созданные еще в минувшем году стихотворения «Мадонна» и «Новоселье». В автографе

«Мадонны» помета: 8 июля 1830. В те же дни поэт писал невесте: «Я утешаю себя тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды... Не знаем, произносились ли в арбатском доме строки «Мадонны» (скорее всего, произносились, звучали!), но ими был пропитан воздух этого дома:

Исполнились мои желания.

Творец

Тебя мне ниспослал, тебя,

моя Мадонна,

Чистойшей прелести

чистойшей образец.

Оба стихотворения напечатаны изумительно своевременно. Это как бы поэтическое воплощение того, чем полнится душа поэта. Вот и «Новоселье»:

Благословляю новоселье,

Куда домашний свой кумир

Ты перенес — а с ним веселье,

Свободный труд и сладкий мир...

Заполнение пустоты

15 мая 1831 года Пушкин навсегда уезжает из этого дома. Почти полтора столетия в этих стенах живут десятки, может быть, сотни других людей. Время и люди меняют облик здания. Оно многожды перестраивается снаружи и внутри. Долгие годы мы проходили мимо густонаселенного особнячка на Арбате, сперва ничем не приметного, позже отмеченного быстро примелькавшейся ординарной мемориальной доской: «Здесь жил А. С. Пушкин». Надо было вдруг понять, почувствовать, что перед нами единственный в нашей столице, в Москве, ДОМ ПУШКИНА, чтобы все увиделось по-новому.

«Рождение замысла музея — прежде всего рождение его ведущей главной идеи». Эти слова глубоко продуманны, пережиты, воплощены в жизнь. Принадлежат они А. З. Крейну, основателю и директору Музея А. С. Пушкина в Москве. Именно А. З. Крейн увидел будущее созданного им музея, ныне снискавшего всеобщую известность и любовь в продолжении этого музея ДОМ ПУШКИНА НА АРБАТЕ.

Слово «Продолжение» здесь многозначно: первоначальный замысел предполагал, в частности, пушкинский пешеходный маршрут, проложенный между первым музеем, на Кропоткинской улице, и мемориальным на Арбате и ведущий мимо домов, в которых бывал поэт, и домов, в которых жили его друзья, знакомые, замечательные современники, и мимо домов-современников, которые и Пушкин видел, когда здесь проходил, проезжал.

Говорят, что задача скульптора — отсечь от глыбы мрамора лишнее и оставить нужное. Похоже, именно этим занимались архитекторы-реставраторы (сначала М. В. Фехнер, затем коллектив мастерской, руководимой В. Я. Либсоном), разными способами обследуя дом на Арбате, а позже восстанавливая его, придавая ему тот внешний и внутренний облик, который некогда открылся Пушкину.

Но «арбатский замысел» — не просто восстановление дома: создание музея. Состав экспонатов, конечно, определяет богатство и значимость музея, но не менее важна его духовная наполненность — вещами ее не заменить. Экспонат начинает говорить нечто нашему уму и сердцу во многом благодаря уму и сердцу музейных работников, которые нам его показывают.

Об арбатских месяцах Пушкина мы знали немногим больше, чем об арбатском доме: время полнилось счастьем, но, казалось, не богато событиями. В книге известного пушкиниста Н. О. Лернера «А. С. Пушкин. Труды и дни», вышедшей в 1903 году, этой поре в жизни поэта отдано две-три странички. У Вересаева в популярном своде мемуарных свидетельств «Пушкин в жизни» — о ней три десятка отрывочных записей. Известный исследователь М. А. Цявловский успел довести свою уникальную «Лето-

пись жизни и творчества А. С. Пушкина» лишь до 1826 года.

Сотрудник Музея А. С. Пушкина С. Т. Овчинникова, автор тематико-экспозиционного плана арбатского дома, в течение десяти лет кропотливо изучала переписку и дневники современников поэта, официальные документы, газеты и журналы эпохи. Находки чаще всего награждают того, для кого поиски не самоцель, кто ведет их ради создания нового. Результат работы С. Т. Овчинниковой — целая книга «Пушкин в Москве. Летопись жизни А. С. Пушкина с 5 декабря 1830 г. по 15 мая 1831 г.». Этот труд принес нам множество новых сведений — и с ними приблизился к нам, полнее открылся образ поэта. «В этой работе нас постоянно сопровождало ощущение некоего чуда — чуда воскресения, — пишет автор. — Великая жизнь, отстоящая от нас на полтора столетия, вдруг, как сквозь туман, начинала брезжить, проступать все отчетливее из глубины времени».

И то же ощущение приближения великой жизни, великой личности рождалось при подборе и поисках изобразительных и книжных фондов для будущего музея, и здесь напряженной работе сопутствовала радость открытий. Подчас поразительных! Так, в собрании музея появился прижизненный миниатюрный портрет Пушкина, никому прежде не ведомый. Е. В. Павлова, заведующая отделом изобразительных, после долгого и тщательного исследования миниатюры высказала предположение, что она написана в 1826 году московским художником Ж. Вивьеном — известен его карандашный портрет поэта, исполненный в том же году. Если атрибуция точна, то находка тем более замечательна: не просто новый прижизненный портрет Пушкина, но портрет московский!

В ходе реставрационных и строительных работ уничтожались искажения, принесенные временем, возродились подлинные объемы ДОМА ПУШКИНА. Освожденное от многочисленных позднейших переделок, точно из небытия, явилось пространство помещений второго этажа — зала, двух больших комнат, трех маленьких. И те же объемы, помещения возникали на макете, создаваемом по указанию руководителя художественного проекта Е. А. Розенблюма. Предстояла работа по заполнению пространства.

Увы, кроме нескольких приведенных слов Павла Вяземского про лиловые обои да про диван с полочками, никаких воспоминаний о внешнем облике пушкинской квартиры. Из мажорской книги следует, что собственных вещей поэта в доме не было: Пушкин нанял квартиру «со всеми принадлежностями и мебелью по описи». Но и опись не сохранилась...

В конце концов всего привычнее обставить музейную квартиру «в стиле эпохи». С большим или меньшим успехом преодолена и другая трудность: воссоздание интерьера применительно к личности человека, который жил в доме. «Но всякий раз, когда мы мысленно вносим чужую мебель и другие предметы быта в подлинное пространство, где жил Пушкин, нам становится не по себе, — писал А. З. Крейн еще в пору раздумий над «арбатским замыслом». — Что-то в этом есть неловкое, что-то уводящее от искомого ощущения «здесь был Пушкин». Внесенные вещи не приблизят к Пушкину, а отдалят от него. Так у создателей музея выкристаллизовалась главная идея: «Пусть будет подлинным то, что истинно подлинно: пространство мемориальных комнат». Это «пусть, основанный на уважении к современному зрителю, на доверии к нему, на уверенности в богатстве его души, воображения, знаний, способности его вступить в сотворчество с музеем».

Ах, как трудно создать мемориальную пустоту, побудить зрителя почувствовать, принять и эту незаполненность пространства, и его истинность, мемори-

альность! Здесь все «работает»: и драпировка, и цвет стен, и паркет, и подвижки на окнах, и портрет, живописный или гравированный, но сам по себе уникальный, который «держит», фокусирует внимание зрителя в каждой комнате, и тот подчас единственно подлинный предмет, оставленный в комнате, который с особенной остротой и силой заставляет ощутить эту незаполненность самого воздуха в ней. (Работник музея Г. Г. Курочкина, ныне заведующая арбатским филиалом, рассказывает, что в этих необычных условиях выверенность экспозиции должна быть поистине «микроскопической»: всякая малая подробность — листок бумаги, перышко какое-нибудь — необыкновенно заметна, осязается, сильно сказывается на создании впечатлений...)

18 февраля 1986 года, через 155 лет после того, как в нем поселился поэт, ДОМ ПУШКИНА НА АРБАТЕ снова открыл свои двери.

Мы проходим по комнатам первого этажа. Здесь знакомство с Москвой пушкинского времени, ее обликом и культурой, салонами и театрами, литературой и журналистикой. Здесь же — сведения о событиях в жизни Пушкина, связанных с этим арбатским домом. На первом этаже обилие материалов самых разнородных: книги, журналы, портреты, гравюры, документы, мебель, принадлежности быта... Щедро, образно, поучительно — и необходимо, прежде, чем поднимемся на второй этаж.

На втором этаже — зал, где мы на несколько минут можем почувствовать себя гостями памятного «мальчишника», на котором поэт прощался с молодостью, или «славного бала», которым ознаменовал он начало новой, семейной жизни. Нет ни музейных шкафов, ни стеллажей, ни витрин — устраиваемся за столом, у занавешенного тяжелой гардиной окна, подле рояля. Тут экскурсовод молчит, лишь голос Актера в проникновенном Слове еще раз напоминает нам о смысле и обаянии прожитых Пушкиным в этих стенах дней. Это момент перехода из пространства музейного в то мемориальное пространство, ради которого так необходим был всем нам, благодаря которому сразу стал так дорог арбатский ДОМ ПУШКИНА.

А потом медленно отворяются высокие белые двери и... Но можно ли передать словами... воздух, наполненный всем, что мы знаем о Пушкине, всем нашим чувством к нему, той глубиной, осознанной и безотчетной любовью, которую мы получаем от предшествующих поколений и которая со дня рождения вызревает и утверждается в каждом из нас...

Но пространство арбатского ПУШКИНСКОГО ДОМА шире объема, ограниченного стенами здания. Мы идем к музею по обновленному Арбату, и сама идея этого преображения улицы возникла и укоренялась вместе с идеей воскрешения пушкинского дома, ибо невозможно было ограничить мысль интерьером и не думать о том, что мы «вместе с Пушкиным» увидим из окон его квартиры. Пространство ПУШКИНСКОГО ДОМА шире и во времени. Для создателей музея сам по себе мемориальный дом лишь начало воплощения общего замысла, существующего уже в проекте. Согласно этому замыслу, ДОМ ПУШКИНА включен в некий огромный новый объем, в котором он, будучи идейным и эмоциональным центром, содействует со зрительным залом и музейными экспозициями, с библиотекой и хранилищем даров: московский музей А. С. Пушкина (и это не громкие слова!) вырос на величайших ценностях, принесенных ему в дар народом. Замысел устремлен в будущее. Создатели музея помнят о движении времени, ускоренном неизбежными и необходимыми темпами нашей сегодняшней жизни. Они помнят, что возводят музеи XXI века, музеи третьего тысячелетия.

Лариса
ВАСИЛЬЕВА

В ПРЕДЕЛАХ МИРА

СТИХИ ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ТЕТРАДИ

Победа крылатая — Ника
несчастливая, без головы,
зайтись от державного крика
не может, увя.

Веками дается победа
ценою невиданных трат.
Никто не уйдет от ответа,
защитник и тот виноват,

в рискованном поиске славы,
жестокое чувства тая.
Лишь павшие замертво правы,
лишь павшим никто не судья.

Эхо

В Сиракузах есть среди
скал зрот причудливой
формы. Его называют
«Ухо Дионисия».

Дионисий подставил мне ухо.
— Сердце в счастье не знает стыда?
Отозвался спокойно и глухо.
Раскатилося, рассыпалось:
— Да!

— Можно жить, не травивши кумира,
всем, изведавшим истины мира
и законы земли и планет?
Раскатилося, рассыпалось:

— Нет!
— Есть ли счастье?

Ответил:
— Отчасти.
— Что свобода для мирных племен?
Зная все о свободе и власти,
он ответил неспешно:
— Полон.

Равнодушен.
Все видел и знает.
Горд.

Надменен.
Доволен собой.
Все нашел — ничего не теряет.
— Кто познает любовь?
Он:
— Любой.

От таких неконкретных ответов
быстро я собралась уходить:
не дает откровенных советов,
не желает понять, угодить.

Уходя, мимоходом спросила:
— Вам не страшно от новых эпох?
Ничего не ответила сила,
лишь вздохнула отчаянно:
— Ох!

Холодно, холодно.
В утренней рани
хочется думать о том,
как мы не встретились
в жарком Милане,
не разлучились потом.

Не удалось ни поссориться шумно,
ни помириться в пути.
Помнить небывшее разве разумно,
разве достойно, скажи?

Завтра раскинулось черною бездной,
в сердце отбросило тень,
воображенья игрой бесполезной
грею неявленный день.

Фейхофиндия — фрукт кактусового дерева, весь усыпанный острыми, невидимыми простым глазом колючками.

Был юноша похож
на молодого бога,
как статуя ожившая,
возник.

Глаза навывкате
и грустные немного,
продолговат
и безупречен лик.

Он по волнам летал
необычайно ловко,
и неуместный мяч держал,
как солнца шар.
Весь — радость и порыв,
отвага и сноровка,
весь — безразличие, и весь — пожар.

Лег на песок.
Застыл со мною рядом.
И страшно стало мне:
— Как молод, боже мой!
Неравнодушно он смотрел
вослед наядам,
и кто-то мне шепнул:
— Ведь юноша немой...

Не слышит ничего:
людского разговора,
и щебетанья птиц,
и звука громких труб,
не знает нежных просьб,
не ведает укора,
не понимает,
что слетает с жарких губ.

Я чувствовала,
как во мне вскипает сила.

Помочь.
А чем помочь?
Сказать.
А что скажу?
— Вы любите меня? —
нелюбно я спросила,
как будто грудь свою
подставила ножу.

Он сыну моему ровесник несомненно.
— Вы любите меня...
Какая ерунда!
Но Афродитой быть,
родившейся из пены,
не значит ли навек
забыть свои года?

Он угадал слова.
Ответить не умея,
он руку протянул —
достиг моей руки.

Следили мы вдвоем,
как запускают змея,
как белые в волнах
мелькают мотыльки.

Боясь остановить
счастливейшее мгновенье,
от счастья умереть
на чуждом берегу,
я бросилась бежать.
Но нежное волнение
бежало вслед за мной
и пело на бегу.

Очнулась далеко,
в какой-то дикой роще,
где розовых плодов
на кактусах полно.
Ах, как хотелось жить
естественней и проще!
Ах, как хотелось знать,
что все не решено.

И я еще могу
смеяться от сознания
своей неправоты,
не ведая границ
меж возрастом любви
и веком мирозданья,
и смахивать слезу
с опущенных ресниц.

Вот я сейчас сорву
плод розовый и странный,
невиданный досель,
как яблоко сорву,
почувствую себя той Евой окаянной,
что всем дала познать
свободу наяву.

Я сорвала тот плод,
к губам его прижала.
Но, боже, как прожгло
и пальцы, и уста!
Как будто лютый змей
невидимое жало
вонзил в меня,
скользя с высокого куста.

Наказана сполна —
мгновенно отрезвела:
невиданных плодов
не вовремя не рви!
О, кто, когда солгал,
что в мире нет предела
упрямой, молодой,
бесхитростной любви?

Озеро Неми

Жрец Дианы у озера
Неми ежесекундно под-
вергался опасности
быть убитым претен-
дентом на его место.
Лишь убийца жреца имел
право стать новым
жрецом.

Смеется в небо зеркало Дианы,
забыт ее всегда угрюмый жрец,
и пинии, одетые в лианы,
глядят, как мирно зреет огурец

в распластанной у озера теплице,
как мастерски запружена вода,
как девушки, любви и денег жрицы,
на мотоциклах мчатся никуда.

Давно забыты повод и причина —
никто жреца за место не убьет;
старушка в баре кофе «капучино»
за мизерную плату подает.

Смешно и глупо
верить в привиденья,
их навсегда отвергли наши дни.
Но дух борьбы
и горький дух смятенья
откуда здесь?
Откуда здесь они?

Зачем забилось
сердце на вершине
крутой скалы?
Зачем зашло оно?
Все пустыни.
Пойду скорей к машине,
еду вниз, покуда нетемно.

Но что белеет там, у поворота?
Луна блестит на лезвии ножа?
Все помнит обновленная природа,
все знает неумершая душа.

— Диана, вы?
(Нельзя на «ты» с богами.)
Она стрелой пронзила синеву.
Листва зашелестела под ногами,
и пала птица замертво в траву.

— Охотница, вам нравятся иные,
сегодняшнего века времена?
Вы, может быть,
слыхали о России?..
С улыбкой не ответила она.

— Диана, вы похожи на соседку,
что в переулке Даевом живет...
Лишь отвела рукой сухую ветку
и пропустила путницу вперед.

Так я ушла, не осмысляя чуда,
по-прежнему не веря ни во что.
Но дух смятенья,
дух борьбы откуда?
И эта тень в заношенном пальто.

Что за спиной Дианы колыхалось —
ужели жрец?
Один из тех жрецов,
чья жизнь
ежесекундно подвергалась
единственному из земных концом.

Какою мерой этот день измерить?
Как не остаться перед ним в долгу?
Смеялась я, что не могу поверить,
и плакала — поверить не могу!

Но дух борьбы
и дух смятенья тоже
с тех пор во мне,
как встречи той привет.
Сказала бы, на что они похожи,
да слов таких на белом свете нет.

Нас толкнули в просторную светлую комнату, и я невольно зажмурился, глазам стало больно от яркого света. За столом сидели четыре человека в штатском. Пленных в комнате — куча. Некоторых я уже знал, другие, должно быть, были иностранцами. Те двое, что оказались около меня, были русоволосы, с круглыми головами. «Французы», — подумал я. Четверо за столом копались в каких-то документах.

Так продолжалось около трех часов. Я совсем отупел, в голове звенела пустота, единственная приятная эмоция была в том, что комната была хорошо натоплена: вот уже целые сутки мы тряслись от холода. Наконец, надзиратели по одному стали подводить пленных к столу. Те четверо у каждого спрашивали фамилию и профессию. Их любопытство не заходило далеко, лишь изредка задавался вопрос: «Ты участвовал в диверсии на складе с боеприпасами?» или что-нибудь вроде: «Где ты был утром девятого?» Они не слушали ответов или по крайней мере делали вид, что им это безразлично, а потом принимались что-то писать. У Тома спросили, правда ли, что он служил в интернациональной бригаде. Том не мог отрицать, в его куртке они нашли документы. Хуану совсем не задавали вопросов, но когда он назвал свое имя, что-то долго писали.

— Это мой брат Хозе Анхелист. Вы же знаете, что его здесь больше нет. Я... я не состою ни в какой партии, никогда не занимался политикой... — сказал Хуан.

Они не ответили. Тогда Хуан добавил:

— Я ни в чем не виноват и не хочу расплачиваться за других.

Охранник прикрикнул на него и отвел в сторону. Подошла моя очередь.

— Вас зовут Пабло Иббета?

Я ответил, что да.

Человек покопался в бумагах и спросил:

— Где сейчас Рамон Грис?

— Я не знаю.

— Вы его прятали в своем доме с 6-го по 19-е?

— Нет.

Они снова принялись что-то писать, и охранники вывели меня. В коридоре под охраной надзирателей ждали Том и Хуан.

— А что теперь? — обратился Том к одному из надзирателей.

— Что? — переспросил тот.

— Это был допрос или уже суд?

— Уже суд.

— Что же теперь будут с нами делать?

— Вам сообщат о приговоре в камере, — сухо ответил надзиратель.

То, что служило нам камерой, в действительности было не чем иным, как больничным погребом. Из-за постоянных сквозняков там было чертовски холодно. Всю ночь мы мерзли, но и днем становилось ненамного лучше. До этого я пять дней провел в тюрьме архиепископства, в клетке, чем-то напоминающей мышеловку и, должно быть, построенной в годы средневековья. Там было много пленных и очень мало места, и я не сожалел о той конуре. Здесь, в погребке, нас было трое. Хуан все время молчал, явно трусил, но был слишком молод, чтобы высказывать свое мнение. Зато Том, хорошо знавший испанский, был большой любитель поговорить.

В погребке одна скамья и четыре соломенных тюфяка. Когда нас туда привели, мы сели и некоторое время молчали. Потом Том сказал:

— Теперь нам крышка.

— Мне тоже так кажется, но я не думаю, что они могут сделать что-нибудь плохое малышу.

— Им не в чем его обвинить, — сказал Том, — ведь он всего-навсего брат военного.

Я посмотрел на Хуана. Похоже, что он не слушал нас.

— Ты знаешь, — продолжал Том, — что они сделали в Сарагосе? Они положили людей на дорогу и проехали по ним на машине. Мне об этом рассказывал один марокканский дезертир. Так они экономят патроны...

— Но зато теряют на горючем, — перебил я.

Я разозлился на Тома. Не надо было такое трепать.

— А офицеры руки в брюки, сигарета в зубах, прогуливаются вдоль дороги, наблюдая за всем этим. Ты думаешь, они прикалывают раненых? Ничего подобного. Они оставляют их подыхать словно выброшенную на берег рыбу. Иногда бедняги долго не могут сдохнуть. Марокканец говорил, что на дороге тогда его чуть было не стошнило.

— Не думаю, что они здесь будут творить то же самое, — сказал я. — Если у них, конечно, хватит патронов.

Дневной свет проникал в подвал через четыре отдушны и круглое отверстие, сквозь которое можно было видеть небо. Через эту дыру, обычно закрытую люком, в подвал засыпали уголь для отопления больницы. Но с самого начала войны все больные были эвакуированы, и топить перестали.

У Тома от холода стучали зубы:

Жан
Поль
САРТР

РАССКАЗ

СЛУЗНА

— Черт побери, знобит, — сказал он.

Он поднялся и занялся гимнастикой. При каждом движении рубашка открывала его белую, щетинистую грудь. Он лег на спину, вытянул ноги, сделал ножницы. Том был здоровый детина, но жирноват. Мне представилось, как пули свободно входят в эту податливую мясную тушу словно в брус масла. Будь он худым, мне вряд ли пришлось бы такое в голову. Я, по правде сказать, не испытывал холода, но почему-то не чувствовал ни плеч, ни рук.

Иногда мне приходило в голову, что мне чего-то не хватает, и я принимался искать свою куртку и так же неожиданно вспоминал, что у нас отобрали одежду, чтобы раздать ее солдатам, оставив нам только рубашки и холщовые штаны, оставшиеся от больных. Том сел рядом со мной, тяжело дыша.

— Согрелся?

— Черта с два. Только выдохся.

Около восьми вечера вошел майор с двумя фалангистами. В руках у него был какой-то список.

— Как зовут этих троих? — спросил он у надзирателя.

— Стейнбок, Иббета и Мирбаль.

Майор надел пенсне и сверился со списком:

— Стейнбок... Стейнбок... Так. Вы приговорены к смерти. Вас расстреляют утром.

Он снова посмотрел в список:

— И двух других тоже.

— Это невозможно, — сказал Хуан. — Меня нельзя.

Майор удивленно посмотрел на него:

— Ваше имя?

— Хуан Мирбаль.

— Ваше имя здесь есть. Вы будете расстреляны.

— Я ни в чем не виноват.

Майор пожал плечами и повернулся ко мне и Тому:

— Вы баски?

— Среди нас нет басков.

— Мне сказали, — со злостью произнес майор, — что тут трое басков. Кстати, вам, конечно, не нужно священника?

Мы промолчали.

— К вам сейчас придет бельгийский врач. Ему приказано эту ночь провести с вами.

Майор отсалютовал и вышел.

— Ну, что я тебе говорил, — сказал Том. — «Добрые» ребята.

— Для малыша дело дрянь.

Я сказал это просто так, чтобы быть справедливым, хотя мне не нравился Хуан. У него было довольно приятное лицо, но страх и страдания исказили черты. Года три назад это был, наверное, хрупкий мальчик, из тех, кто может нравиться. Теперь он выглядел стариком, и я подумал, он уже никогда не станет прежним, молодым, даже если его отпустят. По-настоящему его следовало бы пожалеть, но чувство жалости вызывало отвращение.

Хуан ничего не говорил, лишь посерел: и лицо, и руки приобрели сероватый оттенок. Он сел и уставился в землю своими круглыми глазами. Том, добрая душа, желая ободрить его, погладил Хуана по руке, но тот резко убрал руку и противно скривился.

— Оставь его, — сказал я негромко. — Ты же видишь, что он вот-вот заревет.

Том с неохотой подчинился. Чувствовалось, что ему очень хотелось утешить малыша. Это заняло бы его и отвлекло от раздумий над собственной судьбой. Вот это меня и бесило. Никогда раньше я не думал о смерти, не было к этому никаких причин, но теперь она настолько приблизилась, что ничего не оставалось, как думать только об этом.

Но Том не мог молчать:

— Тебе приходилось пускать в расход людей?

Я не ответил. Тогда он принялся объяснять мне, что с начала августа отправил на тот свет шестерых; было ясно, что он как-то не врубался в обстановку, не хотел ее понимать. Я и сам еще не вполне осознавал все и думал, будет ли очень больно, когда пули огненным венником вонзятся в мое тело. Это было за рамками реальности, и я оставался спокойным, к тому же у нас впереди была целая ночь. Наконец Том заткнулся, и я, мельком взглянув на него, увидел, что он тоже посерел. «Началось», — подумал я. Ночь уже наступила, и только какой-то тусклый отблеск просачивался сквозь отдушны и пятном ложился на угольную пыль; сквозь дыру в потолке я увидел

первую звезду. Ночь обещала быть ясной и холодной.

Открылась дверь, и вошли двое смотрителей. За ними следом появился светловолосый человек в бельгийской военной форме.

— Я врач, меня послали, чтобы я помог вам в трудный час, — сказал он. У него был приятный, хорошо поставленный голос.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил я.

— Я отдаю себя в ваше распоряжение и сделаю все возможное, чтобы эти несколько часов не были для вас столь тяжкими. Вам, наверное, хочется курить? У меня для вас есть сигареты и даже сигары.

Он протянул нам пачку английских сигарет, но никто не взял. Я посмотрел бельгийцу прямо в глаза, и мне показалось, что ему стало неловко.

— Вы пришли сюда не из сострадания. Я вас знаю. Вы были во дворе вместе с фашистами в тот день, когда меня взяли.

Я хотел еще кое-что сказать, но что-то со мной произошло в присутствии этого медика: меня вдруг все перестало интересовать. Надзиратели расположились на тюфяках.

— Может, принести лампу? — неожиданно обратился надзиратель, которого звали Педро, к врачу. Тот кивнул, и я подумал, что у него не намного больше интеллекта, чем у полена, но он не злой. Посмотрев в его огромные с холодным блеском голубые глаза, мне показалось, что он если и грешил, то скорее из-за отсутствия воображения. Педро вышел и вернулся с керосиновой лампой, которую поставил на скамейку. Лампа светила слабо, но все же это было лучше, чем ничего; накануне нас совсем оставили без огня. Некоторое время я смотрел на кружок света на потолке и погружался в какое-то странное состояние, похожее на гипноз. На меня давила страшная безлика-кая тяжесть, горели щеки, тупо болела голова.

Я встряхнулся и посмотрел на парней. Том опустил голову и закрыл лицо руками, виден только жирный белый затылок. У маленького Хуана был совсем несчастный вид: он открыл рот и тяжело дышал. Врач подошел к нему и положил руку на плечо, очевидно, желая приободрить Хуана, но глаза бельгийца оставались холодными. Потом я увидел, как рука врача осторожно продвинулась и остановилась на пульсе. Хуан отнесся к этому с полным безразличием. Бельгиец чуть-чуть двинулся, чтобы повернуться ко мне спиной, но я увидел, как он вынул часы и смотрит на них, не выпуская руки малыша.

Через минуту бельгиец отпустил руку Хуана, и она вяло плюхнулась, а врач прислонился к стене, вынул блокнот и записал туда что-то. «Сволочь», — подумал я, — пусть только подойдет ко мне проверить пульс. Я разобью ему рожу».

Он не подошел ко мне, но я чувствовал, что он не спускает с меня глаз. Я тоже посмотрел на него.

— Вы не находите, что здесь холодно? — сказал он в никуда. Похоже, что он тоже замерз, стал каким-то лиловым.

— Лично мне не холодно.

Он по-прежнему пристально смотрел на меня. Я провёл рукой по лицу: пот лил с меня ручьем. В погребке, в разгар зимы, на диком сквозняке я обливался потом. Мокрая рубашка прилипла к телу. Оказывается, я потел уже давно и ничего не чувствовал. И это не ускользнуло от бельгийской свиньи. Наверное, он решил, что я патологически трусил, ведь он-то, естественно, чувствовал холод. Мне захотелось подойти и расквасить ему физиономию, но тут же мой гнев пропал.

Я ограничился лишь тем, что вытер лицо и шею платком. Платок намок так, что его можно было выжимать, а я все продолжал потеть. У меня вспотели даже ягодицы и штаны стали мокрыми.

Маленький Хуан вдруг заговорил:

— Вы врач?

— Да, — ответил бельгиец.

— Мучаются... долго?

— Что? Нет, что ты... — отечески сказал бельгиец, — все очень быстро.

У него было такое выражение, будто он успокаивал богатого больного, который хорошо заплатит ему за нужный диагноз.

— Но я... мне говорили... что бывает два залпа.

— Изредка, — успокоил бельгиец. — Случается, что первый не затронет жизненных органов.

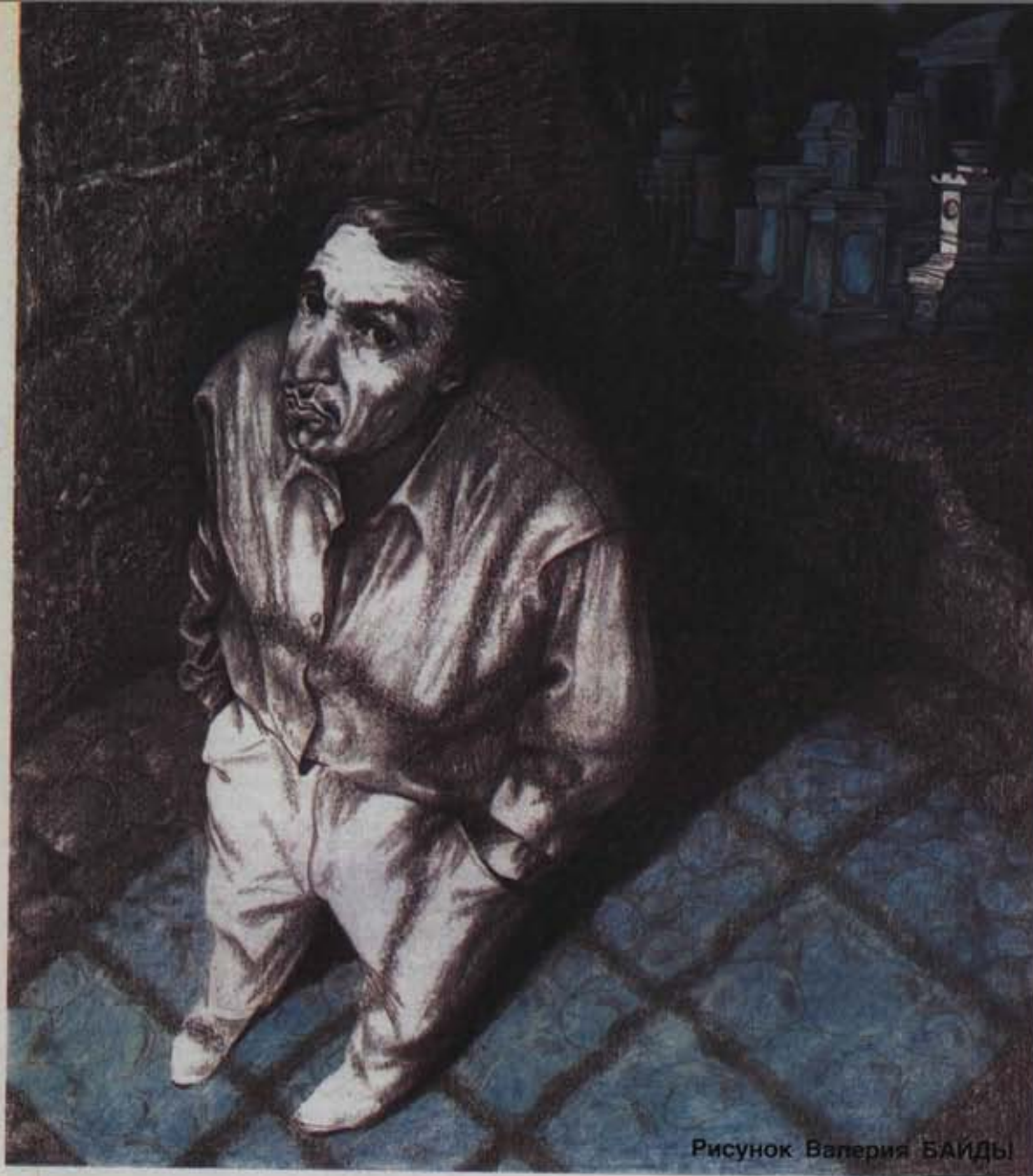

Рисунок Валерия БАЙДЫ

— И снова заряжают винтовки?

Хуан подумал и добавил еще хриплым голосом:

— А на это нужно время!

Чувствовалось, что он жутко боится страданий и только об этом и думает, таков уж его возраст. Я совсем не думал о смерти, и не страх перед страданиями заставлял меня потеть.

Я поднялся и подошел к угольной куче. Том встрепенулся и с ненавистью посмотрел на меня: его бесил звук моих шагов. Я подумал, неужели и у меня такое землистое лицо, и увидел, что он тоже потеет. Небо было великолепно, и мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть Большую Медведицу. Но теперь все было не то и не так, как когда-то раньше. За два дня до этого из церковной мышеловки, где я мог видеть огромный кусок неба, ко мне приходили воспоминания. Утром, когда небо светло-голубое, вспоминались пляжи на берегу Атлантического океана, в полдень я видел солнце и себя в баре в Севилье, где я пил манзаниллу, заедая анчоусами и маслинами; во второй половине дня наплывала тень, и я вспоминал об огромном облаке, которое закрывало половину арены, тогда как вторая сверкала на солнце. И это было по-настоящему утомительно: воспринимать свой мир через кусок неба. Сейчас же я мог смотреть вверх, сколько мне заблагорассудится, но небо не вызывало никаких воспоминаний. Так даже лучше. Я подошел и сел рядом с Томом. Том глухо заговорил.

Ему было необходимо вслух выражать свои мысли, ибо иначе он их сам не понимал. Мне показалось, что он обращается ко мне, но Том не смотрел в мою сторону. Наверняка он боялся увидеть меня, настолько я был мокрым и серым. Мы стали отвратительно похожими. Том не отрывал взгляда от бельгийца, остающегося жить.

— Вот ты понимаешь, что к чему? Мне, например, ничего не понятно.

Я приглушенно спросил:

— Что тебе не ясно?

— С нами должно произойти такое, чего я не могу понять.

От Тома исходил какой-то странный запах. Мне показалось, что я стал более восприимчивым к запахам, чем прежде. Я рывкнул:

— Ничего, поймешь.

— Все непонятно,— продолжал упрямо говорить он.— Мне хочется быть мужественным, но нужно по крайней мере, чтобы я знал... Послушай, нас отведут во двор. Солдаты выстроятся перед нами. Сколько их будет?

— Почему я знаю. Пять или восемь. Не больше.

— Ясно. Их будет восемь. Им крикнут: «Целься!», и я увижу восемь дул, направленных на меня. Наверное, мне захочется раствориться в стене, и я вожмусь изо всех сил в стену, а она будет отталкивать меня, как в кошмарном сне. Все это мне хочется представить. Если бы ты знал, как мне хочется все заранее представить. Это, должно быть, очень тоскливо,— зло сказал он.— Я уже чувствую раны: вот уже целый час у меня болят голова и шея. Но это не настоящие боли, и это плохо. Настоящими будут те, которые я почувствую утром. И что потом?

Я хорошо понимал, о чем он хочет сказать, но не хотел показывать этого. Что касается болей, я тоже испытывал их во всем теле, оно казалось израненным.

Теперь Том говорил для одного себя, не спуская глаз с бельгийца. Тот делал вид, что не слышит его. Я знал, для чего он здесь; о чем мы думаем, его совсем не интересует. Он пришел смотреть на людей, которые умирали живо.

— Это какой-то кошмар,— продолжал Том.— Хочется думать о чем-то другом, все время кажется, что ухватил что-то, вот-вот поймешь, и затем все ускользает, исчезает, и все сначала. Я себе говорю: потом ничего не будет. Но не понимаю, что это такое. Вроде бы начинаю понимать, но нет, и опять — боли, пули, выстрелы. Я материалист, клянусь тебе. Я не обезумел, но что-то не так. Я вижу свой труп, это нетрудно, но ведь я вижу его своими глазами. Необходимо, чтобы я осознал, поверил в конце концов, что я больше ничего не увижу, ничего не услышу и что жизнь будет продолжаться для других, я, наверное, не создан, чтобы понять такое, Пабло. Можешь мне верить. Мне уже приходилось коротать ночь у покойника в ожидании чего-то. Но на этот раз совсем не то. Нам зайдут с тыла, Пабло, и у нас не будет времени к этому подготовиться.

— Деревня,— сказал я.— Может, тебе позвать духовника?

Он не ответил. Я уже заметил за ним склонность строить из себя философа и называть меня торжественно — Пабло. Мне это не нравилось, но ирландцы, кажется, на этот счет все одинаковы. В глубине души я не испытывал большой симпатии и к Тому и не понимал, почему из-за того, что нам предстояло умереть вместе, я должен с ним так тесно общаться. Есть люди, с которыми чувствуешь себя совсем иначе. Например, с Рамоном Грисом. Рядом же с Томом и Хуаном я чувствовал себя одиноким. Впрочем, так даже лучше. Будь я с Рамоном, я, пожалуй, размяк бы. Но теперь я был тверд и хотел оставаться таким до конца.

Том с рассеянным видом продолжал мямлить что-то. Наверняка он говорил лишь для того, чтобы не думать. Я был согласен с ним: то, что он сказал, мог бы сказать и я — в смерти нет ничего естественного. Единственное, что мне претило, это думать о тех же вещах, что и Том. И тем не менее я знал, что в эту долгую ночь почти каждую минуту мы будем думать об одном и том же, в одно и то же время, одновременно потеть или вытирать пот. Я посмотрел на Тома, и впервые он мне показался каким-то странным: на его лицо легла тень смерти. Я был наказан за свою спесь: целые сутки я жил рядом с Томом, говорил с ним и считал, что у нас с ним нет ничего общего. А теперь мы были похожи друг на друга как братья-близнецы, и все лишь потому, что мы подохнем вместе. Том, не глядя на меня, схватил меня за руку и почти крикнул:

— Пабло, я спрашиваю себя... спрашиваю себя, неужели это правда, что нас прикончат?

Я отнял руку.

Подошел бельгиец.

— Вам плохо? — спросил он с деланной заботой.

— Я не знаю, что со мной,— сказал Том испуганно,— я не испытываю страха.

Бельгиец промолчал и что-то записал в свой блокнот.

Мы все трое смотрели на него, потому что он оставался жить. У него были жесты живущего, заботы живущего. Он дрожал от холода в этом погребе, как должны дрожать остающиеся жить. У него было упитанное, послушное тело. Мы же не чувствовали своего тела, во всяком случае, так, как раньше. Мы не отрывали глаз от бельгийца и, словно вампиры, глазами высасывали его теплую кровь. Это зрелище ему надоело, и он подошел к маленькому Хуану. Он погладил его по голове и шее. Потрогал ли он его из чисто профессионального любопытства или, может быть, под наплывом жалости? Если из-за сострадания, то это первый и единственный раз за всю ночь. Малыш вдруг схватил его руку и как-то странно посмотрел на нее. Он держал руку бельгийца в своих руках; два серых щупальца сжимали красноватую жирную руку. Я испугался, что сейчас что-то произойдет, и Том, видимо, тоже, но бельгиец увидел в этом только вспышку чувств и по-отечески улыбнулся. В тот же момент малыш поднес толстую красную руку ко рту и попытался укунить ее. Бельгиец резко вырвал руку и, споткнувшись, отступил к стене. Уже в следующую секунду он смотрел на нас с ужасом: он, должно быть, неожиданно понял, что это совсем другие люди, не такие, как он. Я засмеялся, и один из охранников вскочил. Другой продолжал дремать с открытыми глазами.

Я почувствовал себя уставшим и вместе с тем возбужденным. Мне надоело думать о том, что произойдет на рассвете, но все равно стволы винтовок, направленных на меня, маячили перед внутренним взором. Я, наверное, уже раз двадцать пережил свою казнь и подумал, что это совсем неплохо: стоило мне на минуту заснуть, как меня тут же тащили к стене, а я сопротивлялся и просил прощения. Я проснулся так же внезапно, как и заснул, и посмотрел на бельгийца, испугавшись, что мог кричать во сне. Но тот спокойно охорашивал свои усы. Если бы я сильно захотел, мне кажется, я мог бы поспать немного, ведь я бодрствовал более двух суток и был на пределе. Но я не желал выкинуть из жизни даже два часа. Они придут за мной на рассвете, и я пойду за ними, отупевший от сна, и сдохну, даже не вскрикнув. Я не хотел этого, я не хотел подыхать как тварь, я хотел прочувствовать. Я встал и начал мерить шагами погреб, стараясь отвлечься, думать о прожитой жизни.

Волна разрозненных воспоминаний нахлынула на меня. Среди них были приятные и не очень, но зато по крайней мере те, что случились до этого. Я вновь вспомнил лицо тореадора, который позволил поддеть себя на рога в Валенсии, затем одного из моих дядей, потом Рамона Гриса. Мне вспомнилось, как в течение трех месяцев я был безработным и чуть было не подох тогда с голода. Мне припомнилась ночь, проведенная на скамейке в Гранде: я не ел три дня, был зол и не хотел подыхать. Я невольно улыбнулся. С каким упорством я гнался за счастьем, женщинами, свободой! Я хотел освободить Испанию, выступал на публичных собраниях. Я за все брался самозабвенно, как будто был бессмертен.

Я вновь как бы прошел по своей жизни и подумал: она ничего не стоила, эта жизнь, раз она кончилась. Я

спросил себя, как я мог гулять, веселиться с девушками. Да я не пошевельнул бы пальцем, если бы мог вообразить, что мне предстоит такая смерть. Но вот теперь моя жизнь передо мной, конченная, скрученная, словно опорожненный мешок, и все равно внутри меня что-то жило, и мне хотелось сказать самому себе: «Как прекрасна жизнь!» Но это было бы просто-напросто натяжкой. Всю свою жизнь я только и делал, что гонялся за бессмертием. Смерть разрушила все иллюзии.

Бельгийцу неожиданно пришла в голову неплохая мысль.

— Друзья! — сказал он. — Я могу, если, конечно, разрешат военные власти, передать от вас записку, какой-нибудь сувенир тем, кто вам близок...

Том прорычал:

— У меня никого нет.

Я не ответил. Том подождал немного, потом посмотрел на меня с любопытством:

— Тебе нечего сказать Конче?

— Нет!

Мне было противно его участие, хотя я сам проявил неосторожность: рассказал прошлой ночью о Конче. Лучше было бы помолчать. Я был с нею целый год. Еще вчера я отдал бы руку на отсечение, лишь бы увидеть ее на пять минут. Это желание было настолько сильным, что у меня пропал сон, и я не мог не говорить о ней. Сейчас мне совсем не хотелось видеть ее, мне даже нечего было бы сказать ей. Даже обнять ее у меня не было никакого желания: настолько отвратительным было мое тело, потное, серое... Я не был уверен, что не почувствую отвращения и к ней. Конча разрыдается, когда узнает о моей смерти. У нее на долгие месяцы пропадет вкус к жизни. Но умирать-то придется не кому-нибудь другому, а мне. Когда она смотрела на меня, ее теплота переходила ко мне. Но я понимал, что посмотри она теперь на меня, ее взгляд не дошел бы до меня. Я был одинок.

Том тоже был одинок, но несколько иначе. Он уселся верхом на лавку и принялся осматривать ее, улыбаясь и чему-то удивляясь. Он осторожно прикоснулся к дереву, будто боялся, что может сломать скамью, потом резко отдернул руку и вздрогнул. Это было чем-то вроде старой ирландской трагикомедии, но ведь и я тоже ощущал, что вещи приобрели новые страшные качества: они как бы стерлись, стали менее плотными, чем обычно. Достаточно мне было посмотреть на скамью, лампу, кучу угля, чтобы почувствовать — я скоро умру. Разумеется, я не мог представить отчетливо лицо своей смерти, но я чувствовал ее повсюду: на вещах, на том, как все предметы отступали и держались на расстоянии, незаметно, словно люди, шепчущиеся у изголовья умирающего. Именно свою смерть трогал Том, когда гладил скамейку.

Если бы в тот момент пришли и сказали, что мне дарована жизнь, мне было бы это безразлично: несколько часов или несколько лет ожидания — все равно, — когда теряешь веру в свое бессмертие. Я уже не цеплялся за жизнь: я был к ней равнодушен. Но это было ужасное спокойствие и все из-за своего тела; оно дрожало само по себе, и я его не ощущал. Я принуждал себя трогать его и смотрел, что с ним происходит, как будто это было тело какого-то постороннего. Временами я чувствовал какие-то порывы, подобно тем, которые испытываешь в самолете, попавшем в воздушную яму, и даже слышал, как билось мое сердце. Но это не успокаивало: то, что исходило от моего тела, отдавало чем-то нечистоплотным.

Бельгиец вытащил часы.

— Три часа тридцать минут, — сказал он.

Какая гадина! Наверняка он сделал это нарочно. Том подскочил, мы даже не заметили, как быстро бежит время. Ночь охватила нас мрачной, бесформенной массой, и я даже не почувствовал, как она наступила.

Малыш начал кричать. Он ломал себе пальцы и умолял:

— Я не хочу умирать! Я не хочу умирать!

Он кинулся через весь погреб к одному из тюфяков и упал, захлебываясь в рыданиях. Том посмотрел на него глазами, полными смертельной тоски, но не сделал попытки успокоить малыша. Хуан был похож на больного, который неистово борется со страшной горячкой. Ему было легче. Когда такой лихорадки нет, то переживания переносятся значительно тяжелее.

Он плакал, я видел, что ему было жалко себя, но он не думал о смерти. На мгновение, на одно только мгновение у меня возникло желание заплакать от жалости к себе. Но произошло совсем наоборот: я посмотрел на малыша, увидел его худые вздрагивающие плечи и понял, что я не жилец. «Умереть бы спокойно», — подумал я.

Том поднялся, встал под круглым отверстием и ждал рассвета. Подсознательно, после того, как врач сообщил нам о времени, чувствовалось, что оно утекает капля за каплей.

Было еще совсем темно, когда я услышал голос Тома:

— Ты их слышишь?

— Да!

Какие-то люди ходили по двору.

— Чего им надо в такую рань? Не будут же они стрелять в темноте.

Потом все смолкло.

— Ну, вот и рассвет, — сказал Том.

Педро встал, зевая, и задул лампу.

— Окоченел от холода, — бросил он своему напарнику.

Погреб стал совсем серым. Вдалеке раздались выстрелы.

— Начинается, — сказал я Тому. — Они должны делать это на дальнем дворе.

Том попросил у врача сигарету. У меня не было желания закурить. Я не хотел ни сигарет, ни водки. Теперь выстрелы уже не прекращались.

— Ты представляешь себе? — сказал Том.

Он хотел что-то добавить, но вдруг замолчал и посмотрел на дверь. Дверь открылась, и вошел лейтенант с солдатами. Том уронил сигарету.

— Стейнбок?

Том не ответил. Тогда Педро указал на него.

— Хуан Мирбаль?

— Это тот, что на соломенном матрасе.

— Встаньте! — приказал лейтенант.

Хуан не пошевельнулся. Солдаты взяли его под мышки и поставили на ноги. Но лишь только они отошли, как он тут же упал.

Солдаты заколебались.

— Это не первый, которому плохо, — сказал лейтенант. — Вам придется отнести его, там разберутся.

Он повернулся к Тому.

— Ну, что ж, пошли.

Том прошел между двумя солдатами. Двое других вышли за ними, неся малыша за руки и ноги. Он не потерял сознание. Глаза были широко раскрыты, по щекам струились слезы. Когда я хотел выйти, лейтенант остановил меня:

— Вы Иббieta?

— Да.

— Подождите здесь, за вами скоро придут.

Они вышли. Бельгиец и двое надзирателей тоже ушли, и я остался один. Я не понимаю, что со мной случилось, но мне было бы лучше, если бы они покончили сразу. Я слышал залпы почти через равные промежутки; при каждом я вздрагивал. Мне хотелось выть и рвать на себе волосы. Но я только крепче сжимал зубы и засунул поглубже руки в карманы; мне так хотелось остаться равнодушным!

Примерно через час за мной пришли и повели на второй этаж, в маленькую комнату, где пахло сигарями, и этот запах показался мне невыносимым. В креслах сидело двое офицеров, у них на коленях лежали какие-то бумаги.

— Тебя зовут Иббieta?

— Да!

— Где Рамон Грис?

— Я не знаю.

Тот, что спрашивал меня, был маленьким и толстым. За стеклами его пенсне виднелись мрачные глаза.

— Подойди!

Я подошел. Он поднялся, схватил меня за руки, давая взглядом, будто бы хотел вогнать в землю. Одновременно он сдавливал мне руки. Но не для того, чтобы причинить боль. Это была ставка на большее. Он хотел сломить меня. Он не нашел ничего другого, как дыхнуть мне прямо в лицо перегаром. Какое-то время мы так и стояли друг против друга, и мне очень хотелось смеяться. Человека, идущего на смерть, такое не трогает. Он с силой толкнул меня и сел.

— Твоя жизнь взамен его. Тебе даруют жизнь, если ты скажешь, где Грис, — сказал толстяк.

Эти два типа, разряженные, как петухи, с плетками и в сапогах, тоже из породы людей, которые умирают. Правда, чуть позже, чем я, но ненадолго. А они занимаются тем, что отыскивают имена в бумажном хламе, гоняются за другими, чтобы посадить их за решетку или ликвидировать. Их мелкие заботы показались мне смехотворными. Мне никак не удавалось поставить себя на их место. Со стороны казалось, что они не в своем уме.

Маленький толстяк не отрывал от меня глаз, стегая по сапогу плетью. Его жесты были рассчитаны, чтобы произвести впечатление яростного зверя.

— Итак? Вам понятно?

— Я не знаю, где Грис, — ответил я. — Думаю, что он в Мадриде.

Второй офицер лениво поднял блеклую руку. Эта вялость тоже была наигранной. Я видел все их мелкие уловки и поражаюсь, что есть еще люди, которым нравится такое.

— У вас четверть часа на размышление, — с расстановкой сказал он. — Отведите его в прачечную. Приведите его ровно через 15 минут. Если будет упорствовать, расстреляем тут же.

Они знали, что делали; одну ночь я уже провел в ожидании, и после этого они заставили ждать целый час в погребе, пока расстреливали Тома и Хуана. Теперь они запирают меня в прачечной; должно быть, договорились о таком ходе еще накануне; решили, что

мои нервы не выдержат столь долгого ожидания, и надеялись взять меня «на ура».

Но они просчитались. Конечно, я знал, где находится Грис. Он скрывался у своих двоюродных братьев, в четырех километрах от города. Я знал также, что не открою его тайника. Все было давно продумано и решено и больше не заботило меня. Я предпочел бы скорее подохнуть, чем выдать Гриса. Почему? Моя дружба с ним закончилась вместе с любовью к Конче и желанием жить. Несомненно, я продолжал уважать его. Он был твердый человек. Но ведь не из-за этого я согласился умереть вместо него; его жизнь была не дороже моей, и вообще любая жизнь не имеет цены. Сейчас поставят человека напротив и будут стрелять до тех пор, пока он не свалится, а буду ли это я, или Грис, или кто-нибудь другой, это уже не имеет значения. Но я хорошо знал, что он больше нужен Испании, чем я. Я мог спасти свою шкуру, выдав Гриса, и тем не менее отказывался это сделать.

За мной пришли и снова провели к двум офицерам. Неожиданно между наших ног проскочила крыса, и это меня почему-то рассмешило. Я повернулся к одному из фалангистов и сказал:

— Видел крысу?

Тот не ответил. Он выглядел очень серьезным. Мне захотелось расхохотаться, но я сдержался, так как боялся, что если начну, то не смогу остановиться. Один из фалангистов носил усы.

— Нужно сбрить тебе усы, — сказал я ему. Я находил странным, что он при жизни позволял волосам так свободно располагаться на своем лице. Он пнул меня, но не очень сильно, и я замолчал.

— Ну, — сказал полный офицер, — ты подумал?

Я посмотрел на них с любопытством, как смотрят на насекомое редкой разновидности.

— Я знаю, где он. Он скрывается на кладбище. В склепе или в домике сторожа.

Я сказал просто так, чтобы разыграть их. Я хотел видеть, как они засуетятся, начнут торопливо отдавать приказания.

Оба офицера вскочили.

— Быстро туда. Молес, возьмите у лейтенанта Лопеса пятнадцать человек. Если ты сказал правду, я замолвлю за тебя словечко. — Толстяк строго смотрел на меня. — Но ты дорого заплатишь, если соврал.

Они ушли, а я остался ждать под охраной фалангистов. Время от времени я улыбался, мысленно представляя себе, что они теперь делают; наверное, поднимают могильные плиты, открывая одну за другой двери склепов. Свое положение я воспринимал откуда-то со стороны, будто бы это был не я, а кто-то другой; я видел пленного, пытающегося стать героем, важных фалангистов с усами, людей в форме, рыскающих среди могил, — все казалось мне до невозможности потешным.

Через полчаса толстяк вернулся. Я подумал, что сейчас он даст команду расстрелять меня.

Но он посмотрел на меня совсем не злобно.

— Отведите его на большой двор вместе с остальными. После военных операций суд решит его судьбу.

Я подумал, что ослышался.

— Что! Меня... не расстреляют? — переспросил я.

— Во всяком случае, не сейчас. Что будет после, меня уже не касается.

Я все еще не понимал:

— Но почему?

Он молча пожал плечами, и солдаты увели меня. На большом дворе было около сотни пленных — женщин, детей, несколько стариков. Я стал кружить по центральной площадке, ничего не понимая. В полдень нас повели кормить в столовую. Два или три человека окликнули меня; должно быть, я был знаком с ними, но я не ответил, я не понимал, где нахожусь.

К вечеру во двор толкнули еще с десяток пленных. Я узнал Гарсию, булочника.

— Везет тебе, — сказал он. — Я уже не думал увидеть тебя в живых.

— Они приговорили меня к смерти, а потом почему-то передумали. Не знаю, в связи с чем.

— Меня арестовали в два часа.

— За что?

Гарсия был далек от политики.

— Не знаю. Теперь арестовывают всех.

Он понизил голос:

— Они взяли Гриса.

Я задрожал.

— Когда?

— Сегодня утром. Он сам сглупил. Ушел от двоюродного брата, кто-то донес на него. У него было где спрятаться, но он не хотел никому быть обязанным. «Я пойду на кладбище», — сказал он. И там они взяли его.

— На кладбище?

— Да. Это была, конечно, глупость. Сегодня утром они, как обычно, прочесывали кладбище, нашли его в домике сторожа и убили.

Все поплыло перед глазами, и я сел на землю не в силах сдержать слезы...

Перевел с французского Юрий ПОПОВ.

МАШИНА ВРЕМЕНИ!

Слово «стабильность» — дальний родственник латинского «stabilis», то есть постоянный, достигший определенного уровня, лучше всего характеризует тернистый творческий путь рок-группы «Машина времени» за последние семнадцать лет. Да, «Машине» уже семнадцать. За плечами этого коллектива гастрольные туры более чем в 150 городах Советского Союза, несколько побед на республиканских фестивалях рок-музыки. Бессменным руководителем рок-группы Андреем Макаревичем и другими музыкантами «Машины» написана музыка к нескольким художественным и мультипликационным фильмам. Звучит музыка «Машины времени» и в спектаклях некоторых московских театров.

Мы предлагаем нашим читателям беседу корреспондента «Смены» Евгения ФЕДОРОВА с руководителем группы «Машина времени».

— Андрей, в чем разница в написании музыки к театральным спектаклям и для концертов?

— Разница очень большая. Суть в том, что в театре и кино заранее определена изначальная задача. Режиссеру нужна совершенно определенная музыка. Так, к спектаклю «Стеклянный зверинец» нам пришлось записать музыку в «звучании» 40-х годов. Мы использовали только «живые» инструменты... А недавно мы записали музыку к кинофильму «Прорыв». Там задача была совершенно иная, и музыка соответственно отличается — синтезаторы, электроника...

— На сцене, несмотря на очень эмоциональную музыку, вы держитесь всегда статично...

— На то есть объективные причины. У нас на сцене четыре музыканта, трое из них поют. Поэтому мы ограничены в передвижениях чисто технически. Сейчас в новой программе мы работаем над театрализацией концерта.

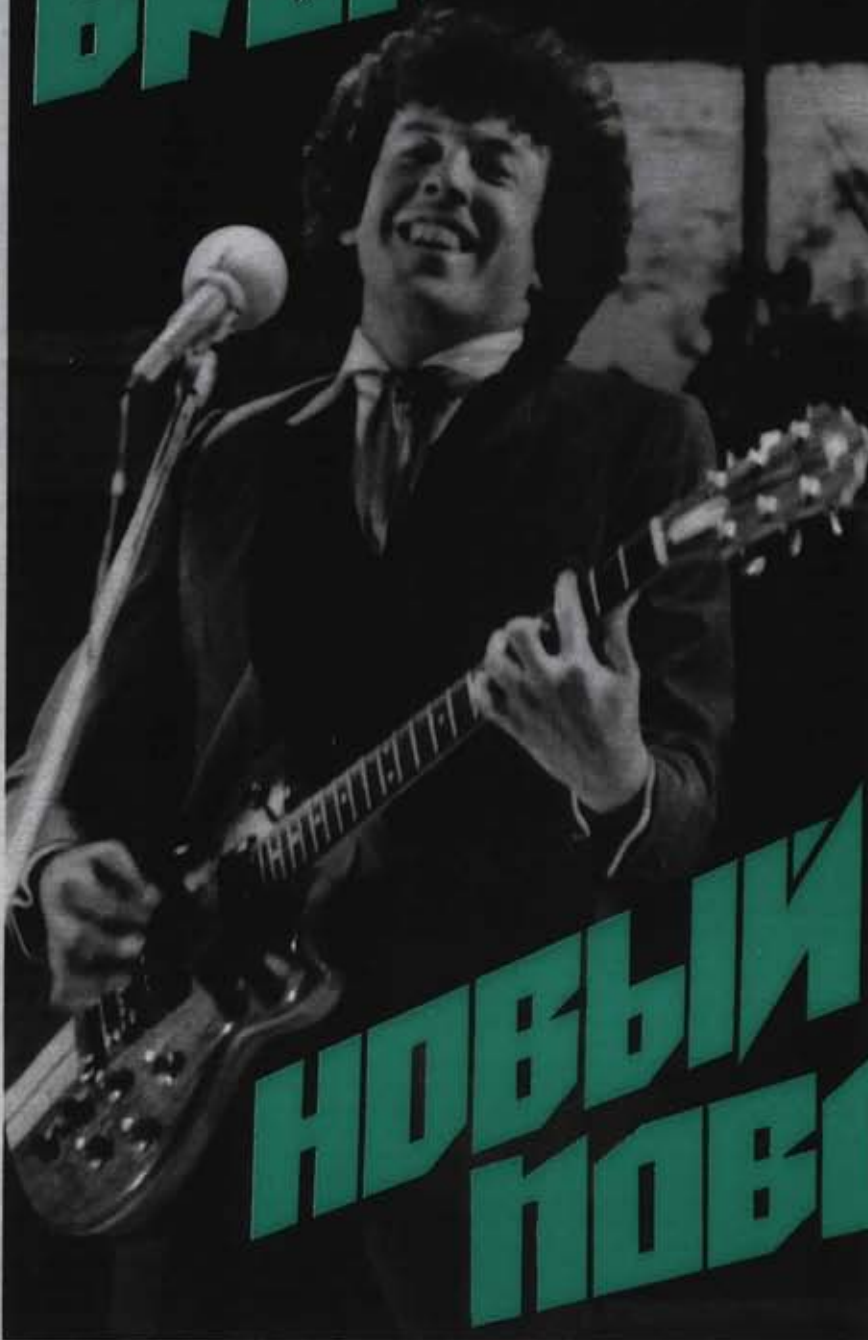
— Значит ли это, что неподвижность музыканта рок-группы на сцене минус?

— Безусловно. В одной из наших программ мы уже работали с коллективом пантомимы. Сейчас мы тоже пригласили танцевальную группу...

— Нет ли опасности в том, что на сцене появятся новые люди, которые будут отвлекать внимание на себя?

— На мой взгляд, в этом нет ничего плохого. Мы работаем, как правило, на больших площадках, во дворцах спорта, и концертный вариант только выигрывает от театрализации... Я очень люблю концерты за прямой контакт со зрителями, за их бескомпромиссность и открытость. И впечатление от концерта у зрителей всегда гораздо сильнее. Слушатели, получив энергию от непосредственного контакта с исполнителем, возвращают ее путем бурной реакции. Часто видишь, как экспрессивно реагируют зрители на рок-концертах. И это вовсе не потому, что все вдруг сошло с ума. Просто эмоциональное воздействие, заложенное в музыку, возвращается через зрителей на том же уровне.

— Но разве всегда нужно давать

НОВЫЙ ПОВОРОТ

рок-музыку под столь сильным «напряжением»?

— А разве в искусстве вообще художники стараются радоваться, но не очень печалиться, но не сильно?..

— А как вы относитесь к такому жанру популярной музыки, как рок-опера? В свое время они были весьма модны, и многие ансамбли попробовали свои силы в этом направлении.

— Сдержанно. Этот жанр мне не то чтобы не нравился, но никогда не привлекал. Для выражения своих мыслей мне хватает малых музыкальных форм. Конечно, все песни в концерте составляют единое целое, но каждая из них несет свою собственную идею. Есть проверенные законы восприятия: необходимо постоянно поддерживать внимание зрителя на восходящем уровне, должна быть завязка, развитие, кульминация и так далее. Существуют свои «блоки» из песен. Иногда мы отходим от правила — все зависит от того, впервые ли мы в городе, знают ли нас, на какой площадке мы будем играть...

— А кто обычно приходит на ваши концерты?

— Я условно делю всю публику на

три категории. Первая — это люди, не имеющие никакого отношения к нашей музыке да и к популярной музыке вообще. Они пришли потому, что это модно, престижно... Их частенько бывает больше половины зала. Вторая — это наши старые почитатели. И третья — совсем молодые ребята, которые выросли на песнях «Динамика» и «Карнавала» и открыли нас для себя недавно. И только после концерта они начинают «раскапывать» наши старые записи...

— Я знаю, что вы недавно снялись в главной роли в фильме А. Стефановича «Начни сначала...». Как вы сами оцениваете эту свою работу в кино?

— Первый фильм, в котором звучала музыка «Машины времени», — это «Душа». Я его расцениваю как обыкновенный музыкальный фильм. А «Начни сначала...» — это скорее фильм с песнями. В нем рассказывается о судьбе молодого певца и композитора, роль которого я и исполняю.

— Феллини как-то сказал, что кино — это свет. Можно ли столь лаконично охарактеризовать песню?

— Прежде всего любое творчество — это большая работа. Каждому

нужно, чтобы было что сказать. В своих песнях я никогда никого не учу жить. Просто у меня есть своя шкала нравственных оценок, которые я переношу в песни, формирую в них свое мнение, но никогда его не навязываю...

— В ваших песнях есть элемент недосказанности, нет конкретных выводов, а часто они похожи своей созерцательностью на сочинения французских экзистенциалистов...

— Мне это никогда не приходило в голову. Практически все, что у нас издавалось, я читал, но очень давно. Не думаю, чтобы они мне были интересны сейчас... Я не разделяю их взглядов на мир. А то, что я не даю голую мораль, — это естественно. Даже басни всегда подаются в аллегорической форме. Было бы ужасно скучно общаться с человеком, который говорит одними истинами: это хорошо, а то плохо... В моих песнях, я надеюсь, всегда ясно выражено мое отношение, позиция, а остальное пусть додумывает каждый сам за себя. Нельзя оглулять слушателя.

— Часто говорят, что наша рок-музыка отстала от западной лет на двадцать...

— Нет, конечно, это не так. Но я могу сказать, что если бы их музыкантов перенести в условия, в которых работают наши ВИА, — они бы отстали от нас лет на 50. Нет хорошо оснащенных студий, фирма «Мелодия» упорно не замечает молодые коллективы, примерно такое же «внимание» уделяет ВИА и телевидение. Никто не подвергается такой критике, как ВИА. Видимо, это происходит от зависти к их популярности. Есть плохие певцы, есть плохие танцевальные группы, но о них не пишут, никого это так не раздражает, как неудачные работы рок-групп... Но упрямые рок-музыканты продолжают работать тихо и неспешно...

— Андрей, почему вы не исполняете традиционных для эстрады песен о любви?

— Я не считаю, что мои интимные чувства стоит выносить на суд большой аудитории. Не думаю, что это будет

интересно и честно. Многие очень громко поют не о своих чувствах...

— За все годы выступлений «Машина времени» сменила несколько составов. Почему?

— В «Машине времени» за все время существования ансамбля играли двадцать семь музыкантов. Конечно, людей, выступавших с нами в первых составах, трудно назвать музыкантами. Скорее это были люди, близкие по духу... «Машина времени» — это творческая лаборатория, где артисты пробовали свои силы, учились, что-то приносили с собой. Затем уходили и шли своим собственным путем.

— Сегодня некоторые считают вашу музыку несколько консервативной. Вы практически не изменили стиль, никогда не писали музыку в модном на данный момент направлении...

— Я не считаю, что мы консервативны по музыке. Просто автором текстов и большинства музыкальных идей являюсь я. Что, конечно, накладывает определенный отпечаток... Я никогда не гнался за стилем. Чем моднее то или иное направление в популярной музыке, тем быстрее оно заходит в тупик, умирает... Мне нравится подход к таким проблемам ансамбля «Битлз». Они никогда не ограничивались одним стилем и никогда не пугались нового звучания.

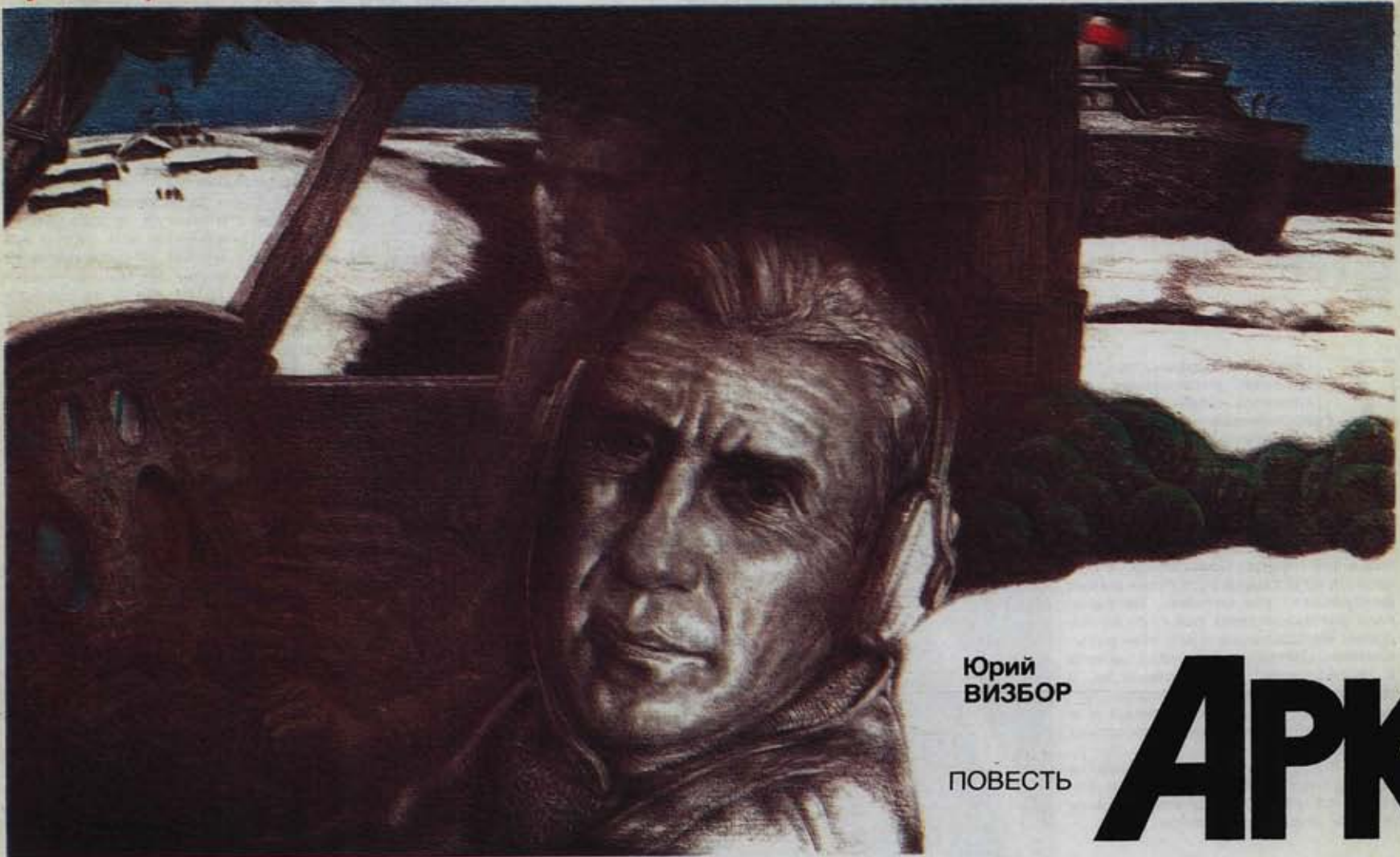

Рисунок Валерия БАЙДЫ

Юрий
ВИЗБОР

ПОВЕСТЬ

АРК

Юзик, заводи бульдозер!

Сидели все в кают-компании. Сидели, никого не трогали. И Санек сидел. Имел последнюю руку и краем глаза заглядывал в карты Юзика. Юзик, бортмеханик по кличке Бомбовоз, стодвадцатикилограммовый божий цветочек, проигрывал уже рублей пять, хотя преферанс начался недавно. Метеоролог Серафимович что-то все крутил носом, разглядывая свои карты, никак не решался что-нибудь сказать. Трус, поэтому и проигрывал всегда. И глупый. Все ж сподобился, выкрикнул из себя «пас». Бомбовоз тоже объявил «пас», и Санек, чувствуя горячую волну у сердца, быстро, чтоб отхода ни у кого не было, крикнул «пас» — знал, что оба голубчика будут в крупном проигрыше.

Сидели тихо, никого не трогали, говорили шепотом, потому что в кают-компании стояла рация и старший радист базы Витольд Воденко надрывался в микрофон со злостью и громко. Три дня назад по льдине прошел раскол, вниз под лед, на глубину трех с половиной тысяч метров (второй пилот Лева Яновер сказал: три месяца погружаться будешь!) ушло два дизеля, метеобудка, палатка радиоузла со всем, что там было: четыре приемника, двумя передатчиками, журналом связей, койкой, фотографией Эдиты Пьехи во весь рост и еще каких-то девушек, которые в купальных костюмах с зелеными зонтиками лежали под пальмами, а также с дымящейся сигаретой самого Воденко, который, на свое невероятное счастье, вышел как раз к Сахарову. Запасную станцию развернули временно в палатке кают-компании, где Воденко тут же так накурил, что любого астматика здесь ожидала мгновенная смерть, установил свои порядки, и уважаемые люди входили в кают-компанию с опаской, как в паспортный стол.

Вот как раз сидели все в кают-компании. Кандидат немислимых наук, как он сам себя называл, Кеша Ротальский ковырялся в углу с огромными рулонами бумажных лент, на которых было что-то записано бездушными самописцами, но разбираться во всем этом надо было живому и ни в чем не виноватому Кеше. Штурман Николай Федорович, попыхивая табачком «Кепстан», сгоравшим в топке наизнаменнейшей трубки «Данхилл», как всегда, сидел возле самой лампы, почитывая мемуары Нимица и Портера «Война на море», иногда удивленно поднимая брови или с сомнением покачивая головой. В таком состоянии никто его никогда не тревожил, потому что не пробиться было через реку его мудрых соображений, по которой плыли годы, женщины, полеты, лица, бомбежки, льды... Льды и льды. Второй пилот Лева Яновер гонял на своем кассетно-батарейном магнитофоне «Националь Панасоник», привезенном из Аме-

рики, записи Дейва Брубeka и его знаменитого саксофониста Поля Десмонда. (Неизвестно, кто знаменитей — Брубек или Десмонд!)

Михаил Петрович Калач, левый пилот, командир экипажа, решил навести марафет: чистил зубной, высушенной для этого пастой пуговицы на кителе и золотую звездочку Героя Советского Союза. Сахаров ничего не делал, а сидел и счастливо смотрел на всех. Нравилось ему то, что все вместе и никого не надо ни ждать, ни искать. Иногда он непроизвольно считал своих подчиненных по головам и был от полного их числа счастлив.

Словом, наблюдалась обычная обстановка, если б не Воденко, который все время злился оттого, что теперь каждый, «кому не лень», мог подойти сзади и посмотреть, что он там принимает, постукивая на своей машинке «Оптим», и у него теперь не отдельный кабинет, а чистая «казарма».

Но к радисту в кают-компании привыкли довольно быстро, и что он там кричал в микрофон, шло мимо ушей, а если кто говорил с домом, с женой или с детьми, то все равно все слушали, потому что это не земля, это зимовка на льду, это десять человек, и как тут себя ни веди, как ни скрывай чего-нибудь — все рано или поздно проявится, станет известным. Поэтому лучше ничего сразу не скрывать, не темнить.

И вдруг все как-то прислушались к тому, что кричал Воденко в микрофон. А кричал он вот что:

— Я могу ретранслировать «Хабарова», он вас не слышит. Я «Герань», прием... Совершенно верно, ледокол «Хабаров», вы меня приняли правильно. Я «Герань», дрейфующая станция... Бухта Светлая, я «Герань», сообщаю вам, что ледокол «Хабаров» затерт льдами в ста десяти милях от вас и к вам зайти уже в эту навигацию не сможет...

После этого была долгая пауза, во время которой Воденко несколько раз поднимал возмущенно руки, но сказать ничего не мог до тех пор, пока работал чужой передатчик. Наконец, очевидно, там высказались, и Воденко схватил микрофон.

— Бухта Светлая, я «Герань», ты, дорогой мой друг, на меня не кричи так, потому что я могу очень просто послать тебя куда подальше, и сам связывайся с «Хабаровым»! Я тебе еще раз говорю, что я только ретранслятор, я не «Хабаров», а дрейфующая станция «Герань»! Так что, ты понял меня или нет?... Ну, хорошо, хорошо, все передам... Ледокол «Хабаров», я «Герань», прием... Да, слышу вас хорошо. А вы Светлую совсем не слышите? Ну так вот, это ваше счастье. Начальник зимовки, фамилия его Гурьев, приказывает вам идти на Светлую, и... как говорится, никаких гвоздей чтобы не было! Еще он сказал, что нечего вам финтить, а если вы отвернете, то он сейчас же дает радиogramму в Совет Министров, хотя

у него сегодня непрохождение, но через какой-нибудь ретранслятор даст, может, даже через меня, радиogramму такую о вашем... я уж забыл... в общем, о вашем нахальстве и всем другом. Прием.

— Иваныч, включи-ка динамик, — сказал, не поднимая глаз от кителя, Калач.

— Вообще-то не положено, товарищ командир, — замылся Воденко и динамик включил с такой миной: дескать, вам бы я пожалуйста, но ведь нижний чин вокруг сидит, он-то чего пользоваться будет? Как только Воденко щелкнул тумблером, так палатка мгновенно наполнилась грубым мужским голосом. Это кричал кто-то из начальства «Хабарова».

— ...он может мне приказывать? Какой-то Гурьев, которого я сроду в глаза не видел, мне расприказывался тут! Да я сейчас вообще сванс закрою и уйду из связи к чертям собачьим, пусть хоть в Совет Министров радирует, хоть самому Федорову! У меня под килем двадцать метров, того и гляди выбросит на мель. И ветер зойдовый жмет! Что ж я, этих женщин по льду пешком, как Нансена, должен пустить? Так дело не пойдет! До каких пор можно было, до тех пор шел. А теперь ни туда, ни сюда. Может, и самого меня обкалывать будут! Объясните ему, «Герань», прием. Воденко включил передатчик.

— Светлая, — закричал он, — «Хабаров» не может пробиться! Прием.

— «Герань»! — закричали с бухты Светлой. — Тут у меня...

Голос смолк, хотя передатчик работал...
— Ну, отойди же, — сказал кто-то кому-то в бухте Светлой у рации. — Не услышит она...

— Т-а-с-я!! — вдруг закричал совершенно другой голос. — Э-о-я-я, Ваня!!

Человек кричал в микрофон так, как будто вызывал огонь на себя.

— Ты с ума сошла! Я тут за год без тебя повешусь! Ты скажи, где вы, я пехом приду или же на собаках махну! Узнай точные координаты, или же будет плохо!!

— Да не слышит же она тебя! — раздраженно сказал знакомый голос, наверно, Гурьева. — «Герань», — продолжил он, — извините, тут у нас... — он сделал паузу, — вы передайте на «Хабаров», что это не по-советски и не по-полярному — поступок такой. «Хабаров» везет двум нашим товарищам жен, продукты, почту... у нас ведь больше в эту навигацию никого не будет. Ни души. Передайте это ему, пожалуйста!

— Вот дело разгорается! — хмыкнул Санек. — Из-за бабы сто миль пехом готов прочесать!

— Помолчи-ка! — грозно сказал Воденко. Он включил передатчик и в голос заорал на «Хабарова»:

— «Хабаров», я «Герань»! Да вы что в самом-то деле над людьми измываетесь? Люди год никого не

видели, а вы, как бары: встретили льдинку и дальше не хотите идти! Что это за безобразие? Вот тебя самого посадить бы в эту Светлую на год, а то и на три, вот тогда она тебе сразу бы темной показалась! К человеку жена едет, а ты пробиться не можешь! Обязанность твоя прямая — пробиться, говорю тебе как офицер запаса! Прием!

«Хабаров» ответил не сразу, видно, после такого наскока не каждый мужчина, хоть и моряк, придет в себя.

— «Герань», я «Хабаров». Во-первых, мы сами как будто не заинтересованы в своевременной доставке в Светлую людей и груза! Во-вторых, мы действительно затерты льдом, семь-восемь баллов лед, а у меня не ледокол, а судно ледокольного типа. Я не отказывал Светлой до тех пор, пока была какая-нибудь надежда, но впереди по курсу пришла поле, по нашим подсчетам, километров пятнадцать по фронту, закрывшее весь пролив. Пройти его у нас нет никаких шансов. Ждать ветра нордового, чтобы отогнало его, мы не можем — у нас полный корабль грузов для Нагурской. Положение безвыходное, поэтому я и решил сообщить все это на Светлую. И, в-третьих, я бы вас попросил точно выполнять функции ретранслятора, коль вы за это дело взялись, и не добавлять собственных эмоций к этой крайне сложной и... слезливой ситуации. Кстати, как ваша фамилия, «Герань»? Прием.

— Моя фамилия Воденко, можешь жаловаться на меня, но я не могу молчать и просто так смотреть, как ты там самодурствуешь и жизнь людям портишь. Кстати, дай твои координаты мне для связи записать! На всякий случай, чтобы рассказать, где ты стоял, паршивец!

Истинный господь!

...Вообще-то «Хабаров» был довольно прилично зажат в этом проливе, куда судно принесло вместе с пленившим его полем. Калач раза три обошел с воздуха невеселую картину. На палубу «Хабарова» вывалил весь экипаж, какой-то чужак стрелял ракетами прямо в вертолет. Командир посадил машину в пятнадцать метрах от борта. Едва он выключил двигатель, как услышал, что с борта ему что-то кричат, машут руками.

— Чего? — спросил Калач.

— Медведи, медведи! — закричали ему. Калач обернулся и действительно увидел трех медведей, стоявших в пятистах метрах около торосов припая и смотревших в сторону корабля. Калач махнул рукой.

— Ладно! Кто у вас тут капитан?

...Калач полностью разорил «Хабаров». Он забрал для бухты Светлой обеих жен, погрузил двести килограммов — весь запас, какой был на борту, чуть перележавшихся арбузов, вытребовал яблоки, помидоры, пять мешков картошки, трех баранов из холодильника. И все было бы хорошо, если бы не погода. Откуда ни возьмись, — собственно говоря, ясно откуда, с запада, с пилота угла, — налетела непогодишка, туман. Калач почесал затылок. Бомбовоз и Санек захлебывали лопасти и привязали их к ледовым крючьям. Весь экипаж с Левого Яновером в неизменном золотом шлеме пошел ночевать на «Хабаров». С этого и началось.

Во-первых, Санек сразу увидел Зорьку. Она высунулась из иллюминатора и сказала Саньку: «Тю, який курносый!» Санек тут же подвалился к двум пацанам с «Хабарова», навел все справки насчет Зорьки, дело, как говорили, стоящее. Выпивки на «Хабарове» не

ло. Я ж мужа своего, каросту, за три месяца приодела на тыщу лет вперед! Купила ему плащ, болонное пальто черное, купила ему куртку зимнюю болонную, зимнее пальто с воротником цигейковым, туфель ему понакупляла, брюки, четыре костюма справила ему, заразе... я ж сама от него ушла, по морде отлупила.

Я ж в роскоши жила, я положу — не дай бог кто возьмет! У меня свадьба была — шесть дней гуляли, знаете, как у казаков водится, пять легковых машин у дома стояло, две тыщи триста рублей ушло! Честно говорю, братцы, скромная я, любая девка может позавидовать. Это так все — поболтать, поматюгать, выпить... Это ж ерунда, что я пью, я ж забавляюсь, вот и курить стала, у меня сейчас голос во! — только и все! Истинный господь! Да убери ж ты табляку, сказала тебе...

Но не такой был парень Санек, чтобы так отступить да и все, и не таких еще веселых девушек он видал. Два, кажется, раза бегал к вертолету, пьяный, соскальзывал по обледенелым ступенькам трапа, бежал в унтах по льду, и полупрозрачный туманный ветер выхватывал из-под кителя дефицитный пластмассовый галстук. Народ все менялся в каюте, приходили новые знакомцы, хвалили спирт, Санек по-барски угощал всех: пейте, у летунов гидрозол не пьют, только одну слезу поглощают! Под утро Зорька куда-то исчезла, и Санек спал на чьей-то койке, положив под голову совершенно незнакомый ему чемодан. Днем, проснувшись и покуривая на палубе, откуда ничего не видно было, кроме промозглого тумана, Санек мельком увидел командира, около которого все время ходил капитан. Командир издал погрози Саньку пальцем, но ничего не сказал, потому что был занят разговором. Под вечер пришла

ТИКА, ДОМ ДВА

— Координаты мои семьдесят девять девяносто шесть сотых, полсотни ровно, две сотых, фамилию вашу, дорогой мой, запомню, а связь кончаю, потому что не намерен больше...

Он так и не сказал, чего он больше не намерен, просто выключил передатчик, и было еще слышно, как там на «Хабарове» щелкнул тумблер.

Воденко снял наушники и сказал: «Вот сволочь!» — потом снова включил передатчик:

— Светлая, «Герань». Дела плохие, товарищ Гурьев. Ушел «Хабаров» из сети, отказался вести дальнейшие переговоры.

— Понятно, — печально сказал никому не знакомый Гурьев, — понятно и прискорбно. У нас тут такое... — Гурьев помялся, как будто не найдя слов, — нервы. И последнее яблоко полгода назад съели. А я в первый раз начальником зимовки и в западном секторе первый раз. Очень жаль. Ну, спасибо вам, дорогой товарищ. Фамилии вашей не знаю, моя фамилия Гурьев. Если будете дрейфовать рядом — ну, в разумных пределах, не поленимся, снарядим пару собачьих упряжек, прикатим. Прием.

— Фамилия моя Воденко, — сказал радист, — Артика — пятачок, встретимся, товарищ Гурьев.

— Вот такие пироги, — доложил Воденко и выключил станцию. И в кают-компании стало совершенно тихо. Санек вспомнил, что он крикнул «пас» на третьей руке, стал разбирать карты, покрутил носом, намереваясь зайти с «пик», как услышал, что Калач, доканчивая чистить свои пуговицы, устало сказал Бомбовозу:

— Юзик! Заводи бульдозер!

— Согласуем, согласуем, — встревожился Сахаров.

— Чего там согласовывать? — удивился Калач. — Мы на полчаса. Раз-два.

Сахаров по душевной слабости не стал возражать, только глаза опустил, однако на сердце стало темно, знал, что будет корить себя за безволие много раз. Все сразу все понял. Бомбовоз с радостью бросил карты, стал «канадку» напяливать, а Санек жалостно спрашивал у него и Серафимовича:

— Ребята, может, запишем, может, запишем?

— Некогда, некогда, — торопился с улыбкой Бомбовоз. — Ты вот лучше штурману скажи, что улетаем, а то он не слышал!

Николай Федорович не спеша поднял голову, аккуратно закрыл книгу, заложив на прочитанное место кожаную закладку, и обиженно сказал:

— Ну, что вы ко мне пристали, я все слышал!

Санек вслед за Юзиком вышел из палатки, запахнул, не застегивая, «канадочку», добежал до вертолета. Посмотрел вверх — небо над льдиной шло высокое, но мутное. Эх, Санек, не лететь бы в этот раз тебе!

было никакой, но Санек смотался на вертолет, притрапил в предвкушении вечера канистру спирта.

Вечером в крошечной каюте Санек уже безмолвно держал ладонь между крашенной масляной краской переборкой и горячей Зорькиной талией, все стараясь легко нащупать пальцем что-нибудь сквозь платъе. Сам он помалкивал, только изредка и многозначительно подчеркивал, что спирт первосортный. Целый вечер выступала Зорька.

— Вот я ж вижу, что курносый спиртяшку откуда-то приволок, я ж его не обвиняю! Все химичут, и я химичу! Только все по разным делам, а я обвешиваю. Seriously. Вот продаю я яблоки. Горы у меня яблок, ящиков полно. Подходит до меня один кароста или зараза, короче говоря! Жмот, наверно. У меня свекруха жмотка, я бы всех жмотов перевешала бы, истинный господь! Это ж мои кровавые враги!.. Чего? Точно говорю! Сама я родом... вообще-то, я казачка донская, мать-отец казаки, у меня дома клубника, два дома, газ, ванна, одна дочка у отца-матери, отдельная комната, все кругом ковры, холодильник, две стиральные машины, одна швейная кабинетная. Мебель у меня шикарная. Живу я исключительно, но это неважно.

Продаю яблоки. Не верите — у сестренки можете спросить. Ну вот. Подходит ко мне эта зараза: «Девушка, мне яблочков». Я, конечно, улыбаюсь, у него и мысли нет, что я обвешиваю! Пальчики подставляю под эти веса, у меня тара четыреста семьдесят грамм, я ее делаю сто пятьдесят, остальные пальчики помогают мне, красавицы! Это я с вами опытом делюсь, чтоб не обвешивали вас, истинный господь говорю! У меня практикантки — это ж чистое золото от меня выходят! Аферистки первого класса! То уже профессионалы! Представляешь, какой талант? У меня была вот такая книга, и вся полностью из жалоб. Ну, я как вижу идет доцент какой-нибудь или знакомый, у меня в областной прокуратуре Саншин Василь Романович, по уголовным делам следователь, Юра по судебным делам в шестом кабинете... вообще, милиция со мной — во! Ценно! Еще не замужем была, девочкой, а коньяк пила. Истинный господь, встречалась я с ним четыре года. О, кароста! И проходила с ним полгода, пока меня поцеловал, ни с кем до него не ходила, он у меня первый был, гадука, я ж говорю!.. Ну-ка ты, летчик, убери граблю, на меня это не действует, я по уши деревянная!

Ну вот, идет доцент, я — здравствуйте, а сама его не знаю. Вот конец месяца, напишите мне, пожалуйста, благодарность. А там на меня вот такие книги жалоб! Он пишет, как хорошо обслуживает девушка, приятно зайти в магазин. Следующего бегу ловлю. Сама себе благодарности пишу. И все, ценно, сходи-

Зорька, от ее могучих плеч пахло макаронами пофлотски. Санек договорился продолжить, всю ночь приходили какие-то люди, Санек то и дело бегал на вертолет с канистрой. Потом была и третья ночь. Санек стал рвать на Зорьке кофту, и она так ударила его кулаком по переносице, что он упал, залившись кровью, а потом стоял на льду у трапа на четвереньках и держал на носу снег. Потом его разыскал Бомбовоз и, стеснительно опустив глаза, повел через весь «Хабаров» к машине. Оказывается, развиднелось, и они улетали. Калач снова погрози Саньку — на этот раз уже кулаком. С «Хабарова» махали, Зорька что-то кричала, стреляла ракетами, вертолет тяжело поднялся, обе жены зимовщиков — немолдые женщины — перепугались, но потом привыкли к полету и с любопытством выглядывали в окошечки. Одна из них все время держала в руках авоську с лимонами, будто боялась, что лимоны украдут. До бухты Светлой шли с попутным ветром, Санек думал о Зорьке, вспоминал ее плечи, кофточку, жалел, что «фотку не подарила», а в перерывах между этими размышлениями добивался связи с базой. Добившись, сообщил, что идут на Светлую и скоро будут дома. Сахаров с такой радостью кричал, что, кажется, заплывал весь микрофон. Воденко все требовал подробностей, как «утерли нос подлецу», но Санек был еще при алкогольных парах, зевнув, ответил, что все расскажет дома. Полет прошел нормально, и Саньку никто ничего не сказал. Ни одного дурного слова. Истинный господь!

«Кому в путь, тому пора!»

К вертолету бежали люди. Один, как видно, вскопчил с постели, потому что прыгал он в кальсонах, в унтах и полушубке. Калач убрал нагрузку с винта, машина осела, балоны шасси ушли наполовину в ноздреватый снег старой волейбольной площадки, которая была построена в год основания зимовки, но где никто так и не играл в волейбол. У зимовщиков, стоявших внизу, были странные лица, вернее, выражения лиц: будто завезли их сюда однажды жуткой ночью в пургу и все они страшно удивились этой мерзости в природе. Потом, за годы зимовки, это выражение удивления с лиц исчезло, но глаза остались те — от первой ужасной ночи. Впрочем, стоявший впереди всех молодой парень с дьяконской бородкой и с кавалерийским карабином в руке образца 1938 года имел просто нахмуренный и начальственный вид и строго глядел на Калача. Тот подмигнул ему и закрычал:

— Привет, раскольники!

Бородатый неожиданно улыбнулся, поставил карабин на землю и глупо сказал:

— Вот это здорово!
— Т-а-с-я! — закричал вдруг мужчина в кальсонах. Он, как зверь, бросился на вертолетное окошко, в котором увидел свою жену. «Вот сумасшедший!» — подумал Санек, даже испугавшись такого вида мужчины, когда он жутко бросился к окну. Бомбовоз, запутавшись в каких-то веревках, все не мог подобраться к двери, чтобы открыть ее, что полагалось ему по штату. Женщина, эта самая Тася, все кричала на него: «Да открой же ты, бегемот, дверь! Я здесь задыхаюсь!» — а страшный мужик в кальсонах тряс вертолет. Наконец Бомбовоз со словами: «Пожалуйста, что мне, жалко, что ли?» — открыл дверь, мужик сграбастал свою жену и, ни слова не говоря, стал ее так обнимать, что все отвернулись, стыдно стало за такие чувства, а Санек даже подумал про бородастого: «Вот черт!»

Вторая женщина, которая везла авоську лимонов, вылезла из вертолета с виноватой улыбкой, словно ее много раз прогоняли с этой зимовки, но она вот вновь вернулась. Никто не побежал к ней, ничего не крикнул, группа зимовщиков стояла неподвижно, словно оцепенев. Потом все, как по команде, стали медленно поворачиваться к невысокому, кряжистому человеку, который нагнул голову и черными бровями глазами протыкал женщину, сошедшую с лимонами.

— Явилась? — тихо усмехнулся он.
— Да брось ты, Костя, — ласково сказала женщина, подошла к человеку, потянулась к нему для поцелуя, но тот отвернул голову, легонко взял ее за руку и повел по снегу вниз, к домикам. Так и шли они вдвоем, низенький, с покатыми, сильными плечами мужик и женщина в голубом зимнем пальто, в городских сапогах на каблучке, которые то и дело проваливались в снег и там, под снегом, спотыкались о камни. Авоська с желтыми лимонами цеплялась за наст... Все провозжали их взглядами до тех пор, пока негромко за ними не стукнула покосившаяся дверь ближнего домика, обитая черным дерматином, из-под которого пробивались куски войлока.

— Так вы вертолет с «Хабарова»? — спросил бородач.
— Объясняться потом, — сказал Калач. — Кто у вас старший? Надо принимать груз.

— Старший я, — сказал бородач, — моя фамилия Гурьев.

— Ну так вот, товарищ Гурьев, — сказал, все еще не вставая со своего пилотского места, Калач, — взгляни-ка, будь добр, в машину, мы вам кое-что привезли. Зимовщики осторожно, будто еще не веря радостному предчувствию, заглянули в темное нутро вертолета и разом, как по команде, огласили авиационные внутренности пламенными воплями. Они увидели все: бараны туши, яблоки, помидоры, арбузы, они были счастливы, как дети. Один из зимовщиков выхватил из сетки арбуз и стал его целовать, как новорожденного.

«Во народ!» — с удивлением подумал Санек, груду закрывая от варваров тонкую радиоаппаратуру. И вообще, надо сказать, что при этом спокойным остался один Николай Федорович: видел-перевидел он все это в Арктике: землю в консервных баночках, наборы открыток «Москва моя», фильмы, где, если по ходу действия откусывается яблоко или режется арбуз, это место крутится по пять раз на день.

Калач пролез мимо радиста, ничего Саньку не сказал, даже взял его за плечо, только покрякивал на зимовщиков:

— Без паники, ребята, у нас еще вагон времени в запасе — минут десять.

Какой-то парень в полушубке кубарем бросился вниз, к четырем домам, стоявшим в бухте Светлая почти у самой кромки берегового припая.

— Леонтьев, и мой захвати! — крикнул ему вдогонку Гурьев.

Парень — этот самый Леонтьев — бежал так, что со стороны страшно было. Он прыгал через сугробы, через два-три камня. Увидев его прыжки, разом завывли ездвые собаки, благо, были они все привязаны, иначе растерзали бы непременно.

— Куда это он понесся? — строго спросил Калач. — Мы не пьем.

Гурьев махнул рукой.

— Вам все равно не понять... это... не понять. — Это ясно, интеллект у нас в экипаже незначительный, но если увижу здесь у кого-нибудь в руках спирт — пеняйте, Гурьев, на себя.

— Какой там спирт? — горько усмехнулся Гурьев. — У нас его уже семь месяцев нет.

— А как же вы живете без спирта? — удивился Калач.

— Живем, — сказал Гурьев.

— Отлил бы вам пару литров ради такого дня, — сказал Калач, — но лететь нам дальше над чистой, по-видимому, водой. Не дай бог обледенение — без спирта нам труба.

Из вертолета между тем выносили с громкими криками ящики с помидорами, с яблоками, сетки с арбузами. Гурьев очень хотел принять участие в этом светопреставлении, но Калач остановил его.

— Дело администратора — мыслить, — назидательно сказал он, — а особенно финансово-подотчетного лица.

— Извините, ваше имя-отчество? — спросил Гурьев.

— Калач Михаил Петрович.

— Это справедливо, Михаил Петрович, но только не по зимовке. Понимаете, здесь такие высокоспецифические условия создаются...

— Я совершенно не к этому, — испуганно сказал Калач, чувствуя приближение «интеллигентного» разговора, — вот вам бумага и номера лицевых счетов, в общем, переведите деньги «Хабарову».

— Минуточку, — спросил Гурьев, — вы разве не вернетесь на «Хабаров»?

— Нет, — сказал Калач, — я с другой фирмы. С дрейфующей льдины.

— А-а, — догадался Гурьев, — вас попросил сюда слетать «Хабаров»?

— Нет, мы здесь по собственной инициативе. Мы просто слышали ваш разговор с ледоколом и решили немного помочь. Хотя бы женщинами и арбузами. Не так уж плохо, не правда ли? Женщинами и арбузами? А?

Гурьев смотрел на Калача.

— Вы даже не сможете оценить то, что вы сделали. Вы сделали подвиг. Понимаете? Я вам говорю без дураков. Подвиг.

Калач поморщился.

В это время подбежал к вертолету Леонтьев с двумя фотоаппаратами в руках. Около горы арбузов сейчас же упал какой-то зимовщик.

— Что ставим?! — заорал Леонтьев, словно был перед вражескими танками и требовал боеприпасов.

В его руках аппарат прыгал, как живая птица.

— Ставим восемь и сто двадцать пять!

Тут выглянул из двери Санек, который не мог утерпеть.

— Будет полный передел, при таком свете шестнадцать и пятьсот.

— У нас пленка шестьдесят пять!

— А, — сказал Санек, — а у нас двести пятьдесят.

— Ну, снимай же, у меня бок промок! — закричал лежавший на снегу полярник. Леонтьев снял. Потом лег другой, потом третий, потом они улеглись все, звали Калача, но тот отказался. Стоял вместе с Николаем Федоровичем и покуривал, а у штурмана слезы навернулись от этой картины. Потом подошла и Тася со своим обугленным от встречи мужем, разрежали один арбуз, все ели, снова фотографировались, на этот раз уже с арбузными дольками в руках. В это время вышли из домика женщина в голубом пальто и кряжистый мужичок. Женщина уже была без авоськи, а вдруг повеселевший муженек глупо улыбался, не зная, куда девать глаза — губа у него была разбита, и ухо малиново краснело.

— Да, — тихо сказал Калачу Гурьев, — вот это женщина! Правда, мне нравятся другие, с мягким характером, но такие тоже... нравятся. Я вообще-то не поклонник этих девочек с прическами типа «Приходи ко мне в пещеру». Вы только не подумайте, что вот такой полярник, с бородой, — ловелас... Это просто внешний вид. На самом деле я кандидат, гляциолог. И очень люблю свою жену, между прочим. Не знаю, между мужчинами не принято об этом говорить, все хвалятся тем, кто какие победы одерживал, а у меня такого ничего не было. Имею по этому вопросу общеполитические сведения. Люблю свою жену, Иру Соболеву, люблю одну, и все. У нас иногда на зимовке заходят об этом принципиальные разговоры, и я как начальник должен вносить в этот вопрос ясность. Но у меня нет такого опыта, как у других товарищей — у бульдозериста Саркисяна, например, или вот у Саши Триандофилова, нашего электрика. Как вы считаете?

— Чего? — спросил Калач.

— Ну, вот вы сами любите свою жену?

— Да, — мрачно сказал Калач и отошел в сторону.

— Скажите, милейший, — включился в разговор Николай Федорович, взял Гурьева за локоть, повел в сторону, — у вас последний прогноз какой давности?

— Три часа. А что, я обидел Михаила Петровича?

— Неважно, нам сейчас уходить. Какой прогноз?

— Хороший, — сказал Гурьев, — ветер два-три метра, облачность — вот такая, как видите. Никаких катаклизмов. Жалко, что вы спешите. Мне как раз надо было бы посоветоваться по ряду вопросов вот с такими бы пожилыми людьми, как вы. Не обо всем же проконсультируешься с Москвой или с институтом.

— Не такие уж мы пожилые, — сказал расстроившийся Николай Федорович, размышляя об эгоизме молодости, полез в машину. Там стоял Калач, на него давил какой-то полярник.

— Да не тебе одному — всем ребятам заплачу! — услышал Николай Федорович.

— Ну, а что ж за причина бегства? — сурово спросил Калач.

— Вы политику не подводите, я просто хочу уехать. Нужно мне по причине необходимости.

— Не уходи, не уходи, Николай Федорович, — сказал Калач, увидев, что штурман сделал интеллигент-

ное движение на выход, — интересный случай. Человек предлагает две тысячи рублей, только чтоб вывезти его отсюда. Как раз тебе к пенсии деньги пригодятся. Может, ты кого-нибудь убил?

— А тебе что, мало двух тысяч? — спросил зимовщик. Только теперь Николай Федорович разглядел его в полутьме машины: это был молодой мужчина, лысоватый, без бороды, но не бритый дней десять.

— Двух тысяч мне много, — сказал Калач, — но когда я что-нибудь делаю, я всегда хочу знать, что я делаю.

— Ну хорошо, — сказал зимовщик, — раскроюсь. Жену хочу поймать.

— Ну вот, дело еще, — засмеялся Калач — женишься, успеешь!

— Не понял. Есть у меня жена. — Мужчина воровато оглянулся по сторонам. — А я хочу как снег на голову. Накрывать, чтобы сам видел все.

— Чего все?

— Измену, — хмуро сказал мужчина.

— А она тебе изменяет?

— Не знаю, — ответил он. Мужчина помолчал и вдруг совершенно неожиданно схватил Калача за ладьяны «канатки».

— Да ты знаешь, что я с ней сделаю? — страшным шепотом спросил он.

— Нет, дорогой, — сказал Калач и оторвал от себя руки зимовщика, — нам в другую сторону!

— Две с половиной, — предложил тот.

— Нам серьезно в другую сторону, — взмолился Калач, — да вот у штурмана спроси.

— Точно, — сказал Николай Федорович, — можем взять с собой на нашу льдину. Но там жены вашей нет, это наверняка. Вот такое дело.

— Так вы разве не с «Хабарова»? — разочарованно спросил зимовщик.

— Нет, уважаемый, мы с дрейфующей, — сказал штурман.

— С «Герани», что ли?

— Так точно. С «Герани».

Тут открылась дверца, и в вертолет заглянул Гурьев.

— Вы уже познакомились? — весело спросил он. — Это наш лучший работник, радист, Мюд Егорьевич Грач, редактор стенгазеты. Жалко, что вы скоро улетаете, он на вас наверняка карикатуру нарисует — как вы сюда прилетели и все другое. Очень жалко. Ведь правда нарисуете, Мюд Егорьевич?

— А чего это ты меня — Мюд Егорьевич? Первое мая, что ли? — вдруг зарычал Грач.

— Ну, чего ты в самом деле? — расстроено сказал Гурьев, и всем показалось, что он покраснел. — Может, мы выйдем на воздух? — сказал Гурьев. — Чего тут все столпились?

— И работать мне мешаешь, — вставил Санек.

— Ты сегодня в штрафниках, — сказал ему Калач, — придем домой — разговаривать будем.

— Ну, так что ж, теперь надо мне мешать работать? — нахально спросил Санек.

Все затолкались было к выходу, но тут широко распахнулась дверца, и в проеме показался золотой шлем Лёвы Янвера.

— Груз взяли? — спросил его Калач.

— Да, — сказал за спиной Лёвы Бомбовоз.

— Поехали! — сказал Калач. — Все по местам!

— О'кей! — сказал Лева и полез наверх заводиться.

— Очень жалко, — сказал Гурьев.

— Жалко только погибших при землетрясении, — сказал Николай Федорович, — они спали и ничего не знали. Август месяц, товарищи! День полярный, его ценить надо: час летом пропустишь, зимой месяц мучиться будешь. Вот такое дело.

— Кто у вас начальство? — вдруг спросил Гурьев.

— А что?

— Радиogramму дам сегодня благодарственную.

— Вот это совершенно не нужно, — сказал, наклонившись со своего командирского места вниз, Калач, — за это дело нас начальство...

И Калач пару раз стукнул ладонью по воздуху, словно похлопывал по шее коня. Заревел мотор.

— Кому в drogу, тему час! — крикнул по-польски Юзик.

Машину качнуло, лица полярников, обращенные к белым близким небесам, уходили вниз. Трепетали под невиданным вертолетным ветром полы их полушубков, их сорванные шапки взлетали, как птицы, и неслись вдоль камней, но за ними никто не бежал.

Калач сделал круг над зимовкой, весь экипаж смотрел вниз на домики зимовщиков, на их нехитрое хозяйство, кое-где выбившееся из-под снега и теперь сверху выглядывшее, как холостяцкая квартира, где никогда не бывает гостей. Четыре домика и черные люди стояли между ледяными торосами моря и крутыми черными скалами на узком клине камней.

На клине из камней. Но не из земли. Земли на всем этом архипелаге не было никакой и никогда. Исключая, правда, один остров, где на большой зимовке у начальника было привезенное с собой ведро земли, и в этом ведре росла луковица.

Следствие

Следствие началось тогда, когда Санек спал. Во сне он увидел, как белые медведи ходили по Бескудниковскому бульвару, что было, конечно, совершенно недостижимо в природе. Санька кто-то оттянул от этого сюжета, толкая в бок, и тут же ему мгновенно привиделось, что лежит он у себя в палатке и Воденко будит его на смену, хотя совершенно точно работать сейчас Воденко, а не ему, Саньку. Он хотел повернуться на другой бок, но открыл глаза, и сразу в уши ворвался грохот. Санек поднял безумное со сна лицо, пересеченное двумя красными полосами, понял, где он находится, крепко зевнул, закурил. Николай Федорович, толкавший радиста, показал на вилку ларингофона — включи, дескать.

Санек с кислой миной включил, потому что хотел еще поспать: связи никакой у него не было, а по пустяку тревожить спящего человека нечего. И услышал:

— Надел ларинги? — спросил Калач.
— Так точно, товарищ командир, — ответил Санек.
— Хороший сон выдал?
— Пустяки всякие.
— Здесь, пока ты спал, мы попали в обледенение, и я обнаружил, что в баках из шестидесяти литров спирта осталось только восемь. Пятьдесят два литра спирта ушло. Значит, восемь литров я вылил на винт, вот сейчас вроде бы выходим из района обледенения и обмениваемся между собой: куда бы могли деваться эти пятьдесят два литра спирта?
— Течь, наверно, — бойко соврал Санек, решивший не признаваться. Не пойман — не вор. Вытек спирт — и весь разговор.
— Значит, твое мнение — течь?
— Так точно, товарищ командир. Я даже не знаю, где этот бачок открывается.

Нагло врал Санек, совсем нагло. Со сна. Он посмотрел в окно и ахнул: стекло было затянато льдом, и через него вообще ничего не было видно.

— А может быть, ты этот спирт употребил? — спросил Калач, спросил так, как будто он знал все: и про Зорьку, и про ее рассказ, и про чужой чемодан, на котором спал Санек, и про то, как высикаивал пластмассовый дефицитный галстук из-за синего обшлага кителя... Санек нажал переговорник и вяло сказал:

— Нет.
Он повернулся и поймал на себе стальной взгляд Николая Федоровича. Стальной взгляд жестоких, насквозь проглубленных Арктикой, светлых глаз из-под черной кожи шлемофона. Санек отвернулся. Наступила пауза. Перед глазами тревожно перетоптавались огромные унты Бомбовоза.

— Спрашиваю всех, — сказал Калач. — Яновер! Вы взяли из бачков антиобледенителя спирт?

Командир назвал Лева на «вы». У Санька дрогнуло сердце.
— Нет, — сказал Лева.
— Янишевский!
— Нет, — сказал Бомбовоз. — Не брал я.

— Николай Федорович, извини, но это формальность.
— Ничего, ничего, — сказал штурман, — я все понимаю. Я не брал. Я только попросил радиста дать нажатие. Нас, кажется, сильно сносит.

— Даю нажатие, — сказал Санек, «воткнул» Рыбачий и Диксон, оттуда пришли пеленги, которые Санек и сообщил Николаю Федоровичу. Штурман разложил карту, перекрестил курсы пеленгов.

— Михал Петрович, — спросил он, — у меня тут стекло во льду. Не видно ли у тебя по курсовому так эдак шестьдесят пять — семьдесят земли или купола?

— У нас видимость, Николай Федорович, всего ничего. Одна видимость видимости. Метров двести. Связь с Диксоном у нас хорошая? — спросил Калач.
— Свяжемся, не побоимся, — сказал Санек свою извечную шутку.

— Ну, мы закончим, чего начали, — продолжил Калач. — Яновер, кто, на ваше мнение, взял спирт?
— Радист, — сказал Лева.

— Янишевский, как вы считаете?
— Я никого за ноги не держал, товарищ командир, но могу сказать просто свое, как говорится, личное мнение. Ну, во-первых, вы не пьете, Николай Федорович не пьет. Остается Яновер, я и Санек. Но мы с Левого спали, во-вторых... во-вторых, музыку слушали и загружали машину. А Санька никто не видал, а видел один раз я, когда на палубу выходил, — он травил за борт сильно выпивший, а потом я его перед уходом с «Хабарова» разыскал в чужой каюте. Он как Мцыри, — неожиданно закончил Юра.

— Как кто? — переспросил Калач.
— Как Мцыри. Индивидуалист, — объяснил Бомбовоз.

— Что ж, по-твоему, Мцыри выпивал у действующих машин антиобледенительную жидкость?

— Никак нет, товарищ командир, — ответил Бомбовоз, — при нем и вертолетов не было.

— Ну, так какое твое мнение, — стал раздражаться Калач, — кто спирт взял?

— Этого точно сказать не могу.
— Николай Федорович?

— Радист. Чего тут обсуждать?
— Я тоже считаю, что это сделал радист. Радист!

Тут я заготовил радиogramму — передайте на Диксон. Бомбовоз сунул сверху бумажку. Санек прочитал ее под неотрывным взглядом штурмана и отвернулся к окну. Надо быстро что-то делать. Включил передатчик, стал вызывать Диксон. Повывывал-повывывал, потом доложил:

— Товарищ командир, Диксон не проходит.

С какой стати сам на себя будет он донос передавать? Смешно. В радиogramме говорилось: «За должностное преступление отстраняю от работ радиста вертолета Борковца А. Г. Прошу первым транспортом отправить его на Большую землю. Подробности в сопроводительном письме. Калач».

— Только что было нажатие, а сейчас связи нет? Интересное дело.

Санек промолчал. Хотел сказать, что не в его распоряжении потоки космических лучей, то и дело нарушающие арктическую радиосвязь, но промолчал.

— В общем, так, — сказал, не дождавшись ответа, Калач, — долетим до дому — поедем на Большую землю. Не долетим, попадем снова в обледенение — ссажу тебя для уменьшения веса машины. Мог бы бросить управление — спустился, кинул бы тебя. Но это я еще успею.

— Шутки шутите, — сказал Санек.
— Машина тяжелеет, теряем высоту! — доложил штурман.

— Второму пилоту включить обмыв винтов! — деловито приказал Калач.

Эта команда была настолько неожиданна, что Яновер несколько раз глянул на командира, но тот сосредоточенно смотрел перед собой, словно и не отдавал этой бессмысленной команды: «Включить обмыв винтов». Тогда Лева, как этого и требовало наставление, ответил командиру:

— Система не работает из-за отсутствия антиобледенительной жидкости!

— Все слышали? — крикнул Калач. — Все слышали, что с нами учинил этот подлец?

Машину вдруг затрясло, словно она с асфальта переехала на булыжную мостовую. Полетели со штурманского стола циркули и карандаши Николая Федоровича.

— Потеряли десять метров, высота пятьдесят два, — сказал штурман.

— Приготовить спассредства, шлюпку, аварийное радио, паек! — приказал Калач. Он попробовал набрать высоту — стрелка высотомера совершенно не реагировала на его усилия. В единственное не залитое льдом стекло не видно было ничего, кроме тумана, такого плотного, что неясно, летел ли вертолет. Где-то внизу на глубине пятидесяти метров лежал Северный Ледовитый океан, битый лед, как кафельная плитка. Вертолет трясло...

Высадка

— Высота!! — крикнул Калач и тут же добавил: — У меня тридцать восемь по радиовысотометру!

— У меня тридцать три, — сказал в ларингофон Николай Федорович и так длинно выругался, что действительно стало страшновато, потому что Николай Федорович хоть и старый полярный штурман, однако интеллигент, дамский угодник в свои шестьдесят два и ругался в исключительно редких случаях. А сейчас даже держал кнопку переговорника, пока все до конца не высказал.

Но Санек сделал вид, что к нему это не относится. Он включил радиостанцию на передачу, под ногами завыл умформер, впрочем, совершенно неслышимый в адском грохоте вертолета, и стал вызывать:

— «Герань», я четыреста первый! «Герань», я четыреста первый. Как слышно? Прием.

Санек проорал все это в микрофон раз пять, никто не ответил, да это и понятно, потому что было «окно» и сеанс начинался только через сорок минут. Вертолет трясло, как спящий за старостью отбойный молоток.

— Долго еще? — снова загремел в шлемофонах голос Калача. Вопрос был явно обращен к Николаю Федоровичу. Тот согнулся над картами за своим крохотным столиком, вокруг которого были укреплены приборы.

— Четыре влево возьми, — сказал Николай Федорович, — через минуту-полторы должна быть земля. Михаил Петрович, не жалея ничего, вылей последнее, нам надо бы еще добрать метров сорок! Тут берег не указан, черт его знает, какой он высоты!

Санек не верил своим ушам. У него дрогнуло сердце, как только Калач спросил про землю. Да этого не может быть! Таких спросил нет! Они что, все спятили?

Калач сбавил скорость, вертолет тяжело полез вверх. Санек нажал кнопку переговорника и сказал:

— Товарищ командир, я буду драться! Так просто это не кончится!

Ему никто не ответил. Николай Федорович — единственный, кого мог видеть Санек, — даже не повернулся.

— Вижу землю, — медленно, с растяжкой произнес Николай Федорович.

— Вижу, — вздохнул Калач.

Внизу, в десяти метрах, словно на дне вырытой в тумане зыбкой ямы, была земля, болотце, поросшее ягелем, засеянное серыми камнями. Вертолет, немного приподняв нос, стал медленно садиться. По малюсеньким лужам болотца пошла рябь, там загудели невозможные шторма, наконец, вся вода была просто выплеснута из своих гнездышек. Шасси вертолета коснулись почвы, но не ушли в нее сразу.

Калач всегда аккуратно ставил баллоны шасси на поверхность, а уж потом начинал потихонечку-полегонечку убирать нагрузку с винта, потому что если сразу плюхнешься всем весом, то льдина может опрокинуться или трещина пойдет под колесом, а то и в снег уйдешь по дверцу...

— Остров Ли Смитта, высота четыре метра над уровнем Мирового океана, — весело сказал Николай Федорович и снял шлем. Калач включил движок, и винт свирепо рвал воздух, над головой со свистом проходили его обросшие льдом лопасти. Бомбовоз открыл дверцу, в кабину сразу потянуло сырым холодом. На «улице», оказывается, было довольно светло, но туман лежал над пространствами океана на высоте десяти метров. Вершины невысоких айсбергов скрывались в белой мгле. Николай Федорович прошел мимо Санька. Спустился и Лева Яновер в своем золотом шлеме. Калач вылез по внешней лесенке. Только Бомбовоз все крутился в кабине, пошел было вниз, но вернулся и сказал Саньку почти на ухо:

— Ведь скажут на меня. Понимаешь? — Он воровато оглянулся. — Скажут-то на меня.

— Так ты ж вообще при этом не был. Кто на тебя скажет? — спросил Санек.

— Скажут, скажут, — сказал уверенно Бомбовоз. — Такой толстый, самый здоровый, значит, и пьет больше всех. Скажут, будь уверен. А я, между прочим, эпилептик. Ты не смотри, что я такой толстый и здоровый. А на самом деле эпилептик. И бываю еще немножечко Паньковским.

— Кем-кем? — по темноте своей спросил Санек.

— Паньковским, — таинственно сказал Бомбовоз, нагнувшись к самому уху радиста, — знаешь такого поэта?

Санек, ни секунды не раздумывая, отрицательно покачал головой.

— Я вот тоже раньше не знал, пока в Сандунах с ним не познакомился в очереди. «Я плевал на белый мрамор» — это он написал. И вот во мне такая же возвышенность иной раз просыпается. А ты пьешь да пьешь! — неожиданно зло закончил Бомбовоз. Санек отодвинулся.

— Да кто про тебя говорит?

— Ты, — твердо сказал Бомбовоз. — Я по глазам вижу!

Он вдруг стремительно поверил в эту мысль и уселся перед Саньком на складном брезентовом стульчике, оставив руки в боки. Приготовился качать права, но не судьба вышла.

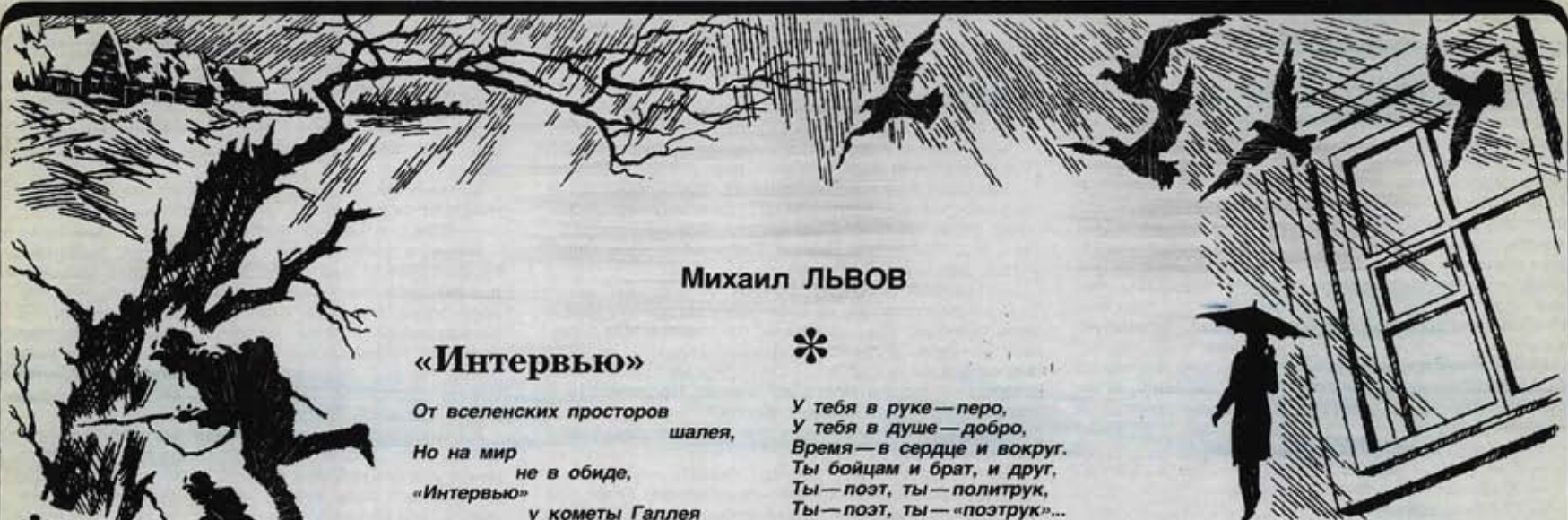
— Юзик! — позвал Калач.

— Я здесь, товарищ командир! — крикнул Бомбовоз и прыгнул прямо через ступеньку, погрузившись в болото до середины сапог.

Санек видел, как Калач что-то говорил Бомбовозу, тот согласно кивал, поглядывая на кузов вертолета.

— Бу сделано! — сказал он, залез в вертолет и стал выволакивать оттуда пустые канистры, какие-то ящики, всякую рухлядь. Санек думал, что Бомбовоз сейчас возьмется за него, но тот его не трогал, только сильно сопел. «Да чего я, как заяц, трушу?» — подумал Санек, встал и вышел из вертолета. Он вышел, грозно глядя, чуть-чуть приподняв плечи, словно повесить руки перпендикулярно к земной поверхности ему мешали огромные горы мышц, бугрящихся под курткой. Санек вышел для крупного разговора, если не для драки, но никто на него не обратил внимания. Калач, Лева и Николай Федорович все смотрели на винты, судили-рядили, как бы с обледенением. Санек походил-походил вокруг машины, как петух, отошел в стороночку, осмотрел не спеша пейзаж (все ж как-никак восемь месяцев на земле не стоял — все лед да вертолет), закурил и бочком подошел к начальству, чтобы и разговор слышать, и глаз не мозолить. Хмурый Бомбовоз с грохотом выбрасывал из машины все, без чего можно было лететь, казалось, что он задался целью выкинуть все, кроме двигателя и винта.

Продолжение следует.

Михаил ЛЬВОВ

«Интервью»

От вселенских просторов
Но на мир *шалея,*
не в обиде,
«Интервью» у кометы Галлея
Будем брать на орбите?
Заглянуть — далеко —
в «астроклимат»

Поручает Земля
нам?
Информацию спутники примут
И расскажут землянам?
Незнаком с «метеорной теорией»,
Я понятия не имею...
И подумалось:
на метеоре я
Сам пронзаю пространства!
О безмерный словарь современности!
О новейшие термины!
Сохранятся великие ценности
Веры — в нас не потеряны
В продолженье вселенской безмерности,
Человеческой Жизни бессмертности!

У тебя в руке — перо,
У тебя в душе — добро,
Время — в сердце и вокруг.
Ты боицам и брат, и друг,
Ты — поэт, ты — политрук,
Ты — поэт, ты — «поэтрук»...
Не «элита», «узкий круг»,
А бригада вся — вокруг,
Весь Уральский корпус наш,
Грозный танковый пейзаж!
И остался в сердце гром,
Тот — над Вислой и Днепром.
Всё грохочет, всё живет,
И теперь, после войны,
Трудишься политруком,
Честью Родины влеком,
В войске лириков чудном.

Ослепительна жизнь
на любом повороте,
Из машины ли глянете,
или из окна,
Или к другу придете,
или к строчкам прильнете —
Вновь восторгом,
как током, пронижет она...
То поманит красавицей недосыгаемой —
Не с экрана звездой,
а вблизи, у ворот,
То глубиной истинной
непостижимой
Из дверей академии,
из заседания
Сразу в гуцу отправится —
прямо в народ...
Жизнь объять невозможно
(мечтать даже нечего!) —
Вдруг бы дали бессмертье —
так, наверняка,
Созерцанием жизни
и лиц человеческих
Не сумел бы насытиться
и за века...

— Почему допустили его умереть? —
Пушкин спрашивал про Веневитинова
Анну Керн —
так сказать, так ПОДУМАТЬ УМЕТЬ
Удавалось лишь Пушкину, видимо.
Это вечный вопрос —
к тем, кто дольше в живых, —
Он звучит и для времени нашего.
Вспоминая недавних
ушедших своих, —
— Почему умереть
допустили мы их? —
У себя и у друга я спрашивал...
Будто что-то — на деле! —
мы сделать могли,
Применяя и власть, и законы,
Будто может уйти
кто-нибудь от могил,
Будто есть и от смерти заслоны...
Нет заслонов, защит,
но пока мы живем
И пока не исчезли в могилах,
Наполнять Этот Свет
и теплом, и добром,
Чтоб друг другу продлить
пребывание в нем, —
Это всё же мы в силах!
Мы — в силах!

Живым — пробуждаюсь!
Проснулся я — вновь! —
Ворвалась, мне душу лаская,
Как возглас восторга,
и к людям — любовь,
Живая любовь, людская.
И хочется всех и обнять, и понять,
И дружбы дарить подтвержденье...
А «небо коптить»
и на прочих пенять —
Как вдруг биографией
двинуться вспять, —
Исчезнуть в своем «дорожденье»...

Жизнь меня держала
в «черном теле»,
Не зовя за пиршественный стол.
Жил я не в дворце,
не в люкс-отеле,
А ложился под сосновый ствол
Где-нибудь в траншеях
иль в землянке,
Не дарили рай мне в шалаше.
Спал не на перинах, а на танке,
Но звенела молодость в душе!
Жил я скромно.
В маршалы не метил,
Навсегда зачисленный в бойцы.
...Перехода как-то не заметил
Из землянок в дачи и в дворцы...

В планетарии
1
Давно уже не пролетарий,
Верней — пролетарий пера,
Порой прихожу в планетарий,
Учусь бескорыстно добра.
Во мне ощутимо проснется
Реальное — с Солнцем — родство!
Я все-таки — служащий Солнца,
Не только поклонник его!

2
В конце концов мы все —
от Солнца тоже!
Нет без него ни неба, ни земли,
И нет его всевышней и дороже!
(И нас на свет бы не произвели...)
И мысленно — и днями, и ночами —
Верти, верти за Солнцем головой —
И мелочи — большие —
под ногами
Исчезнут и-затянутся травой.

Не может сердце жить обидой,
Не может сердце жить бедой.
Жизнь! Снова радости мне выдай!
Лечи надеждой и мечтой!
Дари не грош,
не жалкий «пфенниг» —
Весь мир восторгов и чудес!
Чтоб я опять, как птица Феникс,
Из пепла — своего — воскрес!
Из пепла возродился снова,
Звал всех в полет — летел и сам
На крыльях радостного слова
По небесам! По небесам!

В Злате Праге нас с аэропорта
Повезли в «Интерконтиненталь»!
...Иностранцы
скромно, без эскорта,
Прилетели в этакую даль...
...С недругами рядом и с друзьями,
Во дворце, куда нас привезли,
Обсуждаем Время — и за нами
Правда и землянок, и Земли!

Люди

Среди суеты и всего
Ведем себя часто, как судьи...
Сердиться? Зачем? На кого?
Ведь это ж товарищи — люди!
Не каждое утро пою —
Откажет источник иллюзий,
Но душу поправят мою
Опять те же самые Люди!
Ликует душа и поет,
Как будто купается в чуде.
А кто это чувство дает?
Да все те же самые Люди!
Инфаркт... На асфальт упадешь,
И ангела рядом не будет —
Иль взрослые, иль молодежь —
Спасут те же самые Люди!
Всегда ли я сам создавал,
Как жил я и мыслил убого,
Когда из себя создавал
Иль «демона», или же «бога»...
Над стихотвореньем моим
Скажите: мы тоже так мыслим...
— Он все-таки стал неплохим —
И в Люди его мы зачислим...

Не для узких «картотек»
Он задуман, человек —
Безграничен, беспределен,
Он в сто сотый век нацелен!
Он и там не исчерпается
Всем возможностям его
(И душе не «исчеркаться») —
Станет сердцем самого
Мироздания всего!

ИРОНИЧЕСКОЕ Существо в СТАРОМ ЗАМКЕ

Наступило долгое молчание. Его прервал Харпер, благожелательностью тона смягчая нескромность вопроса.

— Могу ли я узнать, как отнеслись к вашему плану зять и невестка?

Джефферсон торопливо ответил:

— А что они могли возразить? Возможно, они предпочли бы другое решение, однако вели себя вполне корректно. В финансовом отношении они от меня не зависят. Когда мой сын Фрэнк женился, я передал ему половину состояния. Мой принцип: не откладывать до собственной смерти то, чем можно порадовать детей сейчас. Богатство желанно им, пока они молоды, а не в старости. Также ко дню замужества Розамунды я положил на ее имя крупную сумму в банк. Она полностью перешла после ее гибели к мужу, человеку малосостоятельному. Как видите, все обстоит просто, и проблем между нами не возникало.

— Мы уяснили суть дела, мистер Джефферсон,— проговорил начальник полиции с некоторой сдержанностью.

Джефферсон чутко уловил его интонацию.

— Вы с чем-то не согласны?

— Не хотелось бы возражать, но жизненный опыт научил меня относиться с недоверием к столь разумному разрешению семейных дел.

— В принципе вы правы. Но, строго говоря, ни мистер Гэскелл, ни миссис Джефферсон не являются моей семьей, между нами нет кровного родства.

— Да, это вносит некоторую разницу,— согласился Харпер.

Конвей нетерпеливо продолжал:

— Допускаю, что мое решение показалось им сумасбродным. Однако я в совершенно здравом уме. Маленькой Руби не хватало воспитанности и образования, это дело поправимое. Со временем она смогла бы появляться в любом обществе.

— Разрешите еще один щекотливый вопрос, мистер Джефферсон,— сказал Мэлчетт.— Нам важно установить все детали. Принимая участие в будущей жизни девушки, вы, вероятно, собирались обеспечить ее материально? Это уже оформлено?

— Смысл вопроса слишком прозрачен. Вы хотите знать, была ли смерть Руби кому-то выгодна? Нет, никому. Формальности только улаживались, и никаких бумаг я еще не подписал.

Мэлчетт раздумчиво произнес:

— И если бы с вами случилось несчастье...— Он вопросительно взглянул на Джефферсона.

Конвей и на этот раз понял намек. Сказал со вздохом:

— Но почему что-то должно случиться? Я калека, но в остальном абсолютно здоров. Правда, врачи последнее время принимают похоронный вид и советуют всего остерегаться: никаких эмоций, никакого утомления... Бог мой, я же вынослив, как лошадь. Конечно, злой рок существует, я в этом убедился, увы. В наш век автомобильных аварий внезапная смерть способна настичь каждого. Приходится быть предусмотрительным, и десять дней назад я составил новое завещание.

— Вот как!— Харпер подался вперед.

— После моей смерти пятьдесят тысяч фунтов помещались в банк на имя мисс Кин. До совершеннолетия ей выплачивали бы проценты, затем капитал переходит к ней полностью.

Начальник полиции и главный констебль изумленно переглянулись.

— Но ведь это огромная сумма!

— Согласен.

— И вы завещали целое состояние девушке, которую знали едва месяц?

Синие глаза Джефферсона гневно потемнели.

— Неужели надо повторять одно и то же? Я лишен близких. Никаких племянников, никаких двоюродных братьев. Чем оставлять все безликому благотворительному обществу, предпочитаю, чтобы моим состоянием пользовался приятный мне человек. Сказка о Золушке, которая в одну ночь превращается в принцессу!— Он усмехнулся.— Только вместо крестной

матери-феи был бы крестный отец. Эти деньги мои, я их заработал.

— Вы сделали и другие распоряжения?— спросил Мэлчетт.

— Разумеется. Некоторую сумму я оставляю Эдуарду, камердинеру. Остаток поровну делится между Марком и Адди.

— Простите, как велик этот остаток?

— Не очень. Затрудняюсь назвать точную цифру: акции все время колеблются. Думаю, что за вычетом налога на наследство и других расходов наберется около десяти тысяч фунтов.

— Ясно.

— Но я вовсе никого не лишаю наследства! Я ведь вам уже сказал, что разделил состояние между детьми, а сам удовольствовался весьма скромной суммой. После трагической катастрофы, чтобы отвлечь себя и занять ум, я погрузился в финансовые операции. В моем лондонском доме специальный телефон соединял спальню с кабинетом, я работал круглыми сутками! Это давало ощущение, что увечье не выбило меня полностью из седла, что я еще сопротивляюсь...— Голос зазвучал тише, словно он все больше уходил в себя, забыв о слушателях.— И что же? По какой-то иронии судьбы мне во всем везло! На бирже я наживался, любое предприятие имело успех. К чему ни прикасался, все обращалось в золото! Может быть, судьба решила хоть отчасти загладить свою несправедливость?— Его выразительное лицо не могло скрыть глубокого страдания. Лишь с трудом он принудил себя улыбнуться.— Теперь вы видите, что деньги, которые я предназначал Руби, мои и только мои. Я мог с чистой совестью распорядиться ими.

Мэлчетт поспешно вставил:

— Дорогой сэр, мы же не отрицаем этого.

— Благодарю. Но разрешите теперь и мне задать несколько вопросов. Я хочу узнать об этой страшной истории более подробно. Пока что мои сведения ограничиваются тем, что бедную крошку нашли задушенной в каком-то доме, кажется, в тридцати километрах отсюда?

— Совершенно верно. В замке Госсингтон.

Джефферсон нахмурился.

— Госсингтон? Это...

— Дом полковника Бэнтри.

— Бэнтри? Артура Бэнтри? Но я же с ними знаком!

Мы подружились за границей, много лет назад. Никогда не подозревал, что они живут по соседству. Вот так штука!

Начальник полиции поспешно вставил:

— Разве вы не видели его? Он ужинал в «Маджестике» в прошлый вторник.

— Во вторник?... Нет, мы поздно вернулись в тот вечер. Ездили осматривать Харден-Хид и поужинали по пути.

— Руби Кин не упоминала имени Бэнтри?— спросил Мэлчетт.

— Никогда. Едва ли она вообще была с ним знакома. Ее круг ограничивался людьми из театрального мира.— Джефферсон помолчал.— А что говорит сам Бэнтри по этому поводу?

— Полное недоумение! Вчера вечером он был на собрании консерваторов, а труп обнаружили только утром. Он утверждает, что никогда не видел эту девушку живой.

— Фантастика,— пробормотал Джефферсон.

Харпер деликатно кашлянул.

— У вас нет подозрений, кто виновник преступления?

— Ни малейших!— У него на лбу вздулась вена.— Это так бесчеловечно, невероятно. Трудно поверить в реальность происшедшего.

— Возможно, кто-то из ее давних приятелей? Какой-нибудь мужчина, которого она знала прежде, преследовал ее и угрожал?

— Да нет же, ничего подобного. Она рассказала бы мне. У нее никогда не было никаких романов. Это ее собственные слова.

Харпер подумал: «Она могла так говорить, но соответствовало ли это действительности?»

— Во всяком случае, Джози знала бы о тайном преследователе,— добавил, нахмурившись, Конвей.— Она-то что говорит?

— Отрицает такую возможность.

Джефферсон напряженно размышлял.

— Я склоняюсь к мысли о маньяке... Мало логики в том, чтобы пробраться со своей жертвой в чужой дом. Существуют ненормальные, которые заманивают девушек, даже детей, чтобы безжалостно убить.

— Существовать-то существуют, но в наших краях мы с этим никогда не сталкивались,— заметил Харпер.

— Я мысленно перебрал всех мужчин, которых видел возле Руби,— продолжал Джефферсон.— Тех, кто останавливался в отеле или приезжал ненадолго повеселиться, с кем она танцевала. Все достаточно безобидно. А тесной дружбы у нее ни с кем не было.

Харпер слушал невозмутимо. Джефферсон не уловил мгновенного иронического огонька в его глазах. Начальник полиции подумал: «Все-таки она могла иметь тайного дружка!» Однако промолчал. Главный констебль подал знак своим спутникам и поднялся.

— Спасибо, мистер Джефферсон. Это пока все, что нас интересовало.

— Вы будете держать меня в курсе следствия?

— Разумеется. Мы еще встретимся с вами.

Когда полицейские ушли, Конвей Джефферсон бессильно откинулся на спинку кресла. Веки его опустились и скрыли яркую голубизну глаз. Он почувствовал себя измученным. И лишь спустя минуту позвал:

— Эдуард!

Из соседней комнаты тотчас появился слуга. Эдуард знал своего хозяина лучше других. Все восхищались его самообладанием, а Эдуард видел минуты слабости, когда Джефферсон чувствовал себя сломленным и опустошенным, беспомощным до предела.

— Вы меня звали, сэр?

— Да, Эдуард. Я хочу вас немедленно отправить в Мелбёрн-Эббс к мистеру Генри Глитерингу. Попросите его приехать не завтра, а сегодня. Дело чрезвычайного срочное.

19

Выйдя от Джефферсона, Харпер сказал:

— Не знаю, куда это нас приведет, но повод для убийства отыскался.

— Гм... пятьдесят тысяч фунтов, не так ли?

— Именно. Убийства совершают и ради меньшего куша.

— Пожалуй. Хотя...— Мэлчетт не закончил фразу, но Харпер уловил ход его мысли.

— Вы сомневаетесь, что в данном случае это так? Я, пожалуй, тоже. Но нельзя отбрасывать ни одну возможность.

— Согласен.

— Если Джефферсон прав, и Гэскелл и миссис Джефферсон имеют собственный солидный доход, то едва ли они замешаны в преступлении.

— Логично. Однако нелишне навести подробные справки об их имущественном положении. Сознаюсь, Гэскелл мне мало нравится. Он произвел впечатление человека беспринципного и себе на уме... Хотя этого недостаточно, чтобы подозревать его в убийстве.

— Что до меня, я не верю в их виновность. Кроме того, если основываться на показаниях Джози, не вижу, как они могли бы его осуществить. Оба сидели за карточным столом от половины одиннадцатого до полуночи. Нет, преступника надо искать где-нибудь еще.

— Среди поклонников Руби Кин?

— Совершенно верно! Какой-нибудь слабоверный тип, отвергнутый после ее переезда в «Маджестик»... Пронюхал про удочерение и понял, что, случись это, он будет ей решительно не пара. Ослепленный яростью, он и совершил преступление. Назначил свидание после полуночи, пробовал уговорить, они рассорились... и вот в приступе ревности...

— Допустим, но как они оба очутились в библиотеке Бэнтри?

— Объясню. Колесили в автомобиле по окрестностям. Задушив Руби, этот парень опомнился, и первой его мыслью было избавиться от мертвого тела. В тот момент они находились перед садовой решеткой какого-то большого имения. Он и подумал: если туда подкинуть труп, то подозрение падет на обитателей

дома. В машине у него были кусачки, с их помощью он распахнул раму и перетащил свою жертву на ковер перед камином. Поскольку он ее задушил, в машине никаких следов крови, разоблачающих его, не осталось. Ну, как?

— Гипотеза вполне приемлемая, Харпер. Остается «искать мужчину». — Последние слова Мэлчетт произнес по-французски, намекая на известную поговорку «ищите женщину».

— Что? Ах, да, прекрасно, сэр.

Харпер уловил, что это шутка, хотя точного смысла ее не понял.

— О... э-э!.. Послушайте, нельзя ли мне задержать вас на словечко?

Это был Джордж Бартлетт. Полковник Мэлчетт не принимал его всерьез, да к тому же ему не терпелось узнать результаты обыска, проведенного Слэком в комнате жертвы, и допроса горничной. Он бросил довольно резко:

— Ну, что еще, сэр?

Молодой Бартлетт несколько раз открывал и закрывал рот, изображая рыбу в аквариуме.

— О, право... боюсь, что это не имеет никакого значения... но, видите ли, я не могу отыскать свою машину.

Запинаясь, он повторил несколько раз, что автомобиль исчез, его невозможно найти.

— Проще говоря, он у вас украден?

Бартлетт с благодарностью обернулся к начальнику полиции.

— Это возможно... хотя никогда нельзя сказать с уверенностью... может быть, кто-то взял покататься? Не то, чтобы совсем... Вам понятна моя мысль?

— Когда вы видели машину в последний раз?

— Дайте подумать. Забавно, как иногда трудно вспомнить некоторые мелочи, не правда ли?

Мэлчетт с холодной яростью проронил:

— Не так трудно, если на плечах голова, а не... Вы, помнится, говорили, что вчера вечером она стояла во дворе отеля?

Бартлетт приободрился.

— Как будто... если она там была.

— Что вы хотите этим сказать, черт побери?! Ведь таковы ваши собственные слова!

— Дело в том... я так думал, но не ходил проверять. Вы улавливаете мою мысль?

Полковник Мэлчетт подавил вздох и призвал на помощь все свое терпение.

— Попробуем разобраться в вашей истории по порядку. В котором часу вы видели свою машину? Кстати, ее марка?

— У меня «Миньон-14».

— Так когда вы ее видели?

Бартлетт судорожно сглотнул, дернув кадыком.

— Ей-богу, я изо всех сил стараюсь вспомнить. Вчера перед обедом она еще была здесь. После обеда я хотел прокатиться, но, знаете, задремал до чая. Потом поиграл в теннис и принял ванну...

— Она тогда еще стояла во дворе отеля?

— Думаю, да... То есть я ее там оставлял. После ужина я хотел пригласить девушку, но мне не повезло, что поделаться. В общем, я не воспользовался машиной.

— Но вам казалось, что она по-прежнему на месте?

— Я не думал об этом. Поставил, и все.

— А если бы ее угнали, это быслось бы вам в глаза?

Мистер Бартлетт покачал головой.

— Вот уж не знаю. Во двор то и дело въезжают и выезжают автомобили... Есть и «Миньон-14».

Харпер подтвердил это. Выглянув в окно, он насчитал восемь машин марки «Миньон-14». Популярная дешевая модель.

— А вы на ночь не загоняете машину в гараж? — спросил Мэлчетт.

— Право, это меня мало волнует. Погода держится пока теплая. А всякий раз ставить в гараж так хлопотно...

Взглянув на полковника Мэлчетта, начальник полиции Харпер сказал ему:

— С вашего разрешения, сэр, я присоединюсь к вам наверху. Пойду пришлю сюда сержанта Хиггинса, он должен записать сообщение мистера Бартлетта.

— Ступайте, Харпер.

Джордж Бартлетт пробормотал, словно оправдываясь:

— Я счел себя обязанным рассказать... Никогда нельзя знать, что окажется важным, не правда ли?

20

Мистер Прескотт не слишком расцедрился ради второй танцовщицы: она работала за стол и жилье. Неизвестно, чем ее кормили, но комнатенка была наихудшей в отеле. Джозефина Тёрнер и Руби Кин жили в самом конце узкого, темного коридора. Обе комнаты были тесными и обращены были к северу, в сторону скалы, к которой прилепился отель. Сюда составили сборную мебель, отслужившую срок в приличных номерах. Массивные дубовые гардеробы, когда их сменили модные встроенные стенные шка-

Рисунок
Марины ПИНКИСЕВИЧ

фы, оказались распахнутыми по каморкам прислуги или стояли в запасных номерах, которые заселялись лишь в самый наплыв курортников.

Мэлчетт и Харпер смотрели на комнату Руби Кин профессиональным взглядом: она была идеальна в смысле возможности незаметно высказываться из отеля. Это усложняло задачу дознаться, когда же Руби покинула «Маджестик» и при каких обстоятельствах.

Коридор оканчивался узкой лестницей на первый этаж, где по переходу можно было попасть на застекленную террасу, обычно пустую, так как никакого красивого вида с нее не открывалось. Эта боковая терраса сообщалась с главной, в фасадной части отеля, откуда по извилистой тропинке можно было уже совсем просто попасть на асфальтированную дорогу в проеме скал.

Инспектор Слэк изводил вопросами горничных и продолжал настырно обследовать комнату Руби, в которой ничего не сдвигали и не трогали со вчерашнего вечера.

Руби Кин просыпалась поздно и вставала, как узнал Слэк, лишь к половине одиннадцатого. По звонку ей приносили завтрак. Конвей Джефферсон поднял тревогу спозаранку, полиция успела нагрянуть до уборки комнат. Впрочем, это был самый заброшенный отсек, горничная с веником появлялась здесь всего раз в неделю.

— Неряшливость оказалась нам на руку, — заключил Слэк. — Мы непременно нашли бы что-нибудь. Если бы было что находить!

Полицейские эксперты графства Глен уже успели снять отпечатки пальцев. Оказалось, что они принадлежат Руби, Джози и двум горничным. Правда, был

еще отпечаток Реймонда Старра, но объяснялся он просто: когда Руби не явилась на второй танец, он приходил сюда вместе с Джози.

Ящики массивного письменного стола из красного дерева были забиты всевозможным бумажным хламом: письма, записочки, квартирные счета, театральные программы, вырезки из газет, косметические рецепты из модных журналов. Слэк просмотрел все и не нашел ничего подозрительного. Большинство писем было подписано некой Лили — видимо, подружкой по Дворцу танцев. Она пересказывала всякую незначущую бытовую мелочь и, между прочим, то, что все сожалеют об отъезде Руби. Особенно часто спрашивается о ней мистер Финдейсон, он, кажется, был весьма огорченным. Молодой Рэг начал увиваться вокруг Мэй Барни, но тоже спрашивал о Руби. Жизнь движется, как раньше. Старик Гроузер по-прежнему свирепствует. Он рассчитал Аду только за то, что она стала встречаться с парнем...

Слэк тщательно переписал все фамилии из писем Лили и подумал про себя, что во время опроса персонала Дворца танцев о каждом следует навести особые справки.

Больше в комнате Руби Кин ничего интересного не нашлось. Посреди комнаты стояло кресло, с которого свешивалось воздушное розовое платье. В нем Руби была в начале вечера. На полу — небрежно сброшенные бальные туфельки на шпильках и пара прозрачных чулок; на одном спущена петля. Мэлчетт тотчас вспомнил, что убитая была без чулок. Слэк разузнал: ради экономии Руби надевала чулки только во время танцев.

В распахнутую дверцу гардероба виднелись несколько ярких вечерних туалетов и ряд разноцветных

бальных туфель. В плетеной корзине — немного грязного белья, а в мусорной — бумажные салфетки для снятия грима, ватные тампоны со следами губной помады, обрезки ногтей — в общем, ничего примечательного.

Казалось, факты восстанавливались без труда: Руби с поспешностью переоделась и торопливо ушла... Куда? Зачем?

Джозефина Тёрнер, которая больше других могла бы знать привычки кузины, на этот раз ничего ценного не сообщила. Инспектору Слэку это не показалось странным.

— Если история с удочерением не выдумка, — говорил он полковнику Мэлчетту, — то Джози могла дать только один совет: полностью порвать с прежними связями и знакомствами из Дворца танцев. Ведь чем Руби покорила старика калеку? Невинным видом, детским личиком и протодушными манерами. Предположим, что внешность ее была обманчива, что на самом деле она ловкая интриганка и что у нее существовала любовная связь. Естественно, она всеми силами постаралась бы скрыть ее не только от мистера Джефферсона, но и от Джози. Зачем портить ту головокружительную будущую, которая замаячила перед ней? Однако молоденькие девушки часто попадают под власть весьма дурных молодых людей. Можем ли мы поручиться, что у Руби был только один поклонник и что именно он убийца?

— Не исключено, что вы правы, Слэк, — сказал полковник Мэлчетт, не давая воли своей неприязни к чересчур логичным выводам инспектора. — Если дело обстоит так, то остается как можно скорее выяснить, кто же этот дурной молодой человек.

— Положитесь на меня, сэр, — самонадеянно отозвался Слэк. — Я хорошенько потрясу эту девочку из Дворца танцев, и правда быстро выплывет наружу!

Полковник Мэлчетт не разделял такого оптимизма, а хвастливая напористость Слэка положительно нервировала его.

— Если осмелюсь посоветовать, сэр, следует заняться платным танцором и теннисным тренером. Он проводил много времени с Руби и, возможно, более наблюдателен, чем Джози. Она могла даже доверяться ему.

— Представьте, мы с Харпером пришли к такому же мнению.

— Замечательно, сэр! А из горничных ничего не удалось выжать, как я ни бился. Они относились к обеим кузинам свысока, обслуживали их неохотно, всячески увиливали от этого. Одна из горничных зашла в комнату мимоходом часов в семь вечера, лишь чтобы задернуть занавески и расстелить постель. Кстати, ванная комната рядом. Не хотите взглянуть?

Ванная комната находилась между спальнями Джози и Руби. Комната Джози была просторнее. Но и осмотр ванной ничего не прибавил. Полковник Мэлчетт наивно удивился про себя, сколько ухищрений требуется женщинам, чтобы приукрашивать внешность: целые ряды банок с кремами, дневными, ночными, увлажняющими, для снятия косметики, коробки с пудрой разных оттенков, патрончики помады, тушь для ресниц, тени для век, не меньше дюжины флаконов с вяжущими или тонизирующими лосьонами, бутылочки разноцветного лака для ногтей, бумажные салфетки для лица, пуховки — ну и ну!

— Неужели это все идет в дело? — пробормотал он.

Всезнающий Слэк тотчас вмешался:

— В обычной жизни, сэр, женщины употребляют два оттенка теней для век: один светлый — дневной, другой вечерний, ярче. Цвет по вкусу, кому что идет. Но актрисам и танцовщицам приходится часто менять стиль лица. Один грим для танго, совсем другой для старинного танца в криолине. Или, скажем, пляски алашей. А есть еще обычные современные танцы. Косметика дополняет костюмы.

— Боже мой! — воскликнул полковник. — Как же наживаются фармацевты и фабриканты косметики! Верно, гребут целые состояния?

— Денежки текут рекой, — согласился Слэк. — Хотя львиная доля расходуется на рекламу.

Мэлчетт с некоторым усилием отвлекся от старой, как мир, но волнующей темы женских хитростей ради собственной красоты.

— Что ж... побеседуем с танцором. Это возлагается на вас, Харпер.

— Как вам угодно, сэр.

Спускаясь по лестнице, Харпер спросил:

— А как вы отнеслись к истории Бартлетта?

— Относительно машины? Думаю, этим чудачком надо тоже заняться. Что-то подозрительное есть в его рассказе. А вдруг он все-таки вчера вечером увозил Руби? Кто знает?..

21

Начальник полиции Харпер был уживчивым, хорошо воспитанным человеком. Он не чурался запутанных, трудных дел и, хотя искренне ценил высокий профессионализм полковника Мэлчетта, обрадовался

возможности провести очередной допрос самостоятельно. Его метод основывался на постепенности и последовательности. Благожелательная беседа никак не настаивала на тех, кого он допрашивал, и во время следующего разговора они чувствовали себя спокойно и раскованно. Харпер знал в лицо гибкого, загорелого красавца с ослепительной улыбкой — Реймонда Старра. Черноволос, строен, скупые выразительные жесты, манеры джентльмена — о, разумеется, он пользовался всеобщей симпатией!

— Я в отчаянии, господин начальник полиции, что так мало могу быть вам полезен. Конечно, Руби мне знакома, она здесь больше месяца. Мы ежедневно репетировали наши номера. Но это, пожалуй, все, что могу сказать о ней. Прелестная девушка, хотя абсолютная простушка.

— Нас интересует ее окружение. Прежде всего приятели-мужчины.

— Вполне понимаю. Но мне известно только то, что бросалось в глаза всем: многие пытались за нею ухаживать. Правда, безуспешно. Ее постоянным обществом была семья Джефферсонов.

— Ах, да, семья Джефферсонов...

Полицейский помолчал и пронизительно взглянул на молодого человека.

— Ну, и как вы относились к этим феерическим планам?

Реймонд Старр невозмутимо переспросил:

— Простите, к каким именно?

— Как? Разве вы не знаете, что мистер Джефферсон уже начал формальные хлопоты по удочерению Руби Кин?

Пораженный новостью, танцор «Маджестика» невольно присвистнул.

— Ну и хитрющая девчонка! А сам-то мистер... седина в бороду, бес в ребро!

— Значит, вы так это расцениваете?

— А как же еще? Если бы дело шло только об удочерении, он мог найти кого-нибудь из своего круга.

— Выходит, Руби не обмолвилась вам ни словом?

— Абсолютно. Я замечал, что она в последнее время сияет, но не подозревал о причинах.

— А Джози знала?

— Было бы странно, если бы она не знала! Не удивлюсь, если вся история с удочерением дело ее рук. Джози совсем не дура, у нее крепкая голова на плечах.

Харпер охотно согласился. Джози привела Руби в «Маджестик» и наверняка поощряла дружбу своей кузины с мистером Джефферсоном. Немудрено, что она перепуталась, увидев, насколько мистер Джефферсон был взбудоражен, когда Руби не явилась к обязательному танцу. Все усилия могли пойти прахом!

— Как вам кажется, Руби умела хранить тайну?

— Как все мы, когда это необходимо. О своих личных делах она помалкивала.

— И ни разу не проговорила о старом знакомом, который приехал сюда специально ради нее? Из-за которого у нее могли произойти неприятности, а?

— Понимаю, что вы имеете в виду. Но любовных связей у нее не было, она сама так говорила.

— Благодарю. А теперь не смогли бы вы изложить цепь событий того вечера с вашей точки зрения?

— С величайшей охотой. Наш первый танец с Руби окончился в половине одиннадцатого.

— Что-нибудь в ее поведении бросилось в глаза?

Реймонд добросовестно порылся в памяти.

— Нет, пожалуй, ничего особенного. Я должен был заниматься с другими партнерами и видел только, как Руби вышла из зала. Через полтора часа она еще не вернулась. У меня это вызвало раздражение, я отправился к Джози, которая сидела с Джефферсоном за бриджом. Оказалось, что она тоже ничего не знает. Помню, как она бросила быстрый обеспокоенный взгляд на мистера Джефферсона. Пришлось попросить дирижера повторить фокстрот, а сам я стал звонить в комнату Руби. Не дождавшись ответа, вернулся к Джози. Она предположила: не заснула ли Руби у себя? Это говорилось явно для успокоения мистера Джефферсона. Мы поднялись вверх...

— Минутку, мистер Старр. А что сказала Джози, когда вы остались без посторонних?

— Она твердила в бешенстве: «Какая непроходимая дуреха! Ну, может ли так продолжаться? Она просто пропадет. С кем она, вы не знаете?» Я ответил отрицательно. Видел лишь, как Руби танцевала с Бартлеттом. Джози покачала головой: «Конечно, она не с ним. Но с кем же тогда? Может быть, с этим киношником, как думаете?»

— Каким киношником? — переспросил Харпер с живостью.

— Имени не знаю. Он не останавливался в отеле. Экстравагантный тип с длинными волосами, похож на актера. Чем-то занимается на киностудии, по словам Руби. Два раза приезжал ужинать и танцевал с нею. Не думаю, что это близкое знакомство. Я даже удивился, когда Джози упомянула о нем. Тем более что вчера вечером я его не видел в отеле. Джози в отчаянии повторила: «Она с кем-то ушла. Ну, как мне объяснить ее отсутствие Джефферсоном?» Я опять удивился: «А Джефферсоном-то какое дело?» Но она

продолжала свое: никогда не простит Руби, если та по глупости испортит все дело! Когда мы вошли в комнату Руби, она была пуста, но Руби туда заходила: скинутое вечернее платье лежало на кресле. Джози кинулась к гардеробу: Руби надела старое белое платье, тогда как наш испанский танец исполнялся ею в черном бархатном. Я начинал не на шутку злиться: Руби манкирует работой и ставит меня в глупое положение! Джози сказала, что надо прежде всего не выводить из себя Прескотта, и побежала переодеваться: Мы спустились в зал вместе и медленно станцевали испанское танго, без особых, замысловатых па, чтобы не перетруждать ее больную ногу. Джози держалась молодцом, хотя здорово страдала. Потом упросила меня подойти к Джефферсону, сделать вид, что все в порядке. Я чувствовал ее тревогу и охотно подыгрывал.

Харпер благожелательно кивнул.

— От души благодарен вам, мистер Старр!

А про себя подумал: «Поневоле впадешь в панику, если дело идет о пятидесяти тысячах фунтов стерлингов!» Он проводил взглядом Реймонда, который упругой походкой сбежал с лестницы, прихватив по пути теннисные мячи и ракетку. К корту он шел уже вместе с миссис Джефферсон, которая тоже помахивала ракеткой.

— Прошу прощения, сэр! — сказал запыхавшийся сержант Хиггинс.

От неожиданности Харпер вздрогнул, так он углубился в свои наблюдения.

— Вам только что звонили из полицейского участка, сэр! Какой-то фермер пришел заявить, что рано утром видел возле карьера большое пламя. Полчаса назад там обнаружен остов сгоревшей машины. Примерно в трех километрах отсюда. Среди обломков обугленный труп.

Харпер вспыхнул до корней волос.

— Да что же это творится в графстве Гленшир?! — вскричал он. — Эпидемия преступлений, что ли? Номер машины удалось разобрать?

— Никак нет, сэр. Но выясним по фабричному клейму мотора. А марка автомобиля скорее всего «Миньон-14».

22

Сэр Клитеринг проходил по вестибюлю «Маджестика» с самоуглубленным и отстраняющим видом, мало обращая внимания на встречных, но его тренированное подсознание брало на заметку все детали, которые при необходимости моментально всплывают в памяти. Поднимаясь по парадной лестнице к номерам Конвея Джефферсона, он ломал голову о причине столь срочного приглашения. Без серьезной надобности Джефферсон не стал бы его беспокоить. Следовательно, случилось нечто экстраординарное.

Едва поздоровавшись, Конвей сказал своему другу:

— Как я рад, что вы здесь... Эдуард, принесите нам чего-нибудь покрепче... Садитесь, старина. Вы уже в курсе происшедшего? Неужто в утренних газетах ничего нет?

Сэр Генри покачал головой и спросил с любопытством:

— А в чем дело?

— Речь идет о преступлении. В нем оказались замешаны и я, и наши друзья Бэнтри.

— Артур и Долли Бэнтри?! — У сэра Генри буквально захватило дух.

— Да. У них в доме найден труп. — И Конвей Джефферсон без ненужных подробностей, коротко и точно изложил ситуацию.

Генри Клитеринг весь обратился в слух, ни разу не прервав друга. Оба умели схватывать суть дела. За годы службы в Скотланд-Ярде сэр Генри заслужил репутацию человека пронзительного и мыслящего.

— Странное происшествие, — заметил он, выслушав до конца. — И какова здесь, по-вашему, роль Бэнтри?

— Видите ли, это-то меня и удручает! По-видимому, единственная причина их теперешних неприятностей — знакомство со мною. Они утверждают, что никто из них в глаза не видел несчастную девушку. Очевидно, Руби заманили в ловушку и, чтобы замести следы, тело подбросили к Бэнтри. Как вы на это смотрите?

— Объяснение малоудовлетворительное.

— Но ведь оно правдоподобно?

— Только в какой-то мере. А что вы хотите от меня, Конвей?

Тот проговорил со скрытой горечью:

— Я калека. От этого никак не уйти. Передвижения мои ограничены. Я не могу, как хотелось бы, расспросить тех или иных людей, в общем, провести свое расследование. Мой удел довольствоваться крохами, которые соизволит сообщить полиция. Кстати, вы знакомы с Мэлчеттом, главным констеблем графства Рэдфорд?

— Да, нам приходилось прежде сталкиваться довольно часто.

И тут включилась память сэра Генри. Проходя по

вестибюлю, он мимоходом зафиксировал образ старой дамы, которая сидела в сторонке скромно и очень прямо. Именно Малчетт познакомил их при последней встрече.

— Дорогой Конвей, вы хотите, чтобы я взялся за роль детектива-любителя? Это решительно не по мне.

— Но вы ведь не любитель! — возразил Джефферсон.

— Однако и не официальное лицо. С тех пор, как ушел в отставку.

— По-моему, это только упрощает дело, — сказал Джефферсон.

— Но чего именно вы хотите, Конвей? Разыскать убийцу?

— Разумеется!

— Есть какие-нибудь подозрения?

— Ни малейших.

Сэр Генри сказал, несколько помедлив:

— Вы найдете это очень забавным, но там внизу, в вестибюле, сидит некая особа, которая гораздо лучше меня способна находить отгадки к подобным головоломным историям. Кроме того, все интимные секреты окрестных обитателей у нее как на ладони!

— Вы, конечно, шутите?

— Повторяю: в вестибюле, возле третьей колонны слева, скромненько сидит старая дама самой мирной, непрезентабельной внешности. Но ее живой ум умеет проникать до самых глубин человеческих побуждений. Притом она остается спокойной и доброжелательной. Ее зовут мисс Марпл, она безвыездно живет в деревеньке Сент-Мэри-Мид, всего в трех верстах от Госсингтона. Приятельница Бэнтри. А в детективных делах может дать сто очков вперед любому знаменитому сыщику!

Вскинув брови, Джефферсон несколько секунд вглядывался в выражение лица своего гостя.

— Что вам вздумалось меня морочить?

— Да нет же, Конвей! Вы упомянули о Малчетте. Последний раз я его видел в связи с одной деревенской драмой. Утонула девушка. Но полиция не верила в самоубийство, считая, что налицо преступление, а виновник у них в руках. Тут-то и явилась ко мне весьма взволнованная престарелая леди, чтобы изложить свои опасения. Она считала, что собираются повесить невиновного. Доказательств у нее не было. Но она знала убийцу и протянула мне листок бумаги с его именем. Так вот, дорогой Джефферсон, она оказалась права!

Конвей принудил себя усмехнуться.

— Женская интуиция, не более.

— Вообще нет. Старая леди объяснила, что у нее свой метод. Отсюда и особые сведения.

— Что именно вы имеете в виду?

— Это термин из профессионального жаргона, мой друг. Например, когда происходит ограбление, полиция довольно легко догадывается о его, так сказать, авторстве. У каждого злоумышленника свой почерк. А мисс Марпл — я, кажется, уже называл вам ее имя? — проводит психологические параллели, иногда наивные, основываясь на своих деревенских наблюдениях.

Скептицизм Джефферсона не убывал.

— Что же она может сопоставить с убийством девушки из артистической среды?

Сэр Генри твердо стоял на своем:

— Она может подбросить нам свежую идею. Убежден в этом!

23

Мисс Марпл зарделась от удовольствия, когда сэр Генри подошел к ней с любезным приветствием.

— О, сэр Генри! Это так удачно, что я встречаю вас здесь.

Он галантно отозвался:

— Для меня любая встреча с вами удача и удовольствие!

Она потупилась в смущении.

— Вы бесконечно добры.

— Остановились в этом отеле, мисс Марпл?

— Да, мы решили провести здесь некоторое время.

— Простите, кто мы?

— Миссис Бэнтри и я. — Она взглянула на него многозначительно. — Я вижу, вы уже знаете. Ужасно, не правда ли?

— А что здесь понадобилось Долли? Муж ее тоже собирается приехать?

— Не думаю. У них очень разный подход к одним и тем же событиям. При любой неприятности бедный полковник замыкается в кабинете или отправляется на отдаленную ферму. Вроде черепахи, которая втягивает голову под панцирь. Ну, а Долли совсем другое дело.

— Уверен, что она смакует острые ощущения, извлекая все, что можно, из этой истории, а? — Сэр Генри достаточно хорошо знал их общую приятельницу.

— Ах... знаете ли... бедняжка...

— Значит, она притащила вас сюда, чтобы вы, как фокусник, вынимали кроликов из шляпы?

Мисс Марпл безмятежно объяснила:

— Долли подумала, что перемена обстановки ей поможет. Она не хотела оставаться в Госсингтоне.

Однако, встретив смеющийся взгляд сэра Генри, заморгала ресницами и добавила:

— Пожалуй, вы отгадали правильно. Только я ничем не сумела быть ей полезной.

— Неужели у вас не нашлось хоть какой-то аналогии с деревенскими происшествиями?

— Я так мало знаю об этой истории...

— Тут я смогу вам помочь. Тем более что жажду вашего совета, мисс Марпл.

И он, не пропуская ничего, изложил ей факты. Она слушала с неослабевающим вниманием.

— Бедный мистер Джефферсон! — вздохнула она. — Какая печальная история с этой авиационной катастрофой. Остался совсем один да еще недвижимым калекой. Для него было бы легче погибнуть вместе со всеми.

— Может быть. Мы, его друзья, глубоко уважаем мужество, с которым он преодолевает свое горе.

— Да, он достоин сочувствия и восхищения.

— За все годы он проявил лишь одну слабость: внезапно и горячо привязался к этой маленькой танцовщице. Должно быть, она была замечательной девушкой, раз вызвала такое чувство!

— Вот уж необязательно, — возразила мисс Марпл. — Не думаю, что ее достоинства сыграли хоть какую-то роль.

Сэр Генри бурно запротестовал.

— Но не принимаете же вы Джефферсона за банального селадона?

— О нет, нет! — воскликнула пожилая незамужняя дама, густо краснея. — Ни одной минуты не думала так! Я просто неудачно выразилась. Мне хотелось сказать, что он бессознательно тянулся к какому-нибудь юному существу, которое хоть отчасти восполнит ему утрату дочери. А перед танцовщицей блеснула небывалая возможность. Вот она и ухватилась за нее. Вы сочтете меня слишком подозрительной, но я наводилась подобных случаев. Вот, например, молоденькая служанка мистера Харботла... Заурядная девушка, правда, с ровным характером и неплохо воспитана. Сестру, которая вела хозяйство этого старого холостяка, вызвали куда-то ухаживать за их больным родственником. Вернувшись, она обнаружила в поведении служанки разительную перемену: та сидела в гостиной, болтая и бесцеремонно хохоча. На ней не было ни фартука, ни чепца. Мисс Харботл попробовала сделать ей замечание, но в ответ услышала дерзость. А брат совершенно поразил ее, объявив, что переписал свое завещание в пользу этой девушки. Представляете, какой скандал? Бедной мисс Харботл пришлось покинуть дом и снять крошечную квартирку в Истборне. Люди, конечно, предполагали всякое. Но я-то думаю, что ничего не было. Просто старого джентльмена радовало общество хорошенькой жизнерадостной девушки, и он предложил ее сестре, которая деспотически заправляла всем домом да еще вечно куksилась.

Немного подумав, мисс Марпл с живостью продолжала:

— А еще у нас есть аптекарь мистер Бэдджер. Этот уделял слишком много внимания молоденькой продавщице из парфюмерного отдела. Он даже уговаривал жену взять ее к ним в дом, будто она их родственница. Но миссис Бэдджер взглянула на это иначе.

Сэр Генри заметил примирительно:

— Ну, если эта продавщица принадлежала к их кругу... скажем, осталась сиротой после хорошего знакомого...

Мисс Марпл живо перебила:

— О нет! Тогда она привлекла бы его гораздо меньше. Старому джентльмену, потерявшему вкус к жизни, приятно оказывать покровительство существу одинокому, заброшенному, которое привяжется к нему за его великодушие. Он поднимается в собственных глазах, когда думает о своем добром поступке и о той радости, которую доставит ему ожидаемая благодарность. — Она помолчала. — Мистер Бэдджер делал продавщице дорогие подарки: браслет с бриллиантами, радиоприемник, прекрасный проигрыватель. Он потратил на нее значительную часть своих долголетних сбережений. Однако миссис Бэдджер оказалась предприимчивей бедной мисс Харботл (замужество дало ей опыт!). Она проследила за этой девицей, и однажды мистер Бэдджер получил доказательства того, что его любимица связалась со скверным парнем, игроком на скачках, и он уже спустил почти все его подношения. Оскорбленный герой уволил интриганку, а жене преподнес на рождество бриллиантовый перстень.

Лукавый взгляд старой дамы встретился с внимательными глазами отставного комиссара Скотланд-Ярда. Тот раздумывал, не скрыто ли инсказание в этих побасенках.

— Значит, вы думаете, что если бы у Руби Кин оказался любовник, это могло изменить отношение к ней моего друга?

— Разумеется. Кто может поручиться, что вскоре он не пожелал бы на ней жениться? Мужчины заходят далеко в своих увлечениях. Во всяком случае, если у Руби был роман, то она уж позаботилась бы держать его в тайне.

— И по-вашему, скрываемый любовник мог отомстить ей за это?

— Пока не нахожу другого объяснения. Я заметила, что ее кузина, молодая женщина, которую привозили сегодня утром в Госсингтон, едва скрывала досаду по поводу этой смерти. Сейчас вы объяснили причину. Она наверняка рассчитывала на собственную выгоду, если Руби станет наследницей Джефферсона.

— Вы считаете ее такой расчетливой и бесщедерной?

— Не судите слишком строго. Кусок хлеба достается ей нелегко. Почему же ожидать, что она станет миндальничать, если речь идет о богаче? И какое ей дело, что этих денег ожидают Гэскелл и молодая миссис Джефферсон? Кстати, не имея на это никаких прав. Мисс Тернер производит на меня совсем неплохое впечатление, она честолюбива, обладает сильным характером и большой жизненной стойкостью.

Сэр Генри спросил:

— А когда, по-вашему, моему другу Конвею пришла мысль сделать танцовщицу своей наследницей?

— Скорее всего... не поймите меня превратно, но, возможно, его зять или невестка захотели вступить в новый брак?

— Джефферсон не стал бы возражать.

— Конечно, нет. Но поставьте себя на его место. Все трое пережили одну и ту же трагедию. Это их сблизило, свело под общую крышу. Но, как говорила моя бедная матушка, время — лучший целитель. Мистер Гэскелл и миссис Джефферсон еще молоды. Вечное напоминание о прошлом начинает тяготить их. Мистер Джефферсон чувствовал это, молча страдал, и наконец его привязанность к обоим стала иссякать. Ведь он переносил на них любовь к погибшим детям. А теперь его обступало безысходное одиночество. Если помните, сестра мистера Харботла уехала от брата, тогда как миссис Бэдджер...

Сэр Генри позволил себе перебить ее:

— Ну, что за привычка ставить всех на одну доску! Право, мисс Марпл, бессмысленно считать, что все думают и поступают по шаблону. Я с этим решительно не согласен!

Мисс Марпл с грустью покачала головой:

— Человеческая природа имеет общие законы.

— Но тот продолжал с досадой:

— Как можно равнять каких-то Харботла и Бэджера с мистером Джефферсоном! Не люблю касаться своей особы, но неужели вы отыщете в деревне кого-то похожего и на меня?

— Даже искать не надо. Это Бригс.

— Какой еще Бригс?!

— Бывший главный садовник в одном имении. Лучший из садовников! Он был осведомлен в своей области решительно обо всем; подчиненные только в затылке чесали... С тремя подручными и одним мальчишкой на побегушках он содержал парк и оранжерею в таком виде, будто здесь потрудились полдюжины дипломированных цветоводов! Его сорта душистого горошка отмечены многими призами на выставках. Сейчас он отошел от дел.

— Как и я, — пробормотал сэр Генри.

— Но иногда что-то делает то тут, то там. Особенно если просят симпатичные ему люди.

— Точь-в-точь как и я, — вынужден был согласиться сэр Генри. — Таково мое занятие в настоящий момент. Хочется помочь старому другу.

— Вернее, двум старым друзьям.

— Двум? — несколько удивился сэр Генри.

Мисс Марпл продолжала с настойчивостью:

— Вы подумали о мистере Джефферсоне, но забыли о полковнике. Я беспокоюсь также и о миссис Бэнтри.

— Ах, да. Теперь понимаю. Вот почему вы назвали Долли бедняжкой?

— Да. Она пока еще не осознала всей опасности положения. Видите ли, сэр Генри, эта зловещая тайна может остаться нераскрытой. И какой драмой это обернется тогда для супругов Бэнтри! Полковник, как большинство военных, чрезвычайно щепетилен в отношении чести своего имени. Поначалу он постарается отнестись к пересудам равнодушно. Но постепенно всеобщая подозрительность доконает его. Кто-то подпустит в разговоре шпильку, прозрачный намек, кто-то откажется от приглашения, конечно, с извинением. Но постепенно все станет ясно. Бедняге ничего, не останется, как спрятаться в свою скорлупу, вести грустную, отшельническую жизнь.

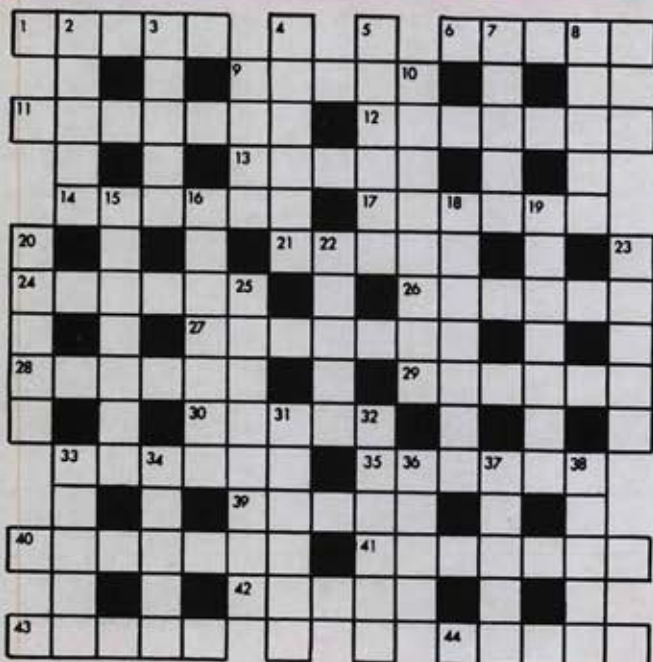
— Если я вас правильно понял, мисс Марпл, из-за того, что труп обнаружен в библиотеке Бэнтри, подозрения падут на него?

Продолжение следует.

Перевели с английского
Галина КОСТИНА и Лидия ОБУХОВА.

КРОССВОРД

Составила Д. СИНЕГУБОВА, Москва

По горизонтали:

1. Наука, изучающая мораль. 6. Степень родства. 9. Среднеазиатский бубен с колечками внутри обода. 11. Отец Элен в романе Ж. Верна «Дети капитана Гранта». 12. Балет С. Ляпунова на музыку одноименной фантазии М. Балакирева. 13. «Маша имела прекрасный ... и большие музыкальные способности» (А. С. Пушкин. «Дубровский»). 14. Агитационный жанр в живописи. 17. Французский балетмейстер, разработавший принцип «трех хореографических планов». 21. «Отелло», «Паяцы», «Риголетто» (жанр). 24. Химический элемент, открытый К. Мосандером в 1839 году. 26. Высокохудожественная телевизионная трубка. 27. Первое русское название прибора, показывающего скорость движения. 28. Овощ, для длительного хранения которого пригодна только яровая форма. 29. Дословная выдержка из текста. 30. Поэт, «приручивший» конька-горбунка. 33. Документ, удостоверяющий права и полномочия. 35. Один из островов Фиджи. 39. Игра с обручем. 40. Плотницкий инструмент, изображенный на гравюре А. Дюрера «Меланхолия». 41. Город на севере Алжира. 42. Символ солнца, на котором весной гадали девушки в старину. 43. Крупная ружейная пуля. 44. Предмет на льду, за которым следят миллионы телезрителей.

По вертикали:

2. Судно для перевозки грузов по любым направлениям. 3. Деталь одежды В. Маяковского, о которой было очень много разговоров. 4. «Ценной была тогда медь, а ... было в презренье как бесполезная вещь с лезвием, от удара тупевшим» (Лукреций. «О природе вещей»). 5. Французская писательница, сначала писавшая на русском языке. 7. Необходимый для жизни растений компонент почвы. 8. Выходящее растение, используемое в народной медицине. 9. Художник-импрессионист, сказавший Полю Валери: «У вас большой недостаток: вы всё хотите понять». 10. Национальность Михаила Кузмина, поэта, писателя, критика, музыканта. 15. Должность Акциана в романе Р. Джованьоли «Спартак». 16. Хорошо плавающий макак. 18. Промышленное предприятие. 19. «Двигатель торговли». 20. Вишне-слива, распространенная на Кавказе, юге Украины, в Молдавии. 22. «А мы ... сеяли, сеяли» (из народной песни). 23. Вероложья колючка, корни которой проникают вглубь на 10 и более метров. 25. Один из двух писателей, прочитавших первую повесть Ф. Достоевского и прибежавших ночью к В. Белинскому с криком: «Гоголь, новый Гоголь явился!» 31. Штепсель с одним штырем. 32. Группа неевропейских стран, где при одном из способов изготовления вазу разбивают, осколки склеивают и разрисовывают по трещинам. 33. Город на островах Фиджи. 34. Народ, живущий в Заире и Конго. 36. Зверь, избегающий сплошные лесные массивы. 37. Вспомогательное утверждение при доказательстве теоремы. 38. Русское название фазы уменьшения Луны.

ОТВЕТЫ

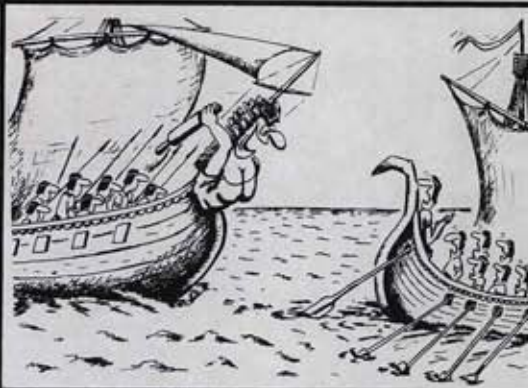
НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫМ В № 13

По горизонтали:

1. Туман. 4. Умари. 11. Владимир. 12. Ырсадиев. 15. Леви. 16. Щербатова. 17. Рекс. 20. Винсон. 21. Немец. 22. «Эрпели». 25. Инспектор. 26. Лейпциг. 28. Повесть. 30. Фарнхаген. 35. Россия. 36. Йорик. 37. Бешмет. 40. Врач. 41. Портсигар. 42. Елка. 45. ...шкатулка... 46. Зиновьев. 47. Жатва. 48. Скотт.

По вертикали:

2. Урду. 3. Армеец. 5. Москва. 6. Роль. 7. Славянин. 8. Грибоедов. 9. Выстрел. 10. ...леченги. 13. Слива. 14. Юстин. 18. Монплеизр. 19. Прапрадед. 23. Якуты. 24. Хейно. 27. Саникидзе. 29. Отставка. 31. Ермолаев. 32. «Кровь». 33. Дортуар. 34. Атлас. 38. Козлов. 39. Чайник. 43. Этна. 44. ...цвет.

Рисунки Вадима АДАМОВИЧА, Херсон

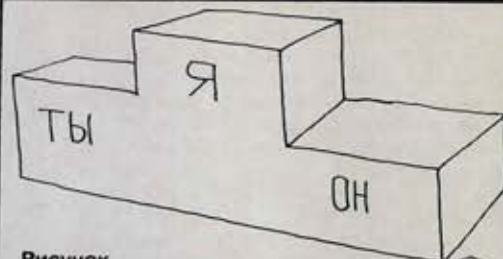

Рисунок Евгения СОКОЛОВА, г. Красноярск

Рисунок Вадима ГОРЮНОВА, Рязань

28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

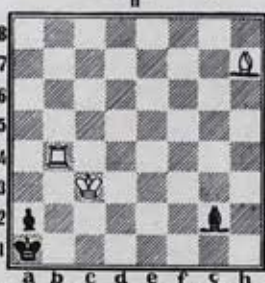
В СИЛУ ФЕРЗЯ

Слон и ладья при налаженном взаимодействии — большая сила, вполне сравнимая с силой ферзя. Сопоставление это правомерно еще и потому, что ферзь соединил в себе свойства ладьи и слона. Есть, правда, одно существенное отличие: ферзь доступен и белые, и черные диагонали. Зато в распоряжении двух фигур гораздо больше разнообразных тактических возможностей.

Одиннадцатый тур

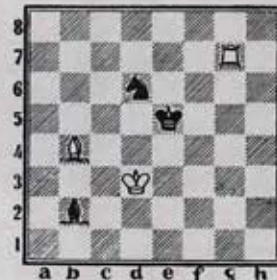

Белые: Крс3, Лб6, Сс2 (3)
Черные: Кре1, п. е3 (2)
Мат в 3 хода (1 балл)

Белые: Крс3, Лб4, Чh7 (3)
Черные: Кра1, Сg2, п. a2 (3)
Мат в 5 ходов (2 балла)

III

Белые: Крд3, Лг7, Сб4 (3)
Черные: Кре5, Сб2, Кd6 (3)
Выигрыш (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 11-й тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 15 сентября.

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного тренера БССР Виктора КРАМАРЕНКО

ЗНАКОМАЯ ИДЕЯ

Мы уже знакомили читателей с отличительными правилами игры в русских и международных шашках. Несмотря на различия в правилах, две эти игры объединяет множество стратегических и тактических идей. Не случайно многие известные гроссмейстеры по международным шашкам начинали свой спортивный путь, играя на малой доске.

Рассмотрим две позиции, в которых использована одна и та же комбинационная идея. Причем впервые она встретилась в русских шашках, а затем с успехом применялась и на столоточной доске.

Белые выигрывают, проведя изящную комбинацию: 1. cd4 e:c3 2. ed2 c:e1 3. gh4 e:e5 4. h:d8x.

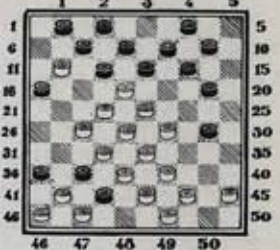

Одиннадцатый тур

В предлагаемой позиции, которая встретилась в одной из партий проходящего сейчас чемпионата СССР по переписке, белые осуществили комбинацию, используя приведенную выше тактическую идею.

В. Крамаренко (Москва) — Б. Ревунец (Киев)
Ход белых. Найдите комбинацию (4 балла).

В. Малашенко, Минск. Публикуется впервые.

В своей новой работе белорусский композитор достиг своеобразного рекорда: правило «большинства» используется восемь (!) раз: семь краду — за черных и один — за белых.

Ход белых. Найдите эту рекордную комбинацию (4 балла).

Ответы на задания одиннадцатого тура присылайте с пометкой: «4-я шашечная олимпиада. 11-й тур. «100». Каждое задание на отдельной открытке.

Рассматриваться будут ответы, отправленные до 15 сентября (по почтовому штемпелю).

Дорогие друзья!

Юность живет жаждой высокого подвига, прекрасными порывами души, обращенными на благо Отчизны. Приобщение молодого поколения к идеалам и свершениям советского народа всегда было важнейшей задачей Ленинского комсомола. Решения XXVII съезда КПСС требуют от комсомола нового уровня деловитости, компетентности, творческой отдачи, смелости в решениях и действиях. Эту же задачу как самую главную ставит перед собой и комсомольский журнал «СМЕНА», публикации которого в первую очередь адресованы юному и молодому читателю.

«СМЕНА» уделяет пристальное внимание вопросам партийного руководства комсомолом, рассказывает о том, как коммунисты-ленинцы передают молодым свой богатейший жизненный опыт борьбы и труда, тот опыт, то знание жизни, которые помогают выйти на верную дорогу, стать активным участником жизни общества, верно разбираться в чем состоит долг и право человека и гражданина нашей страны. Рубрики «Письма из райкома», «Беседа с партийным руководителем», «Автобиографии», «Жизнь замечательных людей» интересны тем живым, положительным примером, о котором должен знать каждый человек, а молодой в особенности.

Материалы рубрики «Что волнует молодых» будут отличаться новым содержанием, новой разработкой тем. Конкретное письмо послужит сигналом к командировке корреспондента для разбора описанной ситуации, непосредственного вмешательства в конфликт, участия в поиске путей его разрешения.

Напряженная международная обста-

«СМЕНА» 87

новка предъявляет особые требования к тем, кто стоит на страже мира, рубежей нашей Отчизны. Очерки и репортажи постоянной рубрики «Служу Советскому Союзу!» ближе познакомят вас с напряженными буднями армейских комсомольцев, защитников Родины наших дней.

Под рубрикой «Девять парней одного призыва» будут публиковаться материалы, рассказывающие об армейской судьбе молодых людей, призванных из Витебска в воздушно-десантные войска.

Ценность человеческой жизни определяется прежде всего тем, что ты сделал для людей. Труд — мерило, по которому в нашей стране судят о человеке. Вот почему «СМЕНА» всегда особо внимательно относилась к трудовой деятельности советской молодежи. Производственная жизнь не проста. Она полна конфликтов и противоречий. Тем важнее здесь верные и надежные ориентиры. Вопросы дисциплины и организованности, ответственности и пассивной исполнительности, трудовых и нетрудовых доходов волнуют сегодня многих. И вы сможете участвовать в разговоре о них на страницах журнала.

Вводится новая рубрика «Молодые силы НТП», отражающая тему участия молодежи в ускорении научно-технического прогресса.

«СМЕНА» расскажет о роли научно-технического прогресса в наши дни, а ее рубрика «Компьютерный всеобщ» поможет уверенно чувствовать себя наедине с самой современной техникой. На страницах журнала выступают известные советские ученые, они расскажут о последних достижениях в различных сферах науки.

Школьник и учащийся ПТУ, преподаватель и мастер производственного обучения всегда найдут на страницах журнала материалы о том, как претворяется в жизнь реформа школы, чем сильны наши лучшие педагоги, в чем их «секреты», о которых они расскажут со всей откровенностью.

Л. Жуховицкий, О. Чайковская, Д. Валеев, В. Переведенцев, К. Скопина, Ю. Феофанов, Е. Добровольский и другие известные публицисты поведут на страницах журнала разговор о житейских драмах и нравственных испытаниях, выпадающих на долю человека, о тех явлениях, борьба с которыми должна стать делом каждого из нас. Пьянству и хулиганству, стяжательству и желанию преуспеть за чужой счет, рвачеству и бюрократизму можно и нужно противостоять. Как? Читайте материалы под рубриками «Нравственная норма», «Жизнь семьи», «Закон и ты», «Надо обсудить».

Есть дело, в котором должны объединиться все люди доброй воли. — дело борьбы за мир. Прочный мир может быть достигнут только в борьбе, нашими совместными усилиями. О том, как борется молодежь Земли за будущее без войн и угнетения, вы узнаете из материалов наших корреспондентов и авторов.

В серии «Литературный глобус «Смены» читателя ждут встречи с произведениями мастеров гуманистического направления прозы и поэзии зарубежных стран. По традиции, журнал будет отдавать предпочтение произведениям с напряженным действием, острыми моральными коллизиями.

Всегда вызвали особый интерес читателей литературные полосы «СМЕНИ». Ведь имена Виктора Астафьева

и Андрея Вознесенского, Юрия Нагибина и Евгения Евтушенко, Георгия Семёнова и Михаила Дудина, Саввы Дангулова и Евгения Винокурова, Виктора Потанина и Андрея Дементьева, Виктора Лихоносова и Беллы Ахмадулиной, а также многих других постоянных авторов «Смены» любят читатели всех поколений.

Прочное читательское признание завоевали такие рубрики журнала, как «Силуэты», «Литературные уроки», «Хрестоматия «Смены».

На «Конкурс одного стихотворения», который будет проводиться на страницах журнала седьмой год подряд, присылают свои стихи рабочие и студенты, школьники и военнослужащие. Тысячи подборок стихов рассматриваются редакцией ежедневно! Уверены, что их не станет меньше!

Со страниц «СМЕНИ» к читателям пришли герои известных ныне произведений Ю. Семенова, братьев Вайнеров, С. Высоцкого, братьев Стругацких, Н. Леонова и многих других признанных мастеров приключенческого жанра, особо любимого молодым читателем. Знакомство с новыми героями произведений этого жанра будет продолжаться и впредь из номера в номер.

Досуг, свободное время. Чему посвятить его, чем заняться?

Откройте номер «СМЕНИ», и вы сможете побывать в самых красивых уголках нашей многонациональной страны. Наверняка материалы под рубрикой «Отечество» не оставят вас равнодушными.

Со страниц журнала к вам обратятся чемпионы СССР, мира и Олимпийских игр. Причем собеседника вы можете выбрать сами, написав письмо в адрес

рубрики «Твой собеседник — чемпион» и «Спортивный автограф». Под рубрикой «Скорость» журнал продолжит публикацию материалов об отечественных мотоциклах и чемпионах мотоспорта, о новых моделях автомобилей и молодых энтузиастах, создающих новые спортивные модели машин. А в футбольном клубе «Надежда» ваших вопросов и предложений ждут как футболисты, так и болельщики, известные спортивные журналисты и тренеры.

Музыка сегодня — безбрежный океан мелодий и ритмов, в котором не так легко ориентироваться. Случается, что из всего этого богатства молодые люди по незнанию выбирают только единственный ручеек. «СМЕНА» знакомит своих читателей со всем многообразием музыкальной жизни.

Быть красивым, модным, но не вульгарным, умеющим одеться разнообразно, но некрикливо научит вас рубрика «Молодежная мода».

Десятки тысяч читателей из года в год принимают участие в многочисленных конкурсах «СМЕНИ». А участники шахматных олимпиад завоевывают спортивные разряды, высылая решения по почте. Опытные юристы ответят на вопросы читателей.

Напоминаем: в розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

Приглашаем вас,
дорогие друзья,
подписаться на «Смену».

Редакция журнала ЦК ВЛКСМ
«СМЕНА»
Издательство ЦК КПСС
«ПРАВДА»